

Тула литературная Альманах № 1 – Интернет

2009 Тула литературная. Альманах. № 1 - Интернет. Июнь

Составитель и главный редактор Мирошниченко Г.Г.

Альманах представлен в Интернете: <http://littula.genmir.ru>
Авторы альманаха дополнительно публикуются на страницах Интернета:
Проза <http://proza.genmir.ru>
Поэзия <http://poet.genmir.ru>

Редакция заранее выражает сожаление по поводу отказов в публикации и приносит свои извинения в связи с этим.

Адрес редакции: info@genmir.ru

Издание альманаха в бумажном варианте может отличаться от электронного варианта как в сторону снижения объёма, так и в сторону его расширения.

© Мирошниченко Г.Г. 2009

© Авторы по разделам. 2009

От издателя и составителя Альманаха "Тула литературная"

Главная идея нашего альманаха не намного отличается от главной идеи любого другого альманаха, журнала, сборника, где печатаются произведения людей, преданных душою литературе.

Когда я высказал идею собрать в Интернете альманах "Тула литературная", некоторые мои близкие люди решили, что я заболел. Ведь, приступая к такого рода труду, всегда попадаешь под прицел и друзей, и врагов: плодятся недовольные моим отбором.

Сегодня многие люди пишут стихи. И пока что многие из нас берутся их оценивать "со своей колокольни". Но ведь каждый из нас прекрасно знает, что подогнать всех под одну, пусть гениальную, кальку невозможно. Имеет право на жизнь всё то, что жизнь людей продлевает и делает радостней, оптимистичней. Вместе с тем, спорными являются утверждения, что грусть, тоска, трагичность в стихах не всегда играют положительную роль. Бывали периоды в развитии поэтического слова, когда великие трагические лирики диктовали моду на форму и суть стиха. От этого поэзия не только не умерла, но и стала сильнее, ибо мастерство поэтов-трагиков перевешивало.

К сожалению, в последние годы формы прозаических произведений во многом как-то упростились, а их наполнение стало отражением той вольницы, которая заполнила нашу жизнь, наш быт. При отборе материала в настоящий альманах редакция руководствовалась одним, но важным принципом: произведения должны быть интересными и жизнеутверждающими, вызывающими всплеск положительных мыслей. Долой угнетающие психику сцены! Долой натурализм патологоанатомов! Долой анатомию любви! Да здравствует ретро романтики и героизма!

Мирошниченко Г.Г., июнь 2009.

Татьяна Леонова (Абинякина)

Татьяна Ивановна Леонова (Абинякина) родилась в г. Ставрополе. Стихи пишет с раннего детства. В настоящее время живёт в городе Щёкино, Тульской области, вблизи Ясной Поляны. Любит природу, походы по грибы, увлекается туризмом. Много ездит по святым местам и монастырям России, что и вдохновило на рождение цикла стихотворений «Странница».

Изданы сборники стихов «Два сердца, две души, две жизни», «Пространство любви» (совместно с поэтом Г. Миром), «Загляну в твои глаза» «Окуну свои кисти в радугу», «Бог твоими глазами мне в душу глядел», «Яснополянское чудо», Пред иконочкой свечка», «Хочу запомнить». Стихи постоянно публикуются в альманахах «Тула», «Приупские просторы», «Солова», «Поэтическое братство».

На многие стихотворения как самой, так и другими композиторами, написаны песни.

Специалист в области информатики.

Член Российского Союза писателей.

Член Союза журналистов России.

Сайты в Интернете: «Поэзия Татьяны Леоновой»:
<http://leo.genmir.ru>

Стихи

МОЛЬБА

Господи, петъ научи о России,
О православной России святой,
Той, что небесно-лазурные сини

На купола пролила красотой,

Той, что светильники-Храмы восставила
И приготовилась трепетно ждать
Духа Святого, что прежде оставила,
Божию милость и благодать!

Господи, дай мне любовью проникнуться,
Тою, что память о Небе хранит!
Дай мне с Твоею лишь волею свыкнуться,
Дай мне терпенья, как скалам гранит!

Господи, дай моей ласковой Родине,
Где родники – как от Неба ключи!
Дай распрощаться со всеми невзгодами,
Сердце подставив под Божьи лучи!

Господи, дай мне пропеть о России,
Милой России дубрав и берёз,
Той, что проявится в Славе и Силе
В нас покаяньем исторгнутых слёз!

Давно такой от счастья пьяной
Я не была!
Мы шли – и Ясная Поляна
Вокруг цвела.

Купалась в облаках сиреней
Небесна хлябь,
И ветки клёнов отсырели,
По речке рябь.

Дождём с небес и даже градом
Шла благодать!

Вот так же близко, вместе, рядом
Века б шагать...

Давно такой от счастья пьяной
Я не была.
Мы шли – и Ясная Поляна
В душе цвела...

Из несвободы – на простор,
Где мокрый луг и запах пашни,
Где по оврагам снег вчерашний,
И птиц счастливый разговор.

Где зелень свежая манит,
Стремясь на свет и воскресая,
Где аромат земли, касаясь,
И будоражит, и пьянит.

Где я счастливая сольюсь
С ручьем, былинкой, клейкой почкой,
Родившимся вчера листочком,
К Творцу молитвенно склонюсь!

Там, где воспрянув ото сна,
Всё к жизни пробудилось снова,
И мокрой веткою ивовой
Приходит новая весна.

Когда проснувшись ранним утром
Я выбегу навстречу солнцу,
Своим лучом золотомудрым
Оно души моей коснётся.

И звонким эхом голосистым
Ему природа отзовется,
Сияя отсветом лучистым,
В росинке каждой разольется.

Когда в росистую прохладу
Ступни босые окунутся,
Земной наполнюсь я отрадой,
Дав каждой клеточке проснуться!

И отражаясь единеньем,
Земли и неба, звезд и солнца,
Постигнув радости мгновенья,
Я вечность счастья пью до донца.

ФЕВРАЛЬ

Розовые пряники – дома,
Утопают в сахарных сугробах,
На дороге галок кутерьма –
Сладко, как за пазухой у Бога.
Оставляю на снегу свой след,
Наслаждаюсь ветром и свободой
Вместо тени прошлой – нынче свет
Радует надеждой и погодой!
Я живу предчувствием весны,
Кровь по жилам снова колобродит!
Шустрый зяблик на ветвях сосны
В такт моей мелодию выводит.

В период тягостных невзгод
Судьба мне подарила встречу...

И мнился мне рассветом вечер,
Закат сменивший на восход.

Клубился пожелтевший лес
Берёзовыми облаками...
И мы с сомкнутыми руками
Купались в синеве небес...

А над зеркальностью пруда,
Как паутины, проплывали
Багряной осени вуали
Из неоткуда – в никуда...

Обрушась водопадом слов,
В стихи переплавлялась проза,
И проступали счастья слезы
От постижения основ!...

На фоне увядающего сада,
Средь бурых листьев и продрогших веток
Рябина как последняя услада
Светила в небо нежным рдяным светом.

И что-то запредельное мечталось
В её переплетеньях и изгибах,
Как будто чья-то здесь душа металась
И вдруг, похолодевшая, застыла.

Но сквозь скульптурное отображенье
Её смиренья, бунта и страданий
Пульсирует в ветвях огня движенье,
Как вечная основа мирозданья.

На фоне увядающего сада,

Средь бурых листьев и продрогших веток
Рябина как последняя услада
Светила в небо нежным рдяным светом.

Спрятан в облаках тумана
Лес осенний, лес обманной,
Где на выцвевших полянах -
Груды золотых монет,
Где калиновая алость
К темным елям приласкалась,
А осенняя усталость
В сонный погружает бред.
Где небесные скрижали
Тонкость сосен отражают,
Лес как будто окружают
Тонкой сетью из дождя,
Над рекой неторопливой
Распластались ветви ивы,
Где так тянет быть счастливой...
Но возможно ль без тебя?

Мы все когда-нибудь уйдем,
Земную выполнив задачу,
Мгновенно перестанет значить -
Всё, что с собою не возьмём.

А сколько жертв у суеты!
Нам с раннего вбивают детства:
Не для себя, так для наследства -
И жизнь рабом проводишь ты...

Нам Бог дарует всё сполна:

У речки, на опушке леса,
Себя наследною принцессой
Я чувствую в Его волнах.

Дан целый мир в наследство мне:
Мир Божьей красоты и Духа
Богатство для очей и слуха -
Всё, что мне надо на земле.

А Вас я ни в чем не хочу обвинять,
Что связано с Вами – то чисто и свято.
Уходите прочь? Не спешу догонять –
Теперь на кресте моя воля распята...

Печаль, ту, что камнем на сердце лежит,
Сниму осторожно, запру в уголочке.
Обиду, что мухой над ухом жужжит
Уже не впущу я ни в душу, ни в строчки.

И только Любовь, что светила в пути,
Когда пробирались сквозь темень и стужу,
Любовь, что с тобой удалось мне найти,
Её я, как клятву, вовек не нарушу.

Любовь, что вдохнула и веру и жизнь,
Её не заменят ни деньги, ни слава,
Любовь, что молила в огне: Продержись!
Пребудет во мне самым прочным из сплавов.

Рано, рано над Россией
Закружилось воронье.
Вам не знать её бессильную,

Не клевать её жнивьё.

Да, ослабла подневольная,
Но теперь-то посмотри –
На поля её привольные
Вновь идут богатыри.

Молодые и плечистые,
Каждый силушкой за двух.
Матерей глаза лучистые
Осеньет Божий дух.

Мать-Россия просыпается,
Поднимается с колен.
Вороньё напрасно мается
У её высоких стен!

О, Русь моя, святая и всепетая,
Опять, опять теряешь с жизнью нить,
И душами кричат твои поэты,
Тебя, пытаясь сердцем заслонить!

О, Русь моя, то добротой, то ленью
Ты попускаешь недругам войти,
О, сколько было над тобой глумленья
И сколько может впредь произойти!

То манны ждешь, то щучьего веленья,
Тебя ж терзают, режут вкривь и вкось,
И ты опять теряешь поколенья,
Не на войне, а просто на авось!

Как быстро лето пролетело –
Уже рябиновые грозди
В ветвях румянятся несмело,
И август манит осень в гости.

Уже желтеет лист на клёне
И грустью от берёзы веет,
Но на лугу пока зеленом
Охалка Иван-чая рдеет.

Ещё полуденное солнце
Тебя теплом облобызает,
Но по утрам с ложбины донца
Туман молочный выползает.

Так наша жизнь – ещё как будто
И сединой не опалило,
Но вдруг в сыром тумане утро
Напомнит: всё уж было, было...

КОНЦЕРТ СЛОБОДАНА ТОДОРОВИЧА
В ДОМЕ Л.Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ 26
СЕНТЯБРЯ 2006 г.

Музейной тишиной столовая Толстых
Защищена, как колпаком стеклянным,
А у стены рояль давно затих,
Над ним – портреты в рамках деревянных.

Но помнят эти стены, этот стол:
В кругу семьи, под звуками пьянея,
Здесь, сидя в кресле, слушал Лев Толстой,
А за роялем был Сергей Танеев.

Сегодня вновь взорвали тишину

Аккорды Листа, Баха и Шопена
И будто бы реальность обманув,
Изображенья ожили на стенах.

Преодолев завес времён густой,
В столовой, неподвластной переменам,
Сидел в любимом кресле Лев Толстой
И улыбалась София Андреевна.

Призыв души и сердца уловив
Иль починяясь высшему велению,
Традиции Толстых возобновив,
Опять Талант приехал в гости к Гению.

Здесь всюду Божья благодать –
Её хранит монах смиренный.
Здесь хочется поразмышлять
О жизни вечной и нетленной.

Здесь знаешь – надо плоть смирить,
Тогда душа достигнет Неба,
И можно праведно прожить,
Довольствуясь кусочком хлеба.

Смотреть как быстрая река
Теченьем лист сухой уносит,
И понимать: как коротка
Жизнь среди полей и среди сосен.

Уняв бурление в крови,
Смирить желания и страсти...
Здесь Бога только призови,
И он спасёт вас от напасти.

Спасёт от глупой суеты.
Здесь под шатром из веток ивы,
Сюда всегда стремишься ты,
Чтоб ощутить себя счастливой.

Высоко, торжественно, щемящее
Из души исторглась песня – грусть.
Тонким колокольчиком звенящим
Я к сердцам стихами прикоснусь.

Помолюсь я о своей России,
Чтобы Бог избавил от невзгод,
Чтоб хлеба как прежде колосились,
Чтоб в грехе не утопал народ,

Чтобы чаще улыбались дети,
Чтобы старость чтили на Руси,
Чтоб счастливее всем жилось на свете:
Господи, еси на Небеси!

ВСТРЕЧАЕТ ОПТИНА МЕНЯ

Я припадаю головою
К святым намоленным стенам,
И благодатью неземною
Меня встречает Божий храм.

В приделе слышится молитва –
Амвросию хвалебный гимн,
И радость светлая разлита,
И Ангел кружится над ним.

Прошёл походкой торопливой

В трудах духовных монахов,
И золотым сверкнул отливом
Луч солнца в звёздных куполах.

И благовонья источают
Цветы, и липы, и земля –
Так Оптина меня встречает,
И расцветаю сердцем я.

В ОПТИНОЙ

Моя несказанная небыль
Обжитою стала страной –
Кресты, устремлённые в небо,
Над тихой юдолью земной.

Сюда приезжаю всё чаще,
Как будто бы Родиной мне
И эти сосновые чащи,
И эти закаты в огне.

Сюда покаянную душу
В раскрытых ладонях несу,
А брэнное тело осушит
Костёр и палатка в лесу.

Лишь только над кромкой рассвета
Ночная рассеется мгла,
Вольются в симфонию света,
Звенящие колокола.

Небесная радость разлита
В росинках и пении птиц –
Иду по тропинке с молитвой
Упасть пред иконами ниц.

Торжественны речи и хоры –
Молитва достигнет Небес.
А ночью опять разговоры
И слышит их дремлющий лес.

И кружка духмяного чая,
С походного котелка,
Излечит былые печали
Святою водой родника.

Примири, о, Боже, всех враждующих:
И внутри себя, и меж собой,
И тогда, вместо страстей бушующих,
На земле поселится Любовь!

Чтоб сердца, отравленные ревностью,
Завистью, что вылилась рекой,
Исцелились добротой и верностью,
Обрели и счастье, и покой

Стран изменяются названия
И побережий очертания,
А море, что о берег бьётся,
Всё неизменным остаётся.

Как в времена великой Трои
На берегу застыли двое,
И заморожено глядят
На волн стремительный каскад.

Вдали лазорями играя

И солнца бликами сверкая,
Как на поверхности стекла,
Пред ними вечность пролегла.

И было вечным, словно море,
То чувство, что хранили двое.
На берегу – она и он, –
Любви слияние и волн.

ЛЕСНЫЕ СВИРЕЛИ

Утро укрыла тумана завеса,
Льется над городом музыка леса:
Тысячи звонких свирелей
В ветках озябших запели.

Тонкое нежное многоголосье,
Птицы на ветках, как зёрна в колосьях:
Рвётся тумана завеса
Песней звенящего леса.

В город из леса летят нынче птицы –
Может, найдётся здесь, чем поживиться,
И в декабре, как в апреле
Льются над городом трели.

В холсты лугов из изумруда,
Как будто бы разверзлась высь,
Как отсвет солнечного чуда
Златые капельки вплелись.

То одуванчики простые,
Сияющим весенним днём,

На травы свежие густые
Весенним пролились дождём.

И острова густой сирени,
И жимолости облака
Под несмолкающие трели
Ласкает Божия Рука.

Любуясь чудом сотворенья,
Я духа ощущаю взлёт,
Я здесь пишу стихотворенья,
И здесь душа моя поёт.

Геннадий Мирошниченко *(Геннадий Мир)*

Геннадий Георгиевич Мирошниченко (Геннадий Мир) – поэт, прозаик, драматург, кибернетик, психолог, философ, кандидат технических наук.

Окончил Тульский политехнический институт (ныне государственный университет), автор 30 книг. Предложил новое, объединительное для всех видов человеческой деятельности знание на основе открытия всеобщей критериальности Природы и ввёл новую, критериальную форму сознания. На основе его работ российскими учёными (доктор медицинских наук, профессор А.А. Алексеев и другие, г. Москва) создана новая теория медицины и биологии.

Изданы сборники стихов «Два сердца, две души, две жизни», «Пространство любви» (совместно с поэтессой Т. Леоновой), «Нарисуй мне ветер в красках». Стихи публиковались в альманахах: «Тула», «Приупские просторы», «Солова», «Поэтическое братство». Со своей поэмой «Начало» в 1978 году принимал уча-

ствие в поэтическом конкурсе Центрального телевидения и занял первое место.

На многие его стихотворения как им самим, так и другими композиторами, написаны песни. Некоторые из них стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов.

Свои произведения публикует в Интернете в своём Портале: <http://genmir.ru>.

Стихи

РОССИЯ

Я прохожу Поляной Ясной.
Хочу, чтоб жизнь была прекрасной,
Хочу сиянья голубого
Над полем с запахом весны.
Хочу, чтобы и наши дети
Встречали Солнце на рассвете,
И чтоб они - страны солдаты -
Не знали ужаса войны.

Непокорённая Россия!
Я утром сказочным, росистым
По травам с красной земляникой
Благою вестью пролечу.
И со щеки смахну украдкой
Слезу - от муки сердца сладкой,
И в Храме утреннем во зравье
Затеплю тонкую свечу.

Мне бы стихи слагать поныне,
А я печалюсь, как иные.
И в сумерках весенней тишью,
Опять внимая соловью,
Я вспоминаю тех, кто пели -

Не победили, не успели.
Пред ними в память о прошедшем
Покорно голову склоню.

Я прохожу Поляной Ясной,
Где жизнь не кажется напрасной -
Ведь там за каждым поворотом
Великий чудится старик.
И мир таинственный, летящий,
Нам о величье говорящий,
К окошкам нашего безмолвья
В любви и нежности приник.

Эх, взять бы в рай вот эту траву,
Вот эту речку и дубраву!
И жить бы в этом рае просто
И каждый день встречать зарю!
Да только, кто за нас ответит?
Кто Будущего свет засветит?
Кто за Россию и за Бога
Отдаст себя и жизнь свою?

РУССКИЙ ДУХ

Звон бокалов – на пирах,
Русский дух – в монастырях,
Буйство красок и лучей.
Русский, русский – ты-то чей?

Почему ты – только «русский»,
Но не «росс» или не «рус»?
То ли глаз татарский узкий,
То ли ты – бубновый туз?

Русский значит принадлежность:

Русский немец, русский фин.
Ты впитал в себя безбрежность
Гор, лесов, лугов, равнин.

Русский дух, язык и вольность,
Нас пронзившие в веках.
До прозренья богомольность
Залегла на Соловках.

От еврея до китайца
Рвутся русское познать.
С ними надо ли тягаться.
Чтоб иметь свою же рать?

Русский сын хохочет громко,
Безалаберный слегка.
Он – доверчивей ребёнка.
Сводит всё до пустяка.
Для движенья ждёт пинка.

Ты – прославлен, рус-детина.
Хватит нынче спать и спать!
Русь защиты ждёт от сына.
Русь – в крови,
А это – мать!

ВОЗДВИГНИ ХРАМ

Воздвигни храм и сам войди в него.
Там святость пусть из всех углов струится.
Великих старцев выплывают лица,
И – Бог, и – тишь, а, кроме, – ничего.

Воздвигни храм. Остаться можешь в нём.
Под сень его сойдут родные души,

Кто помогал тебе по жизни быть всё лучше,
Терпенье дал преодолеть подъём.

Построй свой храм. Земля и Небо – он.
И будь всегда готов зайти под крышу.
Настрой себя, чтоб Голос Бога слышать,
Не говори, что это только сон.

Придёт болезнь, а с нею – и покой.
Исчезнут навсегда пустые гонки,
Чтоб насладиться жизни эхом звонким,
До бесконечности дотронуться рукой.

Воздвигни храм и сам войди в него.
Там святость пусть из всех углов струится.
Великих старцев выплывают лица,
И – Бог, и – тишь, а, кроме, – ничего.

УЖЕ, МОЙ ДРУГ

Иосифу Гольду

Уже, мой друг, мы воспарили
В свои заоблачные выси:
И обожали, и любили,
И лучшие имели мысли.

Уже, мой друг, мы всё отдали,
Что было щедрого от Бога,
Уже мы ждём одной медали –
Уйти под сень Его чертога.

К Нему, мой друг, дойдут моленья
Вдохнуть любви последней силы.
Уже светлеет сквозь деревья
То лучшее о чём просили.

СИМФОНИЯ ДОЖДЯ

Последний летний день
Нас поманил с утра
Своею наготой
И обманул с полудня.
Заплакал с неба дождь –
Ему уже пора
Менять наш праздник флейт
На сумрачные будни.
Я руку протяну
И, капли ощутив,
Впитаю их озноб
И кожей, и душою.
Прохлада отрезвит
И пропоёт мотив,
И отразит в стихах
Забытою мечтою.
Весна ещё придёт,
А осень уже тут,
Когда-то расцветут
Гортензии и маки.
А рядом плачет дождь
Под ласкою минут,
И прячут от него
Свои хвосты собаки.
Небесных слёз роса
Лицо моё кропит,
Осколками небес
Морщият лужи лики,
Симфония дождя
К себе меня манит.
Играют скрипки дождь,
Просвечивая блики.

ПОЛЕНОВО

Ты помнишь даль? – Ока дугою,
И с косогора над рекой,
Над этой лентой голубою
Мы, как две ласточки, с тобой.

Ты помнишь? – Лист багряно-жёлтый
И клёнов сказочный парад,
И свой, восторга полный, шёпот,
И свой же, благодарный взгляд.

Мы, как бродяги-пилигримы,
Переносили не без слёз
Мир песни, гением творимый,
Под сень раскидистых берёз.

Я каждой ночью вижу тени,
Где средь просторов и Земли
На сказку Жизни мы глядели
И надыхаться не могли.

Мы выбираем средь живущих,
Пока живём, свой Небосвод,
Где – шум берёз и счастье льющий
Поток Любви – Небесных Вод.

Ты помнишь даль? – Ока дугою,
И с косогора над рекой,
Над этой лентой голубою
Мы, как две ласточки, с тобой.

КРЕСТ

Кричат таким, как мы, со всех сторон:
«Пророки не нужны, мы их засудим!».
Мы – «лжеХристы», такие же, как Он,
И так же на Кресте распяты будем.

Нам кажется, что вот – пришла пора,
И в счастье захлебнёмся – только верьте!
Ну что с того, что Он хотел добра?!.
Две тыщи лет хотели Его смерти!

То ль в Небе, то ль в себе карает Бог. –
Здесь на Земле спасает кодекс чести.
Любить врагов ещё никто не смог,
И отказаться не смогли от мести.

Как Он, я бит, и так, как Он, гоним
И с теми, кто любим, Крест на Голгофе врую.
Я собираю камни вместе с Ним –
И чувствую себя несчастным втрое...

Я существую номинально,
Я только – в списке поминальном,
И в бесконечности Реки
Всего-то в качестве строки.

Уже не телом, а мечтою –
Я в церкви восковой свечою
Всего на час и оживаю
И, загораясь, доживаю.

Но где-то в сладостном пространстве
И в том бескрайнем постоянстве
Блаженством душ опять лечу

Навстречу Белому лучу.

Я знаю: там соединенье,
Всех наших душ и волю стремленье.
И там – Хозяин и Мудрец
В Любви – Небесный наш Отец.

Нарисуй мне ветер в красках,
Небо струями дождя,
Мою музыку и ласку,
С полотна ко мне сойди.

Жизнь нелепа и строптива
Осень – не чета весне.
Ты, печальная, под пиво
Задаёшь вопросы мне.

Что тебе я подытожу,
Что поставлю во главу,
Если сам теряю тоже,
Ничего не берегу?

Мы невольно рассердились
Друг на друга и на мир.
Мы им больше не гордились,
Надоел он нам до дыр.

Ты себя разбудишь пивом,
Возмущением кипя.
Ты останешься красивой,
Я останусь без тебя.

Каждый думает о счастье –
Мы с тобою из таких, –

И находим свои сласти
В словопрениях глухих.

Ах, какое было пиво,
Просветившее меня!
Ты останешься красивой,
Я – во всём себя вина...

МЫ ВСЁ ЕЩЁ ЖИВЫ

Иосифу Гольду

Мы всё ещё живы как будто с тобой,
А сколько из нас убежало из плена
Сей жизни опасной, тюремной, земной,
Которую лучше назвать как измена.

Ночами кручусь на кровати своей –
Я скольких обидел и скольких я предал!
Уже никогда ни ему и ни ей
Я не объясню нипочём своё кредо.

Уже собираю в один узелок
Всё, самое ценное, как мне казалось, –
Моё устремленье уходит в песок,
А думал когда-то – Вершины касалось.

Мы всё ещё живы как будто с тобой,
А сколько трагедий ломало и било!
Душа испытала морозы и зной,
Но сердце, мой друг, всё стучит, не остыло...

ЗАЧЕМ

Я существую лишь «зачем?».

Я жил, как все, и был моложе.
Средь оглушающих речей
Мой шёпот был неслышен тоже.

Я просыпался ото сна
Такие длительные годы!
За что-то мне судьба красна
Вручила Веру и Свободу.

Свобода – миф, который жжёт
Своей усладой наше сердце,
В которой каждый поворот
Свою имеет к счастью дверцу.

Лишь Вера греет душу мне,
Она одна лишь поднимает
В дни, в коих жизненных Огней
Запас последний быстро тает.

Мне с ней и с Богом повезло.
Он в нарушении своих правил
Добром убийственное зло
Чудесным образом оправил.

И я живу и удивлён
Необычайностью творенья,
Всё думаю: «За что же Он
В меня вдохнул такое зренья?»

За что избрал? За что влюбил?
За что убрал и Смерть, и Бездну?
За что прибавил новых сил,
Когда я должен был исчезнуть?».

Я был смущён, и Он сказал:
«Ты прекрати свои стенанья!»

Я силу и вниманье дал
Тебе за Будущего знанье.

Конечно, волен ты, как все,
Умножить лень и скуч отраву.
Но ты – Бегущий по росе –
Не забывал её и траву.

Ты – тот, кто мог и кто умел.
Я лишь права тебе прибавил».
Я слушал это и немел
Перед машиной новых правил.

Я вновь живу и вновь люблю,
Люблю Божественность повсюду,
Благоговею и пою,
И поклоняюсь снова чуду.

Моё скользящее перо
Рождает слов благую россыпь –
Преподнесённых мне даров,
Где изумрудом светят Росы.

Я проникаю в Тайны Тайн,
Других веду сквозь злые сети.
Я счастлив, если вдруг летать
Ещё одни начнёт на свете.

Я существую лишь «зачем?»,
Ещё мгновение умножив,
Как дождь в жару или ручей,
Что жажду утолить поможет.

Мне – не свободой дышать,
Её обманом не напиться –
Есть только Вера и Душа,

И в них мечтаю воплотиться.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я тебе развею скуку,
В ухо шёпотом войду,
Всевозможную разлуку
Отовсюду украду.

Я к тебе влечу в окошко,
Чтоб в который раз обнять.
Смеха полное лукошко
Опрокину на кровать.

В нежность, словно в бесконечность,
В трепет сердца и души
Наша детская беспечность
Улетит в ночной тиши.

Поцелую, успокою.
Улыбнёшься ты опять,
Тайну сердца приоткрою
И в Любовь отправлю спать.

ДЕТСКОЕ

Какой-то нынче Бладобрей
Сбрил чёрное с Небес,
И мир стал чище и добрей,
И ожил раем лес.

Мы удивляемся давно –
Не в первый раз живём –
И Жизнь как зрелое вино

Опять любовью пьём.

Вот Солнца Луч влетел в апрель
Принёс мешок чудес.
Опять какой-то Брадобрей
Сбрил Бороду с Небес...

СЛОВО «ЛЮБЛЮ»

Сломалась где-то времени основа,
А мы хохочем, будто всё равно.
Как нас влечёт единственное слово,
Которому названье - полотно!

Которое, как вдохновенье, краски,
Все до единой, бросило в одну:
Мы потеряли временные маски,
Беспечно позабыв про седину.

«Люблю, люблю...».
И время не подвластно.
Гремит у горизонта метроном.
«Остановись мгновенье!
Ты - сверхстрастно!»
А год - за годом, день идёт за днём...

Когда-нибудь от вековечной спячки
Проснётся, наконец-то, Человек.
«Любовь есть жизнь!», - он скажет.
Это значит, что время остановится навек...

Остановитесь, времена и лета!
Чинить Небесных Снов я не велю.
Уста любви и женщины-поэта
Шептать не перестанут «Я люблю...».

...Сломалась где-то времени основа,
А мы хохочем, будто всё равно.
Как нас влечёт единственное слово,
Которому названье - полотно...

Приснилось мне:
на самолёт беру билет.
А лагерь где?
Его во сне как будто нет.
Нет грязи, вшей,
нет мата и печальных лиц.
Перелистал
как будто несколько страниц...
А где же ночь?
Где ненормальный храп ночной?...
Приснилось мне:
опять танцуем мы с тобой.
Где чёрный цвет
одежд печальных и разлук?
Аэропорт...
И нет уже душевных мук...
Приснилось мне:
бегут навстречу фонари
И самолёт
над полосой уже парит.
И я - с тобой...
И та мелодия-магнит...
И крыша дома -
там внизу -
меня манит...

Я люблю тебя, люблю...
Я ловлю тебя, ловлю...
Между верой и неверием
Трепещу, боготворю.

У тебя беру крыло,
Нежу белое чело.
А наутро восклицаю:
- Сколько снега намело!

Сколько снега! - Только снег!
Тих и глух пушистый смех.
И под снегом и за смехом
Призрак носится - наш грех.

Спрятать можно ли в карман
Перед Богом наш обман?
Виноваты в этом разве
То ль метели, то ль туман?

... Я люблю тебя, люблю...
Я ловлю тебя, ловлю...
Между верой и неверием
Трепещу, боготворю...

МАЛЕНЬКИЙ ПЁС

Откуда ты взялся, маленький принц,
Лапы твои четыре?
Сколько вниманья даже у птиц
Требуешь в нашем мире!

Сядь, лопухий, милый щенок,
И не мешай работать!
Ты – мой астральный и третий сынок,

Несёшь дорогое что-то.

Рядом друг с другом спокойней жить.
Калачиком дремлешь в кресле.
Прыгать, лизать и даже выть
Можешь, коль хочешь если.

Откуда ты взялся, маленький пёс,
Милый, почти что рыжий?
Ты мне ладони и мой же нос,
Как другу-собаке, лижешь...

Надежде Кадочниковой

Я приеду к тебе, поживу, как в раю.
Скоро выберу время и перекрою.
Свою жизнь, как картину, я перепишу,
Море красок на ней, как свечу, погашу...

Я приеду другим – нет, ни добрым, ни злым.
Время снова припустит, и я вслед за ним.
Я секунды считать перестану в ночи
И не буду себя умолять: «Не кричи!».

Я в леса погружусь тихим сумраком дня,
Мокрый лист красотой обласкает меня.
И вина за дела, те, что не совершил,
Позабудет меня среди красных вершин.

Я приеду к тебе, ты наполнишь теплом,
Леденящую душу согреет твой дом.
Я морозом пропитанный насквозь пока,
Ледяною пещерой проплыли века.

Я приеду. Уляжется вихрь новостей.

Я сбегу от родных и друзей, и гостей.
И окутает в воздухе пух-вещество
И забьётся живое во мне существо.

Я недолго... Мой путь серебрится во мгле.
Я иду в одиночестве и по Земле...
Моих спутников нет – не смогли больше ждать.
В этой жизни уйти я не мог им не дать...

ДУШИ ПРОХОЖИХ

Не прячь глаза от белой вспышки солнца –
Почудится – приник душой к душе...
А сколько раз - пройдёшь и оборвётся
Загадочность от пяток до ушей?

И ты бежишь – пустое, бабьи враки! –
И горькое словечко на губах,
Подобьем неприкаянной собаки
В твоей душе давно гнездится страх.

Как на ветру листок, спешишь, касаясь
Своей душою неба, грязи, луж,
И уж давно, себе не признаваясь,
Теряешь нити в пониманьи душ.

Какое счастье – душу нараспашку!
Смятением другую ощутить!
С душой своей как с бедной замарашкой
Не прятаться, не лгать и не юлить!..

Но души ходят, чувствуют, летают,
Друг друга любят до банальных слёз...
И в том сплетенья наши души тают,
Как отголоски непришедших гроз.

...И вдруг: «Привет!» –
Рука в перчатке серой
И взгляд в несостоявшейся мольбе...
И рушится неверие пред верой,
И понимаешь: это всё – тебе!

Я, КОНЕЧНО...

Я, конечно, я, конечно,
Воздухом нездешним занавешен,
Растворился в праведных ночах,
Разорился в розовых речах.

Я ослеплен отблеском неверным,
Убаюкан звуком одномерным.
Только я, конечно, оступлюсь,
В неземное грешное влюблюсь.

И тогда я тоже стану грешен,
Занавески новые повешу,
Зачеркну уже ненужный знак,
Зачерпну ладонью полумрак...

...Я, конечно, я, конечно,
Никогда уже не стану прежнем,
Прошепчу нездешнему:
"Вернись!"
И умчусь в заоблачную высь...

КАРДИОЛОГИЯ

Кардиология – два этажа...
Серые куртки, как серые стены,

Иглами битые синие вены:
Кардиология – два этажа.

Голуби шествуют по подоконнику.
Место пустует у нас пять минут.
Много ли надо вниманья покойнику?
В жизни – два дня, а потом – отнесут.

Нету последних в шеренге за нами.
Жены под окнами машут зонтами.
Дождик по стеклам выводит мелодию –
Кардиология, кардиология...

Наши родные, без хвори и хворые,
Вы не волнуйтесь! – чуть что – сообщат.
Снова ко входу торопится «Скорая»...
Кормят отлично. Жаль, нету борща...

Что мы без вас, наши жены молящие? –
Смотрят глазницы, когда-то горящие –
В прошлое броситься птицами белыми! –
Что бы мы делали? Что мы наделали!...

Входите тихо, скрывая панически
Страхом устроенный вам самосуд.
В нас незаметно частит аритмически,
В черепе варит, а ноги несут...

Кардиология, Библия медика, –
Крестим пилюли, сосем, будто мед.
Врач говорит: «Виновата генетика»,
Где-то поправит и... скоро пройдет.

Мы здесь – по ошибке. Снаружи – как лоси,
Да только немного чудные внутри.
Иные чудят – слышишь? – снова выносят.

А время – ночное, часа, поди, три.

Мы очень вам рады,
Но молим! – ходите
Пореже сюда: время надо беречь.
А связь потечет по невидимым нитям –
Ведь сколько прощаний у каждой из встреч!

Чего не хватает? –
Хирурга? Ножа?...
Нам выдали куртки, расслабили лица.
В корытцах дымятся готовые шприцы...
Кардиология – два этажа...

НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕ ЖЕНЩИНУ К СЕБЕ

Не приближайте женщину к себе,
Чтобы потом не плакала, не билась,
Чтобы душою в вас не растворилась!
Не приближайте женщину к себе!...

Не делайте единственной в судьбе!
В ней столько мук! –
В душе – сугробы снега.
Чужая боль струится в гроздьях смеха
Той женщины, дарованной тебе.

Не приближайте женщину к себе!
Не приближайте, не пытайте счастья!
Опаснее на свете нет причастья!
Не приближайте женщину к себе!

Напрасны унижения в мольбе –
Ее законы мир не установит,
Любое в вас движение остановит.

Не приближайте женщину к себе!

Глаза ее принадлежат рабе,
Но пламя вас невидимое лижет.
На вертела себя и вас нанижет,
Когда ее приблизите к себе.

Не отдавайте руку и мечту –
Жизнь презирает наши обещанья,
Оставит лишь слезу воспоминанья,
Ничтожность встречи канет в темноту.

Ее же, и приблизив, и любя,
Вы будете во сне своем страшиться.
С находкой вашей вам не примириться.
Не отдавайте женщине себя!

Без женщин вы – и трезвы, и чисты,
И в помыслах – любвеобильно глухи.
Очнитесь! Вас уже объяли духи,
И мир парит вдали от суеты.

Без женщины – не плакать и не петь.
Зачем рождаетесь и важно воду льете?
Чтобы узнать о сладостном полете
И сделать все, чтоб в небыль не взлететь?...

Притягивайте женщину к себе
И растворяйтесь душами друг в друге,
И, замирая в сказочном испуге,
Страшитесь одиночества в судьбе!

Берите у нее – она отдаст
И кровь, и сердце, чтобы ваше билось
И чтобы вечно напряженно длилось
Прекрасное мгновенье без прикрас.

Так приближайте!
Не чурайтесь бед!
Нет высшего, чем у нее, волненья –
До гения святого дополненья
Всех ваших дел, мечтаний и побед!...

ВОСЕМЬ ЗИМ

У поэтов есть один зарок,
Нарушать который бы не сметь:
Ты – поэт и, значит, ты – пророк! –
Не играй же в собственную смерть!

Замели дороги восемь зим,
И вестей о лете что-то нет.
Я уже давно сообразил:
Мучиться осталось восемь лет.

Сколько пролилось ненужных слез –
Равнодушно выносил красу!
Сколько я несчастья принес
И еще немало принесу!

С чьей-то шеи я сниму хомут,
Разожму кулак свой небольшой,
Предоставлю волю кой-кому –
Что хотите, делайте с душой!

Мягкость девичью почувствуют уста.
Незадача – время только не вернуть.
И за то, что жизнь разбита и пуста,
Проклянете наш совместный путь.

Не хотели, ну а делали – во зло.

И, боюсь, друг другу не простим.
Нам не просто с вами не везло –
С жизнью наш союз несовместим.

Восемь весен раны будут петь, –
Раненный смертельно, дикий зверь.
Мне бы восемь зим перетерпеть,
А потом закрыть легонько дверь.

Начинал я жизнь свою в грязи,
Поклонялся призрачным концам.
Мучиться осталось восемь зим,
А потом уйду я к праотцам.

Я приду к ним, выгнанный за блажь,
Голову под ливнем остужу,
На весы – греховный свой багаж,
На распяты – душу положу.

Мне пред ними лучше промолчать –
Мне ведь с ними вечно жить и жить.
Было просто мою жизнь зачать,
Так же просто будет завершить.

На восьмой зиме прерву полет,
На мольбы пожить не отзовусь.
Птицу бьют не как-нибудь, а в лет, –
На восьмой – в полете разорвусь.

Я нарушу связь пустых времен,
Будущее с прошлым – разрублю,
Симбиоз повенчанных имен,
Даже – что без памяти люблю.

У таланта есть один зарок,
Нарушать который бы не сметь:

Ты – поэт и, значит, ты – пророк! –
Не играй же в собственную смерть!

Написано это стихотворение 7 декабря, арестовали меня 24 ноября, почти ровно через восемь лет. И началась моя новая жизнь.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ ДОЖДЕ

Памяти О. Мандельштама

И опять, и опять мне под трели звонка
Снова чудится серая роба зэка.
Что оставил я там, что унёс на себе?
Что аукнется мне в непокорной судьбе?
Что я выплесну в вашу привычную жизнь?
Я кричал по ночам: «Продержись, продержись!».

И опять наплывают, цепями гремя,
Те тюремные двери, что ждали меня...

Я в дожди окунусь - я в них не был сто лет!
На вопросы мои мир хохочет в ответ.

Ухожу от себя, ухожу, ухожу...
Воспалённый мой мозг я в дождях остужу...

Мои вещи давно уже служат другим.
В прах рассыпалось то, что считал дорогим...
Я в пустующем мире ответы ловил,
Отмахнуться от снов уже не было сил.
Те знакомые лица, что жались ко мне,
По ночам прилетали в немой тишине.
Я пытался прогнать их под шорох дождя,
Но они, лишь смеясь, донимали меня...
В день дождливый мелькнувший вдали силуэт -

Для тебя в этом мире меня уже нет.
Всё туман и туман... Затянуло дождём,
Что лелеял в ночи, что теперь мы не ждём...

... Тишина, тишина и опять тишина
Разрывала мне грудь и сводила с ума.
Этот спёкшийся кровью комочек тоски
Всё стучался, и плакал, и бился в виски -
Без причины в груди начинало ломить,
Тень желаний ещё не успела остыть.

... Я по лужам бежал, я искал их везде -
Заблудилось как будто бы счастье в дожде.
Вместе с ним заблудиться не смог, не успел,
Оказался среди зарешёченных тел...

... И опять тишина, тишина, тишина...
Снова старую песню заводит она...
И опять и опять мне под трели звонка
Снова чудится серая роба зэка...

РЕКВИЕМ ЛЮБВИ

Помнишь лес в осенних листьях,
Небо - в памяти глубин?
Разлюбила меня в письмах.
Хочешь, снова полюби!

Снег поземкой не согреет,
Как бы ни был он пушист.
Полюби меня скорее,
Полюби под ветра свист.

А решётка на окошке,
Как наколка на весу.

Хочешь, сердце на ладошке
Я тебе преподнесу?

Стоит только быть отважной
И лицом к Востоку стать.
Хочешь, мы с тобой однажды
Окунемся в благодать?

Ты - моя душа, жар-птица,
И подарок, и судьба.
Слева - прошлое дымится,
Справа - мне б иметь тебя.

В прошлом - криво, в прошлом - косо,
В прошлом - реквием любви.
Успокойся, успокойся -
Всё - фантазии мои.

Впереди - забыта память,
Как забыта и тюрьма.
По ночам лишь воеет замаять
Да на сердце кутерьма.

Помнишь лес в осенних листьях,
Небо - в памяти глубин?
Полюбила б меня в письмах,
Как никто и не любил.

Душу я свою настрою
И к тебе во сне приду.
Постараюсь - успокою:
Это я пишу в бреду.

А оглянешься: на деле –
Вышки, зэки, автомат.
На душе да и на теле

До сих пор рубцы горят.

Нагло с этим автоматом
Ухмыляются менты.
Только нежности, что матом;
В этом мире - я и ты.

И фантазию уносит,
Словно в пропасть, ветер злой.
Мысль и тело хлеба просят,
Хоть на звёзды волком вой.

...Помнишь лес в осенних листьях,
Небо - в памяти глубин?
Всё, что было в наших письмах, -
Это реквием любви.

МОКРЫЙ ДЕНЬ

Люблю, люблю... И утонуть бы
И перестать существовать,
И в те блаженные минуты
Всё повторять: «Опять, опять...»,

Чтоб сердце к сердцу прижималось,
Чтобы душа плыла к душе,
Чтоб наша жизнь - такая малость! -
Была бессмертною уже...

Тюремный хлеб. Тюремный окрик.
Налево мат. Направо мат.
И день - от слёз дождливо мокрый,
И лица мокрые солдат.

Тюремный день - тоска под небом, -

От жизни спрятанный в асфальт.
Себя представить Богом мне бы
И вознестись из ада в ад.

Блаженства яд бежит по жилам
И разжижает мою кровь.
Тюремный день глядит постыло.
Я уйду в свою любовь.

«Люблю! Люблю!».
Мой голос дикий
В забор ударил и просел.
Солдат на вышке дернул ликом
И усмехнулся в свой прицел...

ЗЕРКАЛО

...Между нами - Зеркало,
Зеркало Любви.
И сквозь это Зеркало
Виден край Луны.

Бледными отсветами -
Твой любимый лик...
Я напрасно сетую -
Я уже старик.

Для меня вчерашнее -
Ближе и родней.
Мне б закончить зряшное
В сутолоке дней.

Страхом исковерканы,
Приговорены.
За окошком - Зеркало:

Мертвый лик Луны.

Между нами - Зеркало,
Зеркало Любви.
И сквозь это Зеркало
Виден край Луны.

Ты возникнешь в Зеркале
Отраженьем Лун.
Я исчезну, свергнутый,
Бывший. Ныне - лгун...

В «СТОЛЫПИНЕ»

Опять отступает бравада,
Как будто грохочет на стыках
«Столыпина» злая громада
С мельканием клеток на ликах.

Тепло в «обезьяннике» нашем,
В бушлаты последнее прячем.
На волю с усмешкой помашем,
А в душах отчаянно плачем.

ОДНА МИНУТА ХРИСТИАНСТВА

...Ни Пушкина, ни Будду, ни Христа
Тут, сколько ни ищите, не найдёте –
Здесь публика убога и проста
И не в духовном движется полёте.

Поиздеваться каждый ближний рад
И сделает, поверьте, это быстро.
И как две тыщи лет тому назад

Они всегда готовы на убийство.

От этих слов как будто меркнет свет,
Но не от слов так больно и так горько.
История, ты учишь или нет?
И если да – кого, чему, насколько?

Служить открыто палачам Креста,
Переступив же, превратиться в зверя,
Убить любого, самого Христа, –
Идут, не зная, никому не веря!

Мы жили и живем и будем жить в тюрьме –
История нам напустила жути.
Мы – как в аду, в его кромешной тьме:
Две тыщи лет прошли в одной минуте.

Лишь совесть-мысль пока ещё чиста,
Она – как в испытательном полёте...
Ни Циолковского, ни Будды, ни Христа –
Пока.
Ищите!
Может быть, найдёте...

СУДЬБА

Жизнь моя, подружка,
Глиняная кружка –
Трещина под самый корешок.

Скоро успокоюсь,
Сяду я на поезд –
И чайку глотну на посошок.

Голова кудрява,

А судьба дырява –
Бережёт ли мудрая змея?

Как я неудобен –
Из одних колдобин...
Жизнь, замысловатая моя!...

СВЕТ НЕБЕСНЫЙ

Как Христос, обхожусь одним платьем,
И как ветер, в раздумьях увяз.
Есть пути, за которые платим,
Есть дороги, что создали нас...

Словно мать – и строга, и довольна, –
С неба светит Любовь-Благодать.
Ищем сами, где более больно –
И туда же идём умирать.

Неоднажды придёт удивленье
В наших мыслях – оранжевый шар.
Пересиливши сопротивление,
Ты познаешь Божественный Дар.

Нахожу я себя во Вселенной –
Не Христос, не мессия, не Бог.
Всё застынет сверкающей пеной,
Хоть и рвался, и видел, и мог.

Я не вышел из брахманской касты –
Что собрал, будет вечно со мной:
Мыслей наших Небесное Царство,
Благодать нашей Воли Земной...

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Наша жизнь - это срок заключения,
Что дала нам судьба-прокурор.
От болезни той нету лечения -
Это смертный тебе приговор...

Смерть за нами, как тень, пробирается,
Может завтра за горло обнять.
Человечество, ох! как старается
Пятачок без отдачи занять.

На дорогах стоят указатели.
Во все стороны ринулись мы.
И на тропах смертельных старатели
Ищут знаки алхимии-тьмы.

И в минуты святого причастия
Усмехнётся таинственный Глаз.
Жадность вместо желанного счастья
Норовит ухватить про запас.

Мы являемся дымкою мгlistвенной
За наградами не по делам.
Мы рождаемся жизнью насильственной
И бросаемся в этот бедлам.

...Наша жизнь - это срок наказания,
А любовь - это наш адвокат.
Что вверху - тому нет и названия.
Что внизу - это жизнь, это ад...

Я иду по Иерусалиму,
По святейшему месту плетусь.

Я, конечно, когда-нибудь сгину.
Ты забудешь меня, моя Русь.

На другое совсем не надеюсь,
Спать спокойно ночами ложусь.
Моя страсть затихает, метелясь.
Забываешь и ты, моя Русь.

Я слезами тебя обливаю.
Я о борт твой волной разобьюсь.
Как манили огни берегами!
Я спасался тобой, моя Русь.

Этот свет меня возненавидел.
На том свете любви дождусь.
Ну и что, что я Бога увидел?
Ты без Бога живёшь, моя Русь.

Кто ты? Что Ты? Неужто в надменность
От царей до низов я упрусь?
Неужели покой и безбедность
Для других на Земле, моя Русь?

ЭТИПАФИЯ

Тут спит не то чтобы поэт,
Он даже человеком не был –
На протяженьи стольких лет
Болтался меж Землёй и Небом.

И ты, прохожий, помолишь
За упокой души нелепой:
Его посадки-взлёты – жизнь
Бурлила и зимой, и летом.

А что не видишь тут ковра –
Его заменят чисты души:
Он многим здесь хотел добра,
Чтоб каждый Небо смог послушать.

Войди, прохожий, под сей свод,
Вдохни эпохи запах тленья –
Возможно, близкий поворот
Ты не проскочишь в онеменьи...

ЛОЖЬ И ИСТИНА

Каждый день – последнее живёшь –
Что любил, в том оказалась ложь,
Дышишь – и не можешь надышаться,
До конца с собой – не распрощаться.

Оглянусь – решетками души
Голосит безумное: «Круши!»,
Чем себя опутали, успели,
И следы уже сошли на теле.

Каждый день давно уже не ждёшь,
Ведь надежда – тоже та же ложь.
Без неё и даже вопреки
Из Небесной черпаю реки.

Умываюсь я водой святою.
Знаю! – Значит, я чего-то стою.
Вопреки «пророкам» ты всё ждёшь...
И прозрачней истина и ложь...

Наверно, я родился зря –

Я приносил пригоршни зла...
Наверно, в тот рассвет ударил ветер.
А уж потом моя весна
Меня касалась во снах,
И Бог клеймом преступника отметил...

Надеяться мне суждено
Не на друзей, не на вино,
А на любовь рассчитывать негоже.
Ах! Знать бы что и умереть!
В глаза любимой не смотреть,
Не ведать, что я для неё не вышел рожей...

Ну где же Бог, Его чертог,
Где для меня родной порог,
Коль в мире этом реки слёз несутся?
Меня схватил его поток –
Глотнуть бы воздуха глоток
И навсегда бессмертия коснуться.

Наверно, я родился зря!
Для нас, ненужных, – лагеря,
Могильный лёд столыпина-вагона.
И наша матушка-весна
Играла для меня во снах...
И моя жизнь есть бесконечность стона...

Нельзя сердиться на любимых,
Нельзя сердиться на любовь.
Нельзя накапливать обиды
И их тревожить вновь и вновь.

Грешно любимого обидеть,
Как будто бы обидеть мать.

Нельзя любимых ненавидеть
И уж, конечно, проклинать.

Что мне надо для себя? -
Хлеба чёрного краюшку,
Молока парного кружку,
Солнце, утро и - тебя,

Тишину и звук воды,
На бумаге - след чернильный,
Новой книжки запах сильный
Да подальше от беды...

СУДЬБЕ

До завтра я не доживу
Когда-нибудь – ты это знаешь, –
Когда меня смертельно ранишь,
Потешив праздную молву.

Судьба моя, ты мне грозишь,
Пророчествуешь, глядя в Небо,
И смешиваешь быль и небыль,
И обещаешь блажь и тишь.

Меня, как Пушкина, убить
Уж так, казалось бы, несложно –
Наверно, сердцу невозможно
Пока судьбу перехитрить.

И нас убьёт моралите,
Как многих славных убивало.
Ему опять ушедших мало,

Своё продолжить варьете.

ДУША МОЯ

Душа моя, любовь моя,
Твой шёпот мне из ниоткуда
Ласкает в ожиданьи чуда
Мой слух, опять к себе маня.

Душа моя, опять с тобой
Я в снах таинственных летаю,
Нектар Божественный глотаю
И заговариваю боль.

Душа моя, уходит мрак
И снова наступает утро,
И полупризрачно, и мудро
Твой лик волнуется в мирах.

Душа моя, тебя не жду –
Ведь ты всегда живёшь со мною.
Под Солнцем или под Луною
Сердца слились в одну мечту...

Душа моя...

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Пустота моего одиночества
Вдруг взрывается телефоном.
Вы почувствовали, Ваше Высочество,
Как душа наполняется стоном?

Солнце в окна рвануло струями,

День исчез до этого нудный.
Я бы Вас на руках, с поцелуями
Во дворец отнёс изумрудный.

Мы идём через поле минное,
В каждый миг ожидая взрыва.
Ваша милость, моя любимая,
Отойдите от края обрыва!

Ничего, никого не хочется,
К Вам лечу, как слепая лавина.
Вы – мечта моего одиночества,
Вы, любимая, нежно любима...

Публицистика

Палачи демократии

Канал НТВ 15.06.09. снова показал шоу “Честный понедельник». На этот раз обсуждался вопрос о том, как унизиться всему народу, нашей доблестной Государственной Думе и даже президенту страны и проглотить очередную пилюлю, подготовленную крупным бизнесом: закрыть глаза на принятый Думой закон об игорных заведениях и разрешить им существовать в прежнем антинародном режиме работы.

Причин для этого несколько: не подготовлены места перемещения, в связи с кризисом нехорошо выбрасывать на улицу два миллиона работников игровой сферы, сумма налоговых поступлений по стране от игорного бизнеса составляет, как было сказано с экрана, 7 – 10 млрд. рублей в год. Согласитесь, что это большие деньги для бюджета. Эта сумма сравнима с бюджетом такого суверенного государства, как Белоруссия. Так что игровой бизнес – это по-своему суверенное государство на территории России, не очень-то, как оказалось, подчинённое её законам.

Наконец-то мы дожили до такого времени, что уже готовы смириться с наркотиком вообще, и с наркотиком крупного бизнеса и с его заразой, в частности. Мы зря кричим о запрете тяжёлых и

лёгких наркотических веществ – наркотик давно уже легализован законами о неограниченном накоплении крупного бизнеса, об игорных домах и игровом бизнесе. В принципе бизнесу всё равно на чём зарабатывать. А уж крупному бизнесу как раз лучше делать свои сверхприбыли на страстях и пороках – и быстрее, и надёжнее.

Шоу, показанное по телевидению, прекрасно продемонстрировала, как наркотик крупного бизнеса разносит наркотическую заразу от своих крупных носителей в народ, не считаясь ни с чем: ни с возрастом, ни с духовностью, ни с законодателями, ни с будущим. Наоборот, этот наркотик отменяет всякое будущее нашим потомкам.

Раньше палачами служили, как теперь служат чиновниками – была такая почётная и выгодная должность. Можно ли оставить бизнес немножко палачом, ну не совсем, а так, сохранить как бы функцию палача, но не называть его палачом?

Кто-то подаёт слабый свой голос в защиту от экспансии игромании и ещё пищит под обломками рухнувшей мечты о будущем наших детей. Но его голос быстро и надёжно тонет в хоре, подпевающим певице Хлебниковой, участвующей в играх казино в виде подсадной утки, соблазняющей гламурной жизнью слабых на сладкое людей. Да проведение самого этого телевизионного шоу фактически узаконило существование палача-игромании в сознании людей, доказало его право на существование. Что может быть более аморально, чем узаконить убийство и преступление от имени государства, якобы, радеющего за хорошую жизнь каждого из нас? Польза от этого спектакля одна: он окончательно лишает нас иллюзии на защиту со стороны государства.

Генеральная идея капитализма как пропаганда наркотика особого рода, наконец, восторжествовала на миром свободы и демократии и посрамила его окончательно.

Ведь нам через закон навязывается государством привязанность к наркотику как к свободе в виде вседозволенности. Крупный бизнес сам по себе – это уже наркомания в чистом виде, где нет морали, сочувствия, не говоря уже о милосердии. Разрешение неограниченных накоплений материального порядка приводит к сумасшествию исполнителей дьявольской воли бизнеса.

Крупный бизнес по существу для этого и существует: он обязан в соответствии с законами юридического свойства продемонстрировать всем, что каждый может стать таким же наркоманом со всеми вытекающими отсюда безумными и преступными последствиями.

Мы кричим о переделе мира материальных и природных ресурсов, о войнах бизнеса за рынки сбыта и не замечаем легализацию тотального убийства от игромании. Мы законопослушно становимся самоубийцами.

О какой демократии может идти речь в стране, поражённой главной идеей капитализма: стать наркоманом денег, ресурсов, жадности, страсти? Вся страна превращена в одно большое казино, и было бы очень смешно выступать в этом казино о переводе его в демократический режим управления.

Совместим ли такой агрессивный капитализм с демократией, о которой так мечтают отдельные наивные романтики? Вот вопрос, на который нам придётся ответить, ибо речь идёт уже не только о будущем наших детей и внуков, что можно как бы и не замечать, речь идёт о бабулях, продающих последнее, чтобы засунуть в автомат червонец, и о школьниках, которые предпочитают посещению школы эти игры.

На чём, на каком основании мы строим бюджет страны, мораль и нравственность, наконец, если рассуждения о праведности игромании вбиваются в наше сознание с настойчивостью гвоздя и молотка?

И хотя люди, владеющие этой виртуальной сферой жизни, приводят в защиту своей античеловеческой страсти довод, что всё равно, мол, не тут, так в Интернете будут продолжаться такие же игры, мы должны, чтобы остаться людьми, из последних сил зацепиться за крохи морали и нравственности, которые почти умерли в душах вместе с самими душами.

Эти люди не хотят вырваться из лап дьявола сами и изо всех сил тащат туда всех нас. Для игорного бизнеса демократия – это не просто вседозволенность, это отношение к людям как к неживому, овеществлённому, ресурсу, как к мусору, польза от которого будет лишь в печах для его сжигания.

16.06.09.

Таисия Медведева (Пашкова)

Таисия Александровна Медведева (Пашкова) родилась в 1948 году в поселке шахты № 18 Щекинского района Тульской области. С 1950 года

жила в Щекино.

После окончания школы работала старшей вожатой, учителем в Шахтерской, а потом в Казначеевской школе Щекинского района. Окончила Педагогический институт имени Л.Н. Толстого по специальности «Педагогика и методика начального обучения».

С 1980 года работала учителем начальных классов в школе № 20 и № 14 города Щекино. В 1989 году переехала в село Пришня Щекинского района, находящееся недалеко от старинного города Крапивна, где работала учителем, главой администрации села, заместителем директора школы. Сейчас на пенсии. Замужем, есть дочь.

Стихи и рассказы пишет с юности. Печатается в местной прессе. В феврале 2009 года вышла первая книга «Прощание с сентябрем». В марте Медведева Т.А. стала победителем Девятого творческого конкурса «Мой Пушкин», проходившего в городе Туле.

Стихи

ПРОЩАНИЕ С СЕНТЯБРЕМ

Прощай, сентябрь! По городу пройди,
Проходим ты, шутя, взлохмать

прически,

В саду зеленый уголок найди,
Раскрась листву причудливо и броско.

Дождя горстями в окна постучи
И уплыви туманами – ручьями.
Последний раз, прошу тебя, в ночи
Грозою не шуми над воробьями.

Лучами солнца теплого коснись
Лесов, полей, послушай ветра речи,
На край родной в печали оглянись.
Прощай, сентябрь, прощай!

До новой встречи!

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Стихи крадутся за плечами,
Ни на минуту не отстав,
Меня преследуют ночами,
Стихами песенными став.
Во сне стихи легки и прямы,
Законам всем подчинены,
Нелегковесны и упрямы,
Они внимательно точны.
А утром, рифмы добывая,
Шеренги слов перецедив,
Я потихоньку открываю
Стиха невылитый мотив.
И тут слова приходят сами,
Стихи рождаются – пиши!
И наливаются словами,
Как соком плод в ночной тиши.

* * *

Ах, эти домики резные,
Окон ажурный переплет,
Как будто старая Россия

Из прежних дней вдруг оживет.
И по мощным переулкам
Копыта звонко простучат,
Колокола над лесом гулко
Печально эхом прозвонят.
И с коромыслом тихо, плавно
Моя прабабушка пройдет,
И мужа стойко Ярославна
Благословит в большой поход.
И будут воины лихие
Чужие орды побеждать,
Вновь будет гордая Россия
Из пепла и огня вставать.
Вписал в историю России
Умелец – русский наш народ
Вот эти домики резные,
Окон узорный переплет.

* * *

О Родина! Какая ты, скажи,
Крестьянка, горожанка молодая?
Не ты ль венки плетешь
сейчас во ржи,
Про ивушку тихонько напевая?
Не ты ль стоишь у Вечного огня –
Опора, соль земли
нашей Державы?
Не ты ли поседела с того дня,
Как сын любимый
пал на поле славы?
О Родина моя! В дали любой
Ты от детей себя не отделила.
Своею щедростью,
умом и красотой
Сынов и дочерей ты наделила.

Слагают песни о тебе не зря,
Твое величие
всей жизнью постигаю.
Лицом, тебя,
как мать, благодаря,
К натруженным ладоням
припадаю.

МЕНЯ НЕ ОТПУСКАЕТ СТАЛИНГРАД!

*Клочкову Сергею Михайловичу,
участнику обороны Сталинграда*

Меня не отпускает Сталинград!
Уж столько лет прошло, а мне все снится
Тот первый бой, сожженная станица
И лица всех погибших в ней ребят.
Меня не отпускает Сталинград!
Я вновь бегу по степи раскаленной,
В атаку поднимая батальоны,
Опять встает израненный комбат.
За каждый дом дрались мы и за пядь
Земли родной, не ради вечной славы,
И город тот для светлых дней державы
В аду боев сумели отстоять.
А жизнь дороже всех моих наград –
Немало дней хороших за плечами,
Но в памяти бессонными ночами
Меня не отпускает Сталинград!

ИМЯ

Нарекли тебя именем русским,
Самым русским из всех имен,
Деревенским, совсем не броским
Для космических наших времен.

ОДА КАРТОШКЕ

Знаю я совсем не понарошку
Вешнею, осеннею порой,
Как сажать и убирать картошку,
Наш, как говорится, хлеб второй.
В деревнях доселе труд тяжелый –
Женщины и дети на полях,
По домам везут продукт дешевый,
Тот, что подарила нам земля.
Для крестьян не подошло покуда
Облегченье этого труда,
А на частных огородах чудо –
Видим мы копалки не всегда.
По старинке большинство лопатой
Из земли картошку достает.
Мотоблоков нет, ведь небогатый
Проживает в деревнях народ.
И, конечно, окончанье лета –
Урожая первая сестра,
С огородов дальних до рассвета
Тянет дымом позднего костра.
О картошке много говорилось,
Как пеклась, как жарилась она,
Делались блины или варилась,
Но всегда картошечка вкусна!
На картофельные деньги жили,
Да деревня и сейчас живет,
И детей кормили и растили,
О картошке не забыл народ.
В дни военной и голодной доли –
Мама повторяла для меня:
«Кавардашки подбирая в поле,
Уцелела вся моя родня».

Голод нам совсем не угрожает,
Не пришел бы дождь со стороны.
В деревнях неспешно убирают
Урожай – картофель для страны.
И всегда – поклон картошке низкий!
Трудятся на грядках в тихий день,
Собирая всех родных и близких,
Жители российских деревень.

ПЕРЕДЕЛЫ

Землю измеряли и кромсали
От больших до малых деревень,
Жителям наделы выделяли –
Будь хозяином, забудь про лень.
И трудились, для себя старались,
Благодарна им была земля –
Закрома обильно наполнялись
Всем, что выросло на полях.
Но годочки быстро пролетели –
И не счесть разлук, утрат, потерь.
Бывшие крестьяне постарели,
Не до огородов им теперь.
Деревеньки одряхлели наши,
Сколько изб пустоует там и тут!
Трактора все реже землю пашут,
Молодые из села бегут.
Не страшна тяжелая работа,
Только труд крестьянский нипочем –
Молодежь уходит с неохотой
В города чужие за рублем.
Зарастают лебедой наделы,
К небу тянут ветви деревца,
И опять в деревне переделы,
Переделам этим нет конца.

Но сейчас иные переделы.
Дешево крестьяне продают
Скупщикам земельные наделы,
Документы ценные несут.
Хоть болит душа, но что поделать?
Может быть, другие, посильней,
Смогут жизнь в деревне переделать
И остановить потери дней.
Переделы, переделы вечно.
Результат? Другое что спроси!
А не слишком ли легко, беспечно
Делится земля на Руси?

«ВЫБИРАЮ ДЕРЕВНЮ НА ЖИТЕЛЬСТВО...»

Я деревню на жительство выберу,
Толчею городов не люблю.
Жизнь свою городскую я выбелю,
Белым прошлые дни залеплю.
Все начну перекраивать сызнава,
Созидание в планах храня,
Только мама моя с укоризною
И печально глядит на меня.
Мне по сердцу размеренность сельская,
Предсказуемость каждого дня.
Пусть и трудная жизнь деревенская,
Но она привлекает меня.
По утрам петухи заливаются,
И сияет на травах роса,
Эхом в дальних лугах отзывается
И звенит до обеда коса.
Оживает деревня с рассветами,
Гонит в стадо коров детвора,
И с покосов доносится ветрами
Дух хмельной разнотравья с утра.

«Выбираю деревню на жительство...», –
Помню эти слова Шукшина,
Открываю свое представительство
Музы чуткой, присев у окна.
Над цветами гудит в нетерпении,
В ожиданьи нектара пчела,
Вновь приходит стихов озарение,
Не кончаются жизни дела.
«Выбираю деревню на жительство...»

ДНИ ЛИСТОПАДА

Снова синими стали озера,
Дни светлей и теплей вечера,
И на радость уставшему взору
Россыпь звезд серебрит до утра.
Золотые березок макушки,
Будто люльку, качают в бору,
На опушке рябины – подружки
Гроздь ягод зажгли на юру.
И грибы наполняют лукошко,
Ворох листьев лежит на пути,
А на запах печеной картошки
Так и хочется в гости зайти!
Взгляду, сердцу такая отрада!
И у лета на самом краю
Эти светлые дни листопада
Счастьем жизнь наполняют мою.

Опять дожди гуляют по Руси,
Тревожат сердце крики журавлей.
Куда ни глянь, все золото осин
И чернота распаханых полей.

Проглянет солнце ненадолго вдруг.
И лес, ожив под трепетным лучом,
Листвой нарядной красит все вокруг,
Рябин кораллы дарит нипочем.
На миг, поверив возрождению дня,
По веткам ветер буйный задрожит,
Шопеновским этюдом, вдаль маня,
По дремлющему лесу пробежит.

Осень снова бредет за околицей.
Ветер гонит на юг облака,
То усилится, то успокоится,
А на сердце печаль и тоска.
Распрощаюсь я с летними сказками,
Как не хочется в осень опять!
Но она лес, раскрашенный красками,
Начинает к зиме оголять.
Синь небесную тучи зашторили,
Затянули все вплоть до земли
И дождей бесконечных истории
До морозов опять завели.
В стаи ласточки сбились последние,
Завершая прощальный облет,
Беспокойное то население,
Курс на южные страны берет.
Речка дремлет у поля покатога
Под осенним холодным дождем.
И душа вновь Расула Гамзатова
Над землю летит журавлем.

Будто в осени я заблудилась,
Все иду и иду наугад,

И метельная ночь мне приснилась,
Снегом весь запорошенный сад.
Отшумело уже Новогодье
И на елках игрушек разброс.
На дорогах стоит половодье.
Где же ты, дорогой Дед Мороз?
Что за странная прихоть природы –
Эти теплые зимние дни?
Выкрутасы осенней погоды,
До чего ж надоели они!
Или Пушкина дни возвратятся?
Снега нет в этой зимней поре,
Лишь дождемки хрустально искрятся
На увядшей траве в январе.

Снег мой белый –
 плат нетканый
Застелил поля.
За дорогою туманной
Дремлют тополя.
Пролетело наше лето,
Где среди полей
Свои песни до рассвета
Пел нам соловей.
Были встречи, расставанья,
Да печаль пришла.
Как в пустые обещанья
Верить я могла?
Пролетело быстро лето,
Не вернется вновь.
Ах, какое горе это –
Первая любовь.
Снег мой белый –
 плат нетканый

Застелил поля.
За дорогою туманной
Дремлют тополя.

ЗИМОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Освободись душой от плена
Дней повседневных и забот,
Прислушайся – самозабвенно
Синица в ельнике поет.
Метель прошла и для начала
Укрыла лодки и дома.
Березы в роще укачала
И убаюкала зима.
Белеют тропы и низины,
Лишь в свете гаснущей зари
Алеют гроздьями рябины
На ветках сосен снегири.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег за окном, загадайте желанье
О любви и судьбе, и о счастье. Потом
Вы узнаете, сбудется ль то ожиданье,
А пока только снег, первый снег за окном.
Этот снег за окном, очень робкий и нежный,
Белит крыши, дороги, поля и леса,
Тихо падает снег на просторах безбрежных,
От таких перемен веришь ты в чудеса.
Заискрится на солнце и тут же растает.
Он, как первая ласточка, вестник зимы,
В дни морозные, снежные нас приглашает,
С первым снегом к зиме приближаемся мы.

НА ЛЫЖНЕ

День прекрасен! Небо чисто!
Солнце зимнее смеется.
Змейкой снежной, серебристой
По полю поземка вьется.
И, как в строчках у Толстого,
Мне б не мять снежинки эти,
Ну, а я – на лыжи снова,
И за мной вдогонку ветер.
Лес вокруг, тропинок кросна,
Где-то позади дома.
За рекой хохочет в соснах
И аukat зима.

КОСТЕР

Последнюю спичкой костер разожгу,
На искры подую, гореть помогу.
И вот уж бушует, пылает костер,
Со мною неспешный ведет разговор.

Отступят деревья и страхи беды,
И искры взлетают до первой звезды,
Я слушаю чутко – гудит мой костер,
Со мною неспешный ведет разговор.

Как с другом спокойно, невзгоды все прочь,
И я не одна в непогожую ночь,
Ведь рядом танцует свой танец костер,
Со мною неспешный ведет разговор.

Последняя ветка в огне догорит,
И филин на зорьке вдали прокричит,

Но долго мне помнить – поет мой костер,
Со мною неспешный ведет разговор.

Затуманилась ночь
и заплакала каплями крупными,
Сиротливо горят
под осенним дождем фонари.
Ах, какими мы все-таки
были влюбленными, глупыми,
Как гуляли по городу
ночь напролет до зари!
Жизнь проходит так быстро,
и юность уже не вернется,
На висках – седина
и лучатся морщинки у глаз.
У порога стоит,
поджидая нас, старость – охотница
За чужою судьбой,
отдаляя от прошлого нас.
Дней так мало осталось!
Не будем, любимый, печалиться,
Юность вспомним свою,
молодые и трудные дни.
Пусть в тумане холодном
фонарь одинокий качается,
На планете «Любовь»
мы опять в целом свете одни.

КОЛЬ ЗАБУДЕШЬ...

Коль забудешь, не заплачу,
Только бровью поведу,
Боль свою переиначу,

В шутку все переведу.
– Ах, – скажу, – какое дело,
Что любил ли, не суди!
Только сердце оголтело
Затрепещется в груди.
Только станет все обычным:
День – туманным, дождь – дождем,
Из дороги непривычной
Путь – проторенным путем.
Перестану поклоняться
Кленам рыжим на ветру,
Перестану удивляться
Травам росным поутру.
Старше стану и мудрее,
Боль души не теребя,
Затворю покрепче двери
От любви и от тебя.

НЕ ОТРЕКАЮСЬ ОТ СЕБЯ

Не отрекаюсь от себя
От бывшей и какая будет,
И осуждая, и любя,
Живу в чередованье буден.
Гляжу, как бы со стороны,
На жизнь свою, не сожалею.
Дни беспощадны, иль нежны –
Все будут памятью моею.
Не ангел я и не судья
Чужим порокам и поступкам.
Своя по жизни колея
У всех, своя цена уступкам.
О Боже! Дай мне силы жить,
Не ведая тоски, томленья,
В днях уходящих жизнь любить,

Забыв ошибок искупленье.
Дай силы духу и уму,
От плевел зерна отделяя,
В тот день, когда я вдруг пойму,
Как близко я стою у края.

Сама отмеряю свой век
И день последний нагадаю,
Затормозив дней жизни бег,
Приблизусь к аду или раю.
Прошу, о Господи, пойми,
Прости ошибки и сомненья.
Крылами, ангел, обними
И отодвинь день разрушенья.
Продли, пожалуйста, продли
Ты жизнь мою под этим небом.
Любви сжигая корабли,
Не отправляй бездушно в небыль.
Еще так радуется рассвет,
Люблю снега, дожди грибные,
Пусть молодости больше нет,
Ждут старость радости иные.
За все хорошее в судьбе
Печалью заплачу, быть может,
Мой век отмеряю себе,
А будет так, как Бог положит.

Я много раз с тобой прощалась
Навек, но на свою беду,
Я снова в мыслях возвращалась
К тебе, как будто бы в бреду.
Душа моя от горя ныла –

Тебя отторгнуть не могла.
И вот, поди ж ты, все забыла
И боль свою превозмогла.
Есть поговорка – время лечит,
Тебя не вспомню, не зови.
Но что-то опустились плечи,
И дни померкли без любви.

Бессонница

Ночь к рассвету тихо клонится,
Разболелась голова.
Ходит в комнатах бессонница,
Помню я твои слова.
Те слова, увы, прощальные
Болью сердце бережат.
И стихи мои печальные
В голове, как рой, гудят.
Ах, как горько расставание,
По живому – вдруг ножом.
Бог послал нам испытание,
Мы любовь не бережем.
А она вспорхнула птицею
И, присев на провода,
Серой тихой голубицею
Улетела навсегда.
И в ночном холодном мареве
Нелегко уснуть, когда
За окном в туманном зареве
Громко стонут провода.
Ночь к рассвету быстро клонится,
Петухи давно кричат.
Бродит по дому бессонница,
Тихо ходики стучат.

БОГОРОДИЦА

За окном сирень душистая
Вновь свела меня с ума.
Богородица Пречистая
Мне пригрезилась сама.
Припадаю я к ногам ее
И прощения молю.
Поросло давным-давно быльем
Все, что помню и люблю.
Тихо звезды с неба катятся,
Ночи длинные глухи.
Наступает время каяться
И замаливать грехи.
Не от злобы сердца глупого
Те грехи совершены.
Очертанье лика смутного
Проступает с вышины.
И в ночи я с ней беседую
Обо всем, что довелось
Пережить мне, тихо сетую,
Отчего мне не спалось.
И рука взлетает легкая,
Наяву или во сне...
Богородица далекая
Отпускает грехи мне.

На все про все мне жизни не хватает,
Дней повседневность держит, суета.
Листком осенним время улетает,
Остановить его – заветная мечта.
Хочу поймать мгновение, жар-птицу,
Но та, вильнув, коварная, хвостом,

Старается исчезнуть, раствориться
И оказаться дивным старым сном.
Я крепкими и теплыми руками
Стремлюсь погладить птицу, приласкать,
Но просыпаюсь утром со слезами –
Ее я не сумела удержать.
Мне так обидно оттого бывает,
Что этот бег замедлить не могу,
А жизнь моя, как лодка, уплывает,
Я остаюсь одна на берегу.

Рассказы

«Я встретил Вас...»

В конце коридора за закрытой дверью квартиры раздавались голоса. Разговоры, взрывы смеха перемежались с пением. Шумело и пело застолье, собравшееся по поводу проводов в армию Сергея Голубева.

А на крыльце обособилась группа молодежи. Майское солнце освещало подъезд дома. Сам Сергей, худощавый симпатичный юноша восемнадцати лет, блистал наголо остриженной головой, которая по цвету резко отличалась от загоревшего лица. Тут же находились и его друзья: Василий, одноклассник сестры Сергея Ани, немногословный черноглазый парень семнадцати лет; Александр, тоже сосед и одноклассник, но уже самого Сергея, худой парнишка с белобрысым вихром на голове. Рядом с Сергеем стояли две девушки, соседки Сергея по дому. Нина была полненькой сероглазой блондинкой с пышными непокорными волосами. Вторую девушку, стройную и темноглазую, с короткой модной стрижкой, звали Риммой. Облокотившись о перила крыльца, они подпевали Ане и Валерию, крепкому коренастому юноше с задорным выражением лица. Те выводили чистыми красивыми голосами слова романса: «Я встретил Вас – и все бывшее в отжившем сердце ожило...». Пели они так чувственно, будто прожили большую, насыщенную событиями жизнь и будто не было им по сем-

надцати лет. Юноши и девушки перестали подпевать и с какой-то грустью и замиранием сердца слушали пение Ани и Валерия.

Аня окончила музыкальную школу по классу скрипки, пела красивым сопрано. Ее музыкальность, знание классической музыки воспринимались всеми как должное и никого не удивляли. Все гармонировало с ее изящной фигурой, нежным черноглазым лицом и длинной косой. Но вот откуда в этом хулиганистом мальчишке, который в школе еле получал удовлетворительные оценки, интерес к романсам, да еще таким, «о любви», было неясно. Когда эта тяга к подобной музыке пробудилась в его душе, для всех друзей было загадкой.

Пение романсов постепенно перешло в танцы под магнитофон. Валерий не отходил от Ани ни на шаг. Он постоянно приглашал ее танцевать, был в ударе, блистал красноречием, рассказывал смешные истории из своей жизни и жизни друзей, выдавая анекдоты за действительность. Аня понимала, что молодой человек хочет обратить на себя внимание, и ей это нравилось.

На следующий день Сергея проводили на железнодорожный вокзал. Там опять пели, плясали, слушали частушки подвыпивших провожающих. Молодой человек уехал служить в армию.

Через неделю в армию забрали и Валерия. В дни службы он часто вспоминал проводы Сергея. Ему снилась Аня, он очень жалел о том, что продолжения едва начавшейся дружбы с девушкой не было.

Спустя два года юноша вернулся в родной город. Первой новостью, которую он узнал, была новость о том, что Аня вышла замуж за моряка и уехала в Калининград. Валерий воспринял это известие с сожалением, но ничего нельзя было изменить.

Однажды на танцах он с друзьями, Сергеем и Сашей, познакомился с тремя подругами – студентками экономического техникума, и уже через год все по очереди гуляли на трех свадьбах. Валерий женился на Надежде. Красавицей ее нельзя было назвать, но природный ум, добрая душа и отзывчивость ко всем неприятностям любимого делали ее привлекательной в его глазах.

Молодой муж с энтузиазмом взялся обустроить быт своей семьи: получил земельный участок на окраине города, заказал

проект дома и начал строительство. Первым помощником зятя был тесть Иван Александрович. В прошлом участник Великой Отечественной войны, шахтер, был он легок на подъем и мастер на все руки. Так и жили своими заботами.

У Надежды и Валерия родился сын, затем второй. Жизнь шла своим чередом. Молодой человек работал слесарем на опытно – экспериментальном заводе. Поступил в вечерний техникум, окончил чуть ли не с отличием, чему сам неоднократно удивлялся. Видимо, перебродил в нем дух бездельника и хулигана, и превратился Валерий в солидного мужчину, начальника цеха Валерия Николаевича.

Постепенно строительство дома подошло к концу. Подросли сыновья. Жизнь текла размеренно и привычно. Так и дожил бы Валерий до глубокой старости спокойно, если бы вновь не встретил Аню.

А произошло это так. Однажды, возвращаясь с работы, мужчина проходил мимо нового многоэтажного дома. У одного из подъездов увидел сидящую на лавочке женщину, взглянул на нее еще раз, душа его замерла.

Это была Аня. Она постарела, поседела. Карие лучистые глаза ее так же приветливо глядели на него, как и много лет назад. Но была в этих глазах затаенная боль.

Аня узнала Валерия, разговорились. Он рассказал о себе, о сыновьях, хвастал отличными сортами яблонь и груш, растущих у него в саду. Аня о себе говорила коротко. Она вдова, муж погиб при выполнении задания на подлодке, детей у нее нет. Мужчине стало как-то неудобно за бахвальство перед Аней своей благополучной жизнью.

Вскоре из подъезда дома вышла женщина, подошла к Ане, та познакомила Валерия:

– Это моя младшая сестра Люба.

Сестра помогла подняться Ане со скамьи и осторожно повела ее в дом. Мужчина увидел больную женщину, которая с трудом шла к подъезду, хотел броситься на помощь Ане, но та взглядом остановила его. Валерий повернулся и быстро пошел домой.

Перемена в Ане потрясла его. Мужчина ловил себя на том,

что часто думает о ней и жалеет ее. От друзей узнал, что после гибели мужа женщина серьезно заболела, перебралась в город, в котором родилась и где остались ее родственники. Самым близким человеком для нее была сестра.

Валерий почти месяц не решался пройти мимо этого дома, но однажды неожиданно очутился перед подъездом Ани. Он не знал, в какой квартире она живет, стоял на крыльце дома и ждал, когда кто-нибудь выйдет во двор, чтобы можно было узнать номер квартиры. Наконец, дверь подъезда открылась, Валерий облегченно вздохнул – на пороге стояла Люба. Она с недоумением посмотрела на знакомого сестры, в ее взгляде сквозила тревога.

– Можно войти? – спросил гость. Женщина проводила его в квартиру. Аня сидела в инвалидном кресле.

У Валерия зашло сердце от прикосновения ее маленькой теплой руки к его широкой ладони. В этот момент в его голове пронеслась мысль, что вся его жизнь до этого дня – сон, будто никогда не разлучался с Аней, и что сидит перед ним самая любимая его женщина. Он старался не встречаться с ней глазами, руки мужчины дрожали от волнения. Валерий вышел на лестничную площадку и нервно закурил.

– За что, – думал он, – судьба так сурова к доброй и красивой Ане?

И не мог сам себе ответить на этот вопрос. Когда Валерий Николаевич вернулся в комнату, Аня смотрела в окно. Сестре трудно было вывозить ее на прогулку, а женщине так хотелось на свежий воздух, и поэтому, когда он предложил ей погулять, она не отказалась.

Мужчина стал приходить в знакомую квартиру каждый день. Прогулки с Аней стали чем-то святым в жизни Валерия Николаевича. Маршруты их постепенно увеличивались. Сначала они гуляли во дворе дома Ани, затем стали посещать центральную площадь городка и парк.

О болезни Валерий и Аня никогда не говорили. Но Люба рассказала ему по секрету, что у сестры рак и что врач пообещал ей два – три месяца жизни, не более. Это известие потрясло мужчину, он постоянно думал об этом. От печальных мыслей Валерий

как-то отдалился от дома, семьи. Во время прогулок он часто встречал знакомых, которые провожали эту странную пару недоуменными взглядами. В семье Валерия начались неприятности, так как слухи об этих прогулках дошли и до жены. После очередного скандала он забрал свои вещи и снял себе квартиру недалеко от дома Ани. Теперь мужчина мог спокойно проводить с ней все свободное время.

Это были лучшие часы его жизни. В июльском парке цвели флоксы. Нежный аромат расточали розы. Стояли теплые солнечные дни и тихие летние вечера. Валерий с упоением пел Ане романсы, которые она любила. Особенно ей нравились песни на стихи Сергея Есенина, русские романсы. Любимым был романс на стихи Ф. Тютчева «Я встретил Вас...». Она часто просила спеть его. Валерий пел, когда никого не было рядом с ними, а Аня подпевала тихонько своим нежным голосом. Женщина говорила о том, что всегда вспоминала тот день, когда пели они этот романс на проводах Сергея, и ей было грустно, потому что все осталось в прошлом.

Валерий Николаевич чувствовал себя мальчишкой рядом с Аней. Юношеская любовь вспыхнула в его душе с неистовой силой. Мужчина всегда втайне думал о том, что разлучила его судьба с Аней и никогда уже больше не быть им вместе. И эта, пусть и не очень-то радостная, встреча с любимой вернула его в прошедшую молодость, окрылила, наполнила каждый день неиспытанным ранее чувством. Да и женщина как бы ожила и помолодела от общения с ним.

Но в сентябре Ане стало совсем плохо и ее отвезли в больницу. Люба не пустила Валерия к сестре, так как та не хотела, чтобы он видел ее изможденной и измученной болезнью. Друг писал Ане длинные письма, утешал, как мог. В ответ получал лишь коротенькие записки, написанные нетвердой рукой. Женщина была признательна за ту любовь и тепло, которые дал он ей в последние дни жизни, благодарила Бога за эту привязанность и нежность Валерия к ней.

В начале октября Аня умерла. Мужчина не помнил, как прошли похороны, все было как во сне. После похорон он запил,

перестал ходить на работу, почти не покидал дом. Бездумно ел все, что готовила ему Люба, заботившаяся о Валерии в эти тяжелые для него дни. Часто ходил в парк и подолгу бродил по аллеям и дорожкам, по которым они гуляли с Аней, хотя постоянно шли холодные осенние дожди.

Постепенно боль потери стала затихать. Валерий перестал пить, вновь устроился на работу. Его приняли на тот же завод, на котором он проработал много лет. Так как все о нем были хорошего мнения, как о работнике, оформили механиком в его же бывший цех. Жизнь вновь наладилась.

Прошел год. Однажды около завода он повстречался с Надей. Она явно ждала его, так как решительно двинулась навстречу, как только Валерий вышел из проходной. Он остановился, жена подошла поближе, пристально посмотрела на мужа и заплакала, потом вытерла платочком глаза и спросила:

– Ну что, так и будешь бобылем жить? У тебя ведь семья есть. Возвращайся. Что уж теперь поделаешь? Ничего не вернешь. Что было, то было.

Голос ее дрогнул. Надежде нестерпимо стало жаль этого седого сорокапятилетнего мужчину. Она коснулась его виска рукой, от этой ласки ему стало совсем плохо.

Домой Валерий Николаевич вернулся через два дня, в субботу. Он взволнованно ходил вокруг дома, замечал трещины на фундаменте, начинавшие разрушаться дорожки во дворе. Долго шуршал опавшей листвой в саду, загребая ее ногами, срывал с веток оставшиеся яблоки и с удовольствием хрустел ими, захлебываясь сладким соком перезревших плодов.

К вечеру пришли тесть и теща. Лидия Сергеевна неодобрительно посмотрела на Валерия и ушла в дом. Иван Александрович топтался около зятя, пытался было что-то спросить, да все не решался начать разговор.

Женщины накрыли стол на веранде. Немного посидев за столом, ушли на кухню, мужчины остались одни. Иван Александрович налил себе и зятю водки, выпил и спросил:

– Ну что, зятек, нагулялся с инвалидкой, а? Как же ты мог Надежду на нее променять? Дом бросил, семью. Эх!

Он махнул рукой, налил еще стакан и выпил махом.

– Ну, что молчишь? – спросил Иван Александрович.

– Да что говорить, отец! Знаешь, есть, наверное, судьба. От нее не убежишь. Я понимаю, что сильно обидел Надю, да и детям это было неприятно, но я ничего не мог с собой поделать. Как будто ураганом меня унесло. Всю жизнь я эту женщину любил, да и сейчас люблю. Никогда ее не смогу забыть.

От этих слов лицо Ивана Александровича побагровело. В ярости он схватил лежавший на столе нож и ударил им Валерия в самое сердце. Тот ничего не успел сказать. Старик закричал, подхватил на руки обмякшее тело мужчины, стал трясти его, стараясь исправить эту страшную и уже непоправимую ошибку, все заглядывал в его меркнувшие глаза и твердил, твердил без конца:

– Сынок, что ты? Прости меня, сынок! Прости ради Бога!

Но Валерий молчал, и только в глаза отца глядел спокойный и прощающий взгляд зятя.

Судить Ивана Александровича не стали, так как был он в преклонном возрасте – ему уже шел семьдесят шестой год. Да и заслуги кое-какие перед страной были. Оформили дело как несчастный случай.

Юдоль

Зинаида проснулась с лучом солнца, заглянувшим в окно комнаты и остановившимся на ее лице. Женщине не хотелось открывать глаза, так как луч грел щеку, щеке было приятно. Сон еще не прошел до конца, Зинаидой овладела лень и истома, она сладко потянулась и решила полежать еще немного.

У противоположной стены сладко посапывал Славик, так она звала своего сорокалетнего сына. Славик был болью и печалью матери. С самого раннего детства лечила его женщина от приступов падучей или, как ее правильно называют, эпилепсии. Сын рос тихим, болезнь усиливала эти качества. Проблем с учебой у Славы не было, но кроме школы он не решался никуда выходить,

так как мог упасть на улице. Это тревожило мать, и она старалась проводить время с сыном. Муж недоволен был повышенным вниманием супруги к мальчику, и поэтому в семье часто происходили скандалы.

Познакомилась со своим будущим мужем Зинаида в шестнадцать лет. Молодой человек был высоким и нескладным, как и сама девушка. Как говорится, два сапога пара. Александр окончил семилетку и работал шофером на одной из автобаз. Трезвый, тихий и уступчивый, выпивши, становился неуправляемым и злым. Эти его качества очень тревожили Зинаиду и ее родителей.

Мать и отец девушки жили дружно. Отец служил старшиной в воинской части. Семья часто переезжала. Мать тоже работала временно то уборщицей, то помощницей повара, то вахтером, так как специальности у нее никакой не было.

В семье росли три дочери, старшей была Зинаида. С первого класса школы она не полюбила учебу, родители старались ей помочь, но учебе девочке так и не давалось. Зато открылся у нее талант домохозяйки. Маленькая девочка успевала присмотреть за двумя сестрами, сходить в магазин и приготовить немудреный обед. Когда вечером мама приходила домой, в доме были подтерты полы, вымыта грязная обувь, сыты и довольны куры, кот и собака.

Зинаида окончила семилетку, затем профессиональное училище и стала работать аппаратчиком на новом химическом комбинате. Вскоре вышла замуж за Александра, хотя родители были против, так как по пьяному делу тот убил своего собутыльника и уже успел отсидеть положенный срок. Он очень раскаивался в своем поступке, но мама говорила, что такой дерзкий человек не может жить в семье спокойно. Девушка очень любила Сашу, ждала его, ездила на свидания в тюрьму, да и решилась на брак с молодым человеком в надежде на лучшее.

Мать была права – бить Зинаиду и скандалить Александр начал почти с первых дней семейной жизни. Угодить ему, когда он пьяным приходил домой, было невозможно. А он не стеснялся ни родни жены, ни маленького больного сына, его даже не останавливали все учащающиеся после таких скандалов приступы эпилеп-

сии у Славика. Протрезвев, мужчина просил у всех прощения, обещал вести себя правильно, но после каждой выпивки все повторялось вновь. Женщина стала бояться мужа и, когда он являлся пьяным, уходила с сыном из дома. Но это только усиливало гнев супруга, который считал, что жена не имеет права выносить сор из избы и не должна жаловаться на свою долю. Да и пожаловаться или уйти ей уже было не к кому, так как давно умер отец, вскоре умерла и мать. Зинаида рассказывала женщинам на работе о своей нескладной жизни. Подруги сочувствовали ей, но совета никакого дать не могли, так как почти у всех в семье происходило то же самое.

Средняя сестра, Лилия, росла энергичной, здоровой девочкой. Училась легко и с удовольствием. Домашнюю работу выполняла только по просьбе старшей сестры, часто сидела за книгами, даже и засыпала с ними. После окончания школы Лиля поступила в медицинский институт и стала врачом, а вскоре вышла замуж за инженера и уехала в Кемерово, куда направили мужа после института. Зинаиду радовало то, что хоть одна из сестер живет нормально, но вскоре и этой радости она была лишена, так как пришло известие о том, что Лиля умерла от рака. На похороны любимой сестры женщина не смогла поехать, так как наступили тяжелые времена и она не могла найти нужную сумму.

Младшая сестра, Маша, была слабовольной и ленивой. Училась в школе неплохо, но интересовали ее только танцы да кавалеры. Домашними делами и вовсе заниматься не хотела, но мать почему-то жалела ее и баловала. Она считала ее больной, старалась оградить от всех неприятностей и нагрузок. После окончания техникума Маша устроилась на химкомбинат. Вскоре нашла себе жениха и вышла замуж, но замужество ее с первых дней оказалось не очень счастливым, так как муж выпивал, мог не ночевать дома и пропить все деньги, часто попадал в вытрезвитель. Однажды вернулся домой сильно избитым и через пять недель умер.

Женщина осталась беременной на седьмом месяце и неожиданно родила недоношенного сына. Если беременность еще как-то ее сдерживала, то после родов она начала потихоньку выпивать. Это заметила сестра, которая убеждала Марию не пить, но

та только твердила в ответ, что она одна, никому не нужна, да еще и с ребенком на руках. Зина разрывалась на два дома, бросала свою семью и ухаживала за Марией и ее сыном.

Вскоре обнаружилось, что Алеша, так звали сына Марии, не вполне усваивает программу детского сада, куда его определили, не умеет играть с детьми, дерется, не может долго сосредоточиться на чем-то. В первом классе школы проучился два года, почти ничего не усвоил и был определен в специальный интернат. Зина восприняла это оформление как личную трагедию.

Маша же ударилась во все тяжкие. С работы ее уволили. Она устроилась в ЖКО дворником, но часто и на эту работу выйти была не в состоянии, так как с вечера хорошо погуляла с собутыльниками. Сестре приходилось водить Марию на работу, помогать убирать ее участок.

Сама Зинаида уже вышла на пенсию. Она обрабатывала свой дачный участок, помогала одинокой соседке по дому, ухаживала за сыном, по вечерам в подъездах своего дома мыла полы. Все заработанные деньги тратила на лекарство для сына или старалась купить ему что-то вкусненькое.

Слава окончил экономический техникум, но работать по специальности не смог из-за болезни. Он почти не выходил из дома, и поэтому мать старалась как-то скрасить его жизнь, брала его в сад, заставляла сына выполнять посильную работу. Зимой научила его шить наволочки, подшивать простыни на швейной машинке. Эту работу Слава выполнял с удовольствием. Женщину тревожило и то, что сын не общался с девушками. На вопросы Зинаиды сын не отвечал или просто печально вздыхал в ответ. Какие уж тут девушки при его болезни! Со временем и Александр поутих. Он вышел на пенсию и стал опекать сына, так как его из-за учащающихся приступов нельзя было оставить дома одного.

Сын Марии, Алексей, в ту пору окончил обучение в интернате. Попытка пристроиться куда-либо на работу, но так как специальности у него не было, часто ему предлагали должность разнорабочего. Алексей пристрастился к выпивке, и поэтому его долго на одном месте не держали, так что теперь на шею сестре села не только Мария, но и ее сын. Зинаида, чем могла, помогала род-

ственникам. Приносила им продукты, давала деньги втайне от мужа, который ругал ее за это, так как денег своей семье не очень-то хватало. Но женщина терпела укоры мужа и продолжала помогать сестре, так как очень любила и жалела Лешу. Она все мечтала, что племянник образумится и пойдет учиться в техникум, но то, что он этого не может сделать из-за своего развития, не хотела понять.

Все эти невзгоды подкосили здоровье Зинаиды. Теперь она часто думала по ночам о том, почему же все это досталось на ее долю, ей одной. В чем ее вина? Часто плакала втайне от сына. Женщина стала посещать церковь, купила несколько дешевых икон и повесила у себя в комнате. Особым почетом у нее пользовались иконы Спасителя, Божьей Матери и святого великомученика целителя Пантелеймона.

Однажды, исповедуясь местному батюшке Василию, она посетовала на то, что много горя и испытаний свалилось на ее голову. Отец Василий сказал ей в ответ:

– Терпи, раба божия! Такая твоя юдоль.

Что такое юдоль, Зинаида не знала, и это тревожило ее. У грамотной соседки она расспросила о значении этого слова и узнала о том, что оно обозначает жизнь такую, какая она есть. И это так понравилось женщине, что она часто думала, что юдоль – именно ее нескладное и тяжелое пребывание на земле.

Последнее время мать начали тревожить мысли о том, что после смерти ее и мужа Славик останется один. После долгих раздумий Зинаида посетила одну из гадалок, ушла от нее умиротворенная, так как та ей нагадала, что сын умрет первым. От этого женщине стало как-то легче жить. Она часто лежала без сна и думала почти все ночи напролет о том, как будет хорошо, если это предсказание сбудется. Зинаида засыпала и просыпалась с этой мыслью. Она уже продумала все до мелочей: как Вячеслав будет умирать, как отец будет просить у него прощение за все обиды, как она сама простится с сыном. И как она оденет Славика, какой гроб ему нужен. Конечно, все необходимо будет купить дорогое и качественное. В жизни ее сын не получил ничего хорошего, так пусть хоть перед Господом Богом предстанет красивым и ухоженным. Мать продумала каждый момент похорон сына, проведение

поминок. Втайне от мужа накопила некоторую сумму денег, необходимую для этой церемонии, с тревогой думала о том, что не съели бы очередные финансовые катаклизмы эти заветные деньги. И часто от этих мыслей Зинаида засыпала только под утро.

А по соседству посапывал во сне ничего не подозревающий о ее мыслях сын.

Жизнь продолжалась, шла своим чередом.

Юдоль!

Дружок

Только что отбушевала радостная летняя гроза. Над деревней засветился синевой край очистившегося от туч неба. Но над полем и лесом еще бродили набухшие темные облака.

По дороге, ведущей к лесу, мимо колхозных свинарников, окруженных густыми зарослями крапивы и полыни, шел человек. Это был дед Иван, на плече он нес ружье. Дед размашисто шагал по еще пенящимся лужам, рядом с ним бежал пес. Он старательно обходил лужи и брезгливо дергал боками, когда струи воды, вылетавшие из-под ног хозяина, попадали на него. Так шли они до опушки леса.

В зарослях молодых осин и березок дед остановился, порылся в карманах, достал патроны и зарядил ружье. Вытащил и кинул собаке мясную кость. Пес, не спеша, принялся глотать ее, так как был не голоден – его только что перед прогулкой накормили, но внеочередную порцию он принял как должное. Проглотив последний кусок, пес поднял глаза на хозяина. В глаза ему смотрели два черных отверстия. Вдруг раздался грохот, бок и лапы обожгло чем-то горячим, по всему телу собаки двинулась волна нестерпимой боли. Пес упал, попытался встать, но, не сумев оторвать непослушное тело от земли, рухнул в траву. Над лесом поплыло истощное душераздирающее скуление.

Дед Иван еще раз прицелился в собаку, помедлил, плюнул от досады, вскинул за спину ружье, резко повернулся и зашагал к деревне. Шел он быстро, и по его походке было видно, что дед сильно расстроен. Да и как ему было не расстраиваться от такого, он ведь никогда не мог курице голову отрубить, а тут – убить со-

баку. Да какую собаку! За всю жизнь у Ивана Васильевича не было более умного и преданного пса, чем этот Дружок. Подарили его деду маленьким щенком, был он помесью овчарки и волка. Вся семья полюбила умного и забавного щенка, когда Дружок подрос, лучше собаки не было во всей округе. Да если бы не болезнь эта неизлечимая, как сказал ветеринар, разве поднял бы ружье дед на Дружка? Ветеринар настаивал убрать собаку, иначе домашние животные могли заразиться. А как любил этот пес хозяина! Он оберегал его от всякого движения кого-либо и сразу же скалил пасть и рычал угрожающе, если кто-то даже невзначай взмахивал рядом рукой. Дед Иван работал сторожем, охранял свинарники и с такой собакой ему никто не был страшен. А теперь без верного Дружка как он будет обходиться?

Так думал Иван Васильевич и шел домой. Его еще беспокоило и то, что не смог он второй раз выстрелить в собаку. Уж лучше бы добил, чем оставил мучиться в лесу. В тяжких раздумьях подошел дед к своему дому, на глаза ему попала собачья будка. У деда зануло сердце, он полез в карман за нитроглицерином, достал таблетку, сунул под язык и сел на лавку под окнами дома.

За всем этим из окна наблюдала его жена. Баба Настя сегодня все утро проплакала, глаза у нее были красными и опухшими. Она тоже очень любила Дружка и жалела его. Женщина вышла из дома и подошла к мужу. Супруга ничего не стала спрашивать у Ивана Васильевича, а только сказала:

– У соседа нашего на этой неделе собака ощенится, давай щеночка возьмем, он предлагал уже.

Дед тяжело вздохнул и, соглашаясь, кивнул головой.

День за днем прошло лето. В конце августа из леса огородами осторожно пробирался рыжий худющий пес, у него не было правого уха, двух пальцев на правой передней лапе, а на боку огромным пятном темнела затягивающаяся рана. Он прохромал по огороду, пролез под забор и оказался на дворе деда Ивана. Это был Дружок. Он остановился, прислушался к гоготу гусей и направился к собачьей будке, стоявшей около поленницы. Через некоторое время раздался визг, возня и из будки выскочил небольшой рыжий щенок, который остановился посередине двора, жалобно поскулил

и опять поковылял к будке, сунул в нее голову и был отброшен назад злобным рычанием. Щенок полез под поленницу.

Вечером хозяйка вынесла и поставила около будки миску с едой. Щенок, почувствовав запах каши, вылез из своего укрытия, кинулся к будке и сунул нос в миску. Тут же получил трепку от рыжего огромного пса, который по-хозяйски обнюхал все вокруг и принялся за еду. Щенок осторожно придвинулся к миске, сунул нос в густое варево и опасливо покосился на соседа. Но тот, не обращая внимания на него, жадно ел, давясь кусками. Миска быстро опустела, и Дружок опять залез в будку. Щенок же проковылял обратно на свое место.

Всю эту сцену наблюдала жена деда Ивана. Она вошла в дом и сказала мужу:

– Дед, ты знаешь, а ведь Дружок-то наш вернулся. И не заразный он был, раз не умер столько дней. Зря ты его, наверное, подстрелил.

Дед облегченно вздохнул:

– Да это все наш недоучка! Не разбирается ни в чем, одно на уме – убить и застрелить, – и зло выругался в адрес местного коровьего доктора.

Иван Васильевич поспешил во двор, подошел к будке и позвал:

– Дружок! Дружок!

Но из будки раздалось свирепое рычание. Сколько ни звал хозяин пса, тот из будки так и не вышел, только сильно рычал, а потом и лаял. Так дед и отошел от него ни с чем. Прошло несколько дней. Собаки подружились, и уже можно было наблюдать, как две мордочки выглядывают из будки.

Животных всегда кормила хозяйка, потому что Дружок не подпускал деда к будке и не ел из миски, поставленной хозяином. Много раз подходил Иван Васильевич к Дружку, разговаривал с ним, просил прощения, но перемирия так и не добился. Пес ошестинивался и свирепо лаял при виде деда. Со временем он спокойно стал реагировать на то, что хозяин подходит к будке, но еду из его рук не брал и дотрагиваться до себя не разрешал.

Прошло три года. Однажды в деревеньку, где жили дед

Иван и бабка Настя, приехала легковая машина. Из нее вышли двое мужчин и стали обходить дома. У местных жителей они выспрашивали, нет ли какой-либо хозяйственной старинной утвари, интересовались и иконами. Подошла очередь и дома деда Ивана. Мужчинам, вошедшим в дом и приглашенным на кухню, сразу же бросилась в глаза икона, стоявшая в углу на божнице. Она досталась бабе Насте от прабабушки и передавалась от поколения к поколению. Мужчины сразу же предложили приличные деньги за икону, но баба Настя отказалась ее продать, сказав возмущенно:

– Да вы что! Кто ж семейную икону продает? Я ее дочке своей передам по наследству, а она дальше своим детям и внукам. Грех такую икону продавать!

Мужчины, видя, что с женщиной нельзя договориться, решили действовать через ее мужа. Через некоторое время на столе стояла бутылка водки и кое-какая закуска. Подвыпивший дед осовело сидел за столом, бабы Насти не было, она ушла на огород. Незнакомцы опять завели разговор про икону, дед от выпитого почти уже заснул и ничего не соображал.

Один из мужчин, видя, в каком состоянии находится Иван Васильевич, подставил табурет, потянулся к иконе и снял ее с полочки. Дед, хотя и был пьян, но понял, что происходит в его доме. Он невнятными словами и жестами попытался остановить этих людей, но они его только толкнули на лавку, стоящую перед окном. Окно было открыто, собачья будка была совсем близко. И тогда пьяный дед завопил, что было мочи:

– Дружок, ко мне!

Пес выпрыгнул из будки, с огромной силой рванул цепь, порвал ее и одним прыжком оказался в доме. От страшного крика испуганных гостей прибежала с огорода баба Настя. Она едва удерживала Дружка на обрывке цепи, тот норовил укунить за ноги незнакомцев. Незадачливые собиратели старины быстро покинули пределы деревеньки. Икона была спасена и водружена на свое место.

Оглянувшись на мужа, баба Настя увидела такую картину: на полу сидел дед и плакал, обнимая Дружка, а тот слизывал калящие по щекам хозяина слезы. Иван Васильевич прижимал к

себе голову собаки и все твердил:

– Прости меня, Дружок! Прости!

Прощение, наверное, было получено, так как Дружок, вздохнув, положил свою большую красивую голову на колени деда и затих.

Вячеслав Тюняев

Вячеслав Викторович Тюняев, туляк. Служил в войсках дальней авиации. Окончил два вуза – ТГПИ им. Л. Н. Толстого (русский язык и литература) и РЭА им. Г. В. Плеханова (менеджмент). Работал монтажником металлургического оборудования, корреспондентом газеты «Металлург». В настоящее время – менеджер. Автор трех поэтических книг.

Стихи

БАРХАТНЫЙ СЕНТЯБРЬ

Затихли движения леса.
Как зеркало, водная гладь.
Прощальная летняя пьеса
Лениво вползает в тетрадь.

С утра тишина устоялась
В затопленных светом лугах.
Последние бабочки вяло
Дрожат на уснувших стогах.

Плывут по бесшумному небу
Остатки пушистых полос.
Небесная, синяя зебра

Легла на прозрачный поднос.

МЕСТА

Нас наша деятельность губит
Чрезмерностью своей.
Мне кажется, природа любит
Места, где просто нет людей.

Она и зарастает так, как надо -
Не так, как нужно нам, -
Как только мы уходим стадом,
Ее топча и оставляя хлам.

И тропы зарастают непролазно.
И заповедный прилетает дух.
Природы лик становится прекрасным.
И тишина питает слух.

ЛЮДИ-ФИЛЬТРЫ

Как на трубах дымососы
Внешние,
Горожане-пылесосы
Здесьние.
Люди дышат, чистят город
Легкими:
Люди-фильтры в мире смога
Стойкие.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ

Лизнула эволюция животных,

И предки Дарвина спустились с пальм.
Отвергнут ими дух бесплотный.
Прогрессу воскурили фимиам.

Едят буквально поедом себе подобных
И так живут, с природой не в ладу,
Рождая зависть и вражду междоусобий,
Противодействуя друг другу на беду.

Растение давно живет иначе.
Зачем? В воде бы жило, на камнях,
Забот не зная. Стало бы кусачим
И бегало бы на кривых ногах.

Кто надоумил первые побег
Создать особый, плодородный слой,
В нем ползать, позже укрываясь снегом?
Как мысль возникла вдруг, сама собой?

Как уяснить себе, что травы, без рассудка,
Создали мир и красочный покров
За миллиарды первобытных суток
Для нас и... питекантропов-отцов?

Какою мудростью пронизана природа,
Что без команды выполнила всласть
Возложенную миссию свободы,
Безропотно дав людям жизнь и власть?

А что взамен природа получила?
Греховный ненасытный хищника оскал,
Отстойники и братские могилы
И мировой лесоповал.

ОЛИМП

К той заснеженной вершине,
Окруженной облаками,
Между скальных серпантин
С ледорубами, крюками

Мы идем, к заветной цели,
По застывшим горным лавам.
Мы покинули отели.
Наша цель – вершина славы.

Нас восторг зовет подняться –
Не погоня за деньгами –
И желание сравняться
С олимпийскими богами.

ПЧЕЛЫ И ЛИЛИИ

Сама собой
Из нити золотой
Пчела соткалась.
Сползла на лилию
Лизать нектар.

Увял цветок.
Усохла и пчела.
На брошь сгодится.

Кто с острова приплыл -
Уйдет на остров
Рано или поздно.

Что мне?
Ведь я не ткач.
И не островитянин.

Дитя равнин я,
Где царствует
Геральдики
Другой узор.

ТЕЛА

Все мелко в нас, живем без высшей пробы,
Тускнея, тянем ляжку дней
И разгребаем мы свои сугробы,
Которые растают по весне.

О, если бы из желтого металла
Имели мы отлитые тела,
В глазницах благородных два опала
И ногти из алмазного стекла.

Мы вечность бы вкушали истуканно,
Не упражнясь в счете кратких лет,
И погружаться не было б нужды в нирвану
И думать о последствиях диет.

ПРИЛЕТЕЛИ ПУЛИ

Прилетели пули-жала.
И периметр сметен.
И сирена завизжала
Сотней ржавых веретен.

Стиль внезапных нападений
Разрушает интерьер.
Сейф отплюнул пачки денег.
Пал объект, и взят барьер.

Персонал парализован:
Шок рычит победный гимн.
Бандой план реализован:
Собственность ушла к другим.

Перекачка средств - работа,
Но и головная боль:
Перешли к другим забота
И отлаженный контроль.

НАЦЕПИ, УДЕРЖИ, ПРИКАЖИ

Нацепи глушитель
На пролетающий гром,

Удержи пар
В закрытом сосуде
Над жарким пламенем,

Прикажи сухому пороху
Потушить хотя бы
Одну искорку,

И тогда я поверю,
Что ты сможешь
Оседлать в себе
Слепую ярость,
Когда она пеной
Вырывается из ноздрей.

НОВОЕ ОРУЖИЕ

Втиснутое небо
В сферу.

Дальше -
Стратосфера.
Выше, в вираже, -
Же.

Символ новой
Эры:
В невесомость -
Вера.
Капсулы-драже
В технотираже.

Власть без дна,
Без меры:
Свежая
Химера.
Космос на ноже
В новом дележе.

ТЕНЬ МАРСА

Мы дети ярости.
Свирепость – наша добродетель.
И двери храма Януса растворены.

Над нами довлеет тень Марса.
Нам сладок безумия миг.
В рычании дикого барса
Находим воинственный крик.

Нам битвы нужны и добыча,
Покорность подвластных рабов.
Мы крови хотим, как обычно.
Нам скучно, когда нет врагов.

Мы жаждем победы и славы
Под шум боевых колесниц.
И лучше войны нет забавы
Для нас, кровожадных убийц.

Мы – пленники грубого фарса.
Мир – бойня, а мы – его клык.
Над нами довлеет тень Марса.
Нам сладок безумия миг.

ДЕРЖАВА

С тех пор как поделили полководцы
Державу Александра на три части,
Потомки Птолемея - инородцы -
Здесь утвердили новую династию:

В Египте, где привыкли к деспотии,
Вы сохранили строй единовластия,
Но полис и система клерухии
Основы укрепили государства.

Да, в третьем веке мощная держава
Апофеоз монархии воспела.
Ее дворцов и мусейона слава
Соседей земли облетела.

Транзитная торговля. Хлеб и ткани,
Стекло цветное, камни и папирус.
Маяк столичный стометровый. Гавань
Александрийская. Черты ампира.

Все это процветает в пору мира.
Но войны, те ресурсы истощают.
Там, где терпение людей транжируют,

Там до предела силы напрягают.

И труд свободный, как и рабский, в номах
Невыносим. Фискальные поборы
Несут разруху и восстаний громы.
И власть обречена эпохи приговором.

Вам и не снились современные каноны -
Как можно лучше грабить население,
Когда не тысячи, а миллионы
Работников работают под управлением.

Куда вам, македонцы из Египта,
Тягаться с современным плутократом.
Фискальный гнет чиновничья элита
Не применяет лишь к своим магнатам.

Но в этом-то и прежняя ошибка
Заключена. Ярмо налогов, штрафов
Дышать не даст: закон обходят гибко
И оставляют вам одни парафы.

Кочуют деньги сырьевые
Туда-сюда, не принося дохода,
И общество на части составные
Разделено: нет цельного народа.

Но... вспомним о Египте: капиталом
Путь римской дипломатии проложен,
А после и оружие. В финале
Династии - конец, державе - тоже.

КНЯЗЬ

Отключу связь

И налью ром.
Сам себе князь.
Крепость – мой дом.

Проглочу торт.
Выпью весь чай.
Вот и весь спорт.
На душе – май.

Завернусь в плед –
Шерстяной мох.
Миллион лет
Как один вздох.

ЗАПЕКАНКА

Зенит забыло жаркое светило, -
И пляжников не стало цвета меха соболей.
Непоправимо солнце опустилось
И покатилося по земле.

А осенью остынет запеканка
Солярия на выцветшем холме.
Бледнею словно бледная поганка:
Готовлюсь вместе с зайцами к зиме.

ОКТАБРЬ

Сожмусь в комок. Вдруг стало холодно.
Над головой – седые тучи в клочьях.
И там мелькнула свита Воланда
И греться улетела в Сочи.

Кто мне оставил запечатанный

Конверт с ненастьем в табакерке?
А день вчерашний замечательный
Исчез с потухшим фейерверком.

Кто растревожил ветры севера?
Какие песни спели скальды?
И до арктического сервера
Не доберется солнца скальпель.

А дуб роняет каплю золота
И в спелый желудь превращает.
И осень сыплет кофе молотый
И дарит аромат прощальный.

ОТТЕПЕЛЬ

Сломался зимний морозильник.
Нанес нам дружеский визит
Дальневосточный дух Годзиллы,
Расплавив наш ледовый щит.
И оттепель снегам грозит.
Светлейшей Северной Бразилии -
Опять лежать в воде, в грязи!
Среди зимы сообразили мы:
Намеренно нас поразили,
Леча нас от парестезии,
От Мурманска до Колымы.

ЭКСТИНКЦИЯ

Кто-то блики задержал
И на город сбросил невод.
Мокрый след опять сбежал
Влажной каплей в поры неба.

На верхи отвесных скал
Залетел пушистый локон.
День закрылся от зеркал-
Им уже не выплыть в окна.

Горсть песка бежит в стекло.
Потеряло время точность,
Свет, рассеяв, утекло
В глубину часов песочных.

СЛУЧАЙ

Мой пляж! Я прозевал момент,
Когда закрыл глаза. О случай!
Забросив взгляд на неба тент,
Там констатировать обязан я
туч кучность.

Куда бежать? Град копит свой заряд.
Теперь я подниму такую бучу!
А!.. Вот и дальний громовой раскат.
Сияло ж солнце! и вдруг -
кучность туч!

ГОЛЫШИ

Колыбель – наш пляж –
Раскачали ветки тополей,
берез.
В небе где-то шквал.
Это группировка
облачных угроз
С запада, воздушная,

ударная
С молниями, градом,
Не вдали, а рядом,
Затемняя солнечный
пейзаж,
Совершает высший
пилотаж.

Выходной пропал!

Мы – младенцы-голыши,
Из коллекций золотых
сокровищ
Всхлипываем, глядя
на чудовищ.
Страшно нам: мы –
малыши.

Но не робкого десятка.
Сквозь предательские
слезы

Смело смотрим
на обильные осадки,
Ложные забыв
вчерашние прогнозы.

МОДЕЛЬ И КОРОТЫШКА

Цветы. Наряды. Фотовспышки.
Причудливые парики.
Модель нагнулась к коротышке.
И встал на цыпочки плутишка
И дотянулся до руки,
И шепчет страстно: «О, малышка!
Я не достану до щеки.
Позволь... пупочек поцелую». –

«Целуй», - ответила буржую
Невозмутимая модель.
И... распрямилась вермишель.

ЛИЦА УЛИЦ

Целую лица улиц,
Цитроны и цветы акаций
И клацаю, как цапля клювом
на плацу, без рации.
В мерцании Центавра, лоцман,
Как лапой курица,
Царапаю, цепляю цеппелины,
цитадели и лица
Без цели.

ОДНА

Всегда одна,
Она не спит,
Внимательно следит
И наблюдает
Их дали.
Квазар
Видали
Ее глаза
С обратной стороны
Ее луны.

ЛЕКСЫ

Мы мир едим, грызем планету:
Окаменелую конфету.

Для нас соседние планеты – кексы.
Мы доберемся и до них. Мы – лексы.

МЕЧТА РЕФОРМАТОРА

У нас в стране нет нищих.
Есть только люди бедные.
Они такие вредные:
Все время просят пищу.

Мы им даем возможности
Работать в малом бизнесе,
Одoleвать все сложности
И заниматься фитнесом.

Они ж такие вялые,
Неинициативные.
Плодят они отсталые
Районы депрессивные.

Реформы социальные
Проводим. Мы стараемся.
Они, неблагодарные,
Упрямы, упираются.

По митингам скитаются,
Сварливые, шумливые.
Сменять их на китайцев бы,
Ведь те неприхотливые.

ОРИЕНТИРЫ

Наш опыт на переднем плане.
Он - впереди. И он велик.

В материальном океане
Он - главный скоростной плавник.

Как линза, выпукл непомерно,
Раздут, как полое стекло,
Накоплен эпохально, эрно,
Напорист - ветром под крыло.

Его визири - навывк, проба.
Эксперимент - его удел.
И от рождения до гроба
Он - практик замыслов и дел.

И мы, имея эти снасти,
Не вспоминаем о душе,
Когда объем практичной власти
Растит испытанных правшей.

Наш принцип «разделяй и властвуй»
Нам дорог. Наш закон - шкала.
Мы применяем опыт в царстве
Вне величин добра и зла.

И все подвластны нам трамплины,
А тот, кто ирреален, слеп.
И мнится нам: мы исполины,
Вершители своих судеб.

Но так ли мы правдивы, смелы,
Теряя вдруг ритм пульса вен?
Свое мы сберегаем тело,
Когда его тревожит тлен.

Вначале каждый - здравый циник,
В конце мы - навсегда одни.
И в мире совершенных клиник

Болезнь смеется над людьми.

Все льстим, внедряя роль беспечно
В антинаучный балаган.
Не забываем ли о вечном,
Пытаясь скрыть самообман?

Мы - судьи простоте премудрой.
Мы - слуги сверхзаумных форм.
Жрецы удачи златокудрой -
Мы ей верны и в штиль и в шторм.

Не внемлем потому от века...
Когда он приобрел весь мир,
КАКАЯ ПОЛЬЗА ЧЕЛОВЕКУ
В пути, где ложь - ориентир?!

Поэтому и недоступен
Нам слог Его. Слепца любя,
Сказал ему: ПРОЗРИ (искуплен)!
ВЕРА ТВОЯ СПАСЛА ТЕБЯ.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС

Основной вопрос философии...
А откуда мне знать, что он - основной?
Кто подсунул мне это пособие?
Тот, кто с детства испытывал фобии?
Унаследовал зуд головной?

Как змея, человечество страстное
Пожирает с хвоста само же себя.
То дерзя, то печалась, злосчастное,
Всем ветрам, словно флюгер, подвластное,
Созерцает любовь, не любя.

Что мне басни тогда о первичности
Для играющих чаш весов бытия.
Состязаясь с объектом публичности
Все продвинутое - в схеме - личности
Одержимы идеей вранья.

Мне дороже сердец сублимация,
Наблюдение лет, чутье не извне.
Не первичность-вторичность - в абстракции,
А... кому поклоняется нация:
Только Богу или сатане.

ГАРАНТИИ

- Дай нам гарантии существования Бога,
И мы безоговорочно тебе поверим.
- А я вам говорю, для диалога,
В такой же предлагаю вам манере

Дать мне гарантии, что Бога нет на свете,
Что нет Добра и зла, спит вечным сном свобода,
И я себе дозволю на планете
Затеять оргию кровавую в народе.

Нет сострадания, любви, а есть инстинкты,
И если я хитер, умен, то нет препятствий
Моим амбициям, желаниям, стихиям
За счет других с комфортом жить, иметь богатство.

Пусть содрогнется мир, - меня не остановят
Его законы, слезы, правила морали.
Законы писаны для слабых, сирых, вдовых.
Не для меня - библейские скрижали.

Я буду мир по-своему уютить.
Пока я жив, я для толпы - мечта, загадка.
Я буду сеять смерть и страх, и боль, и ужас
И устанавливать свои порядки.

И не ищите Бога мокрыми глазами,
Когда я волю дам своей мускулатуре.
Что я - ваш господин и ваш хозяин,
Вы на своей почувствуете шкуре.

Тогда ищите сколько вам угодно,
Защиту в небе, под землей и в океанах,
И я спрошу вас: Верите ли в Бога?
И не услышу вас, растерзанных и в ранах.

ВЫВЕРНУТАЯ НОЧЬ

Нам мало просто видеть
Свет ярких дальних звезд.
Нам хочется корриды,
Подергать звездный хвост.

Мы почему-то злимся,
Рассудок гоним прочь.
Мы вывернуть стремимся
Нетронутую ночь

Нешадно, наизнанку,
Как ношенный носок.
Сработала приманка –
Бесовский голосок.

Ночь превращаем в сущность,
А тучи – в некий знак.
Но облачная тучность

Скрывает зодиак.

О, знаки абсолютной
Бесцветной темноты!
О, тайный мир, оккультный,
Наперсник пустоты!

О, хаос первозданный,
Открой свое лицо!
Прими своих созданий,
Прими своих жрецов.

Пошли нам знак приказа.
Твой символ – проводник.
До хрипа, до экстаза
Прославим тайный лик.

В смиренных рубашках,
Заложники тоски,
В больничной каталажке
Сжимаем кулаки

И стискиваем зубы
В темнице без углов.
Пять санитаров грубых
Связали сто узлов.

Нам выбраться б на волю
В безумный мир людей,
Где б мы сыграли роли
Их выборных вождей.

Подарим мы профанам
Незримый третий глаз
И рев левиафана
В полночный скрытый час.

ПРОГУЛКА

Мне от Одоева и до Крапивны
Дойти, домчаться – пара пустяков!
Залатанный асфальт интуитивно
Я обхожу под свисты сквозняков.

Что завело сюда, не знаю право.
Иду по карте, без проводника.
Какая мухоморная отравка
Меня спугнула после пикника?

Прекрасное с полезным совмещаю.
Во всем неукоснительно педант.
На «Опеле» угождая посещаю,
Как будто я немецкий оккупант.

Как будто второпях из танка Panzer
Гляжу на русский мир во все глаза.
И чувствую себя же самозванцем,
А не хозяином, и жму на тормоза.

Церквей полуразрушенных опоры
Без бирюзовых в звездах куполов
В пути встречаю. Рывины, канавы
Ползут навстречу изо всех углов.

Вблизи комфорт, а справа – захолустье.
Безлюдные деревни, хутора.
Суровой правды много, больше – грусти
В затерянных, запрятанных мирах.

Но красит осень мягкой желтой кистью
Наряд неброский скромных деревень,

И солнцем позолоченные листья
Сусальным золотом расцветивают день.

Что делаю здесь я вдали от дома?
Скорее в Тулу! Хватит, погулял.
Соскучился... и это аксиома.
Хочу вернуться в мир больших зеркал.

Хочу быть занят в городской массовке
Там, где людьми запружен тротуар,
Бодаться в пробках, биться за парковку,
Попасть в кипящий город-самовар.

РОССИЯ

Эта светлая тонкая шаль
Над туманами русской земли,
Позабытая русская даль,
Ты порывы души окрыли.

Дай подняться над вольной страной
И увидеть леса и луга,
Очарованные тишиной,
Где ничья не ступала нога.

Твоей осени золото снов
В ожидании снежной зимы.
Токование тетеревов
На приход долгожданной весны.

Твое лето – подарок небес,
Кладовая богатых даров.
Это милая родина здесь
В травах летних, летящих ковров.

Ты Россия для всех на века
В чистоте родниковой воды.
А судьба твоя – жизни река.
А венец твой – весною сады.

Для тебя только правда одна:
Щедрой быть на просторах своих,
Быть любимой, хранимой всегда
От завистливых взглядов чужих.

Сергей Щеглов

Сергей Львович Щеглов родился 19 сентября 1921 года в селе Ляхи Владимирской губернии (тогда Нижегородской области) в семье сельских учителей. С 1926 по 1940 годы жил в городе Муроме (в то время Горьковского края). В 1937 году родители были осуждены по обвинению в антисоветской деятельности, отец, Щеглов Лев Львович, расстрелян в Горьком, мать выслана в Карагандинские лагеря на 10 лет, где и скончалась. С 16 лет работал и учился в вечерней школе. По окончании десятилетки поступил на истфак Московского областного педагогического института. Окончил первый курс 22 июня 1941 года и на следующий день был арестован НКГБ СССР по обвинению в создании молодежной антисоветской организации. Виновным себя не признал и после длительного следствия Особым совещанием НКВД был приговорен к пяти годам ИТЛ.

Срок отбывал в Норильлаге, работал на строительстве горно-металлургического комбината землекопом, каменщиком, взрывником на рудниках, лаборантом на заводе взрывчатых веществ. После освобождения был закреплен на той же работе без права выезда из Норильска. Работая, учился во Всесоюзном заочном политехническом институте, в 1955 году защитил диплом инженера технолога по химическому производству (жидкого кисло-

рода). Заведовал научно-исследовательской лабораторией, был техноруком, затем начальником завода по производству взрывчатых веществ и кислорода.

В 1959 году вслед за родителями был реабилитирован за отсутствием состава преступления, переехал на жительство в город Тулу, работал на Новотульском металлургическом заводе начальником участка «Союзкислородмонтажа». В 1963 году осуществил свою мечту посвятить себя журналистике и литературе, стал профессиональным журналистом. Член Союза журналистов СССР, России, член Союза Российских писателей. Выпустил 14 книг: историко-краеведческих, литературоведческих, публицистических, документально- мемуарных. Главная тема творчества – политические репрессии в СССР. За эти годы дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского и литературной премии имени Льва Толстого.

С 1990 года по настоящее время на общественных началах состоит председателем правления Тульского областного отделения Российского просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и другими, почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Публицистика

Повивальную бабу – за штат!

Слово к читателям

Соображения, которыми мне хотелось бы с вами поделиться, не новы и не принадлежат мне, давным-давно высказаны основателями самых совершенных религий и великими мыслителями. Противоречат тому, что ежедневно слышим по радио и в речах политиков, наблюдаем на экранах телевизоров и театральных подмостках, читаем в газетах, журналах, сборниках и популярных книгах. Коренным образом расходятся с тем, что преподают в школах и институтах, внушают на службе. Противостоят пропаганде и не совпадают с практикой жизни.

И все же призываю вас вдуматься в суть этих соображений – в надежде, что, может быть, оставят они добрый след в душе вашей и в сердце, и вы передадите их детям, внукам, друзьям и знакомым – и тем приблизите нынешних и будущих строителей жизни к важнейшим вопросам, от которых она зависит.

Заветы Христа – Толстого и реалии жизни

Издревле устройство жизни людской зиждется на насилии. Что и дало основание одному из самых известных философов и общественных деятелей вывести образную формулу, ставшую аксиомой: «Насилие – повивальная бабка истории». Формула эта закрепила в сознании миллионов людей убеждение, что лишь насилем можно искоренить само насилие и достичь истинно человеческой жизни. Однако интенсивная многовековая практика господства насилия доказала правоту других учителей, которые утверждают: насилие порождает лишь новое насилие, умножает зло и страдания на земле.

Наиболее убедительно заявил об этом Христос. Две тысячи лет спустя в новых условиях проповедь продолжил Лев Толстой.

Всемирное значение проповеди Льва Толстого, проявившееся еще при его жизни, крепнет от десятилетия к десятилетию. Философское наследие великого писателя и мыслителя все настойчивее прорывается в жизнь. Появляются и государства, где торжествует свободное слово. Мысли Льва Николаевича все шире становятся предметом дискуссий среди всё большего числа людей. Озабоченность тем, как избавить человечество от гибели во вражде, невежестве и рабском подчинении диктаторам, охватывает все больший круг мыслящих. Идеи любви и ненасилия, так ненавидимые злыми выродками человечества, становятся все более привлекательными для многих.

Однако руководители государств, даже наиболее демократичные, честные и самоотверженные, неизбежно поглощены делами текущими, неотложными заботами, слишком мало уделяют они внимания повышению нравственности населения. Внешние и внутренние противники и опасности отвлекают от забот о нравственном самосовершенствовании граждан.

Что же сказать о тех государственных деятелях, которые

под разными предлогами натравливают граждан на соседние народы, разжигают национализм и шовинизм, стремятся бросить население в пламя войн? С древности и до наших дней лавры цезарей, александров македонских и наполеонов не дают покоя тщеславным правителям, главная забота которых увековечить себя, хотя бы ценой жизни подчиненных людей. Нет тщеславцам дела до того, что времена меняются и людская дикость постепенно замещается разумным сообществом.

Технический прогресс так умножил и усилил средства уничтожения, что в безумии войн реальной стала опасность гибели земной цивилизации. Дорвавшиеся до власти фанаты собственной славы как дети играют с огнем, готовы раздуть мировой пожар, в котором сгорит все.

18 августа 1968 года Политбюро Центрального комитета КПСС (Брежнев, Косыгин, Подгорный, Андропов, Суслов и прочие) решило ввести войска в столицу соседнего государства, руководство которого не подчинилось указаниям из Москвы. Дубчек никому ни чем не угрожал, оружием не бряцал, насилия ни к кому не применял. Но брежневская камарилья усмотрела в том неподчинении угрозу. Назначено было двинуть в Прагу 30 танковых и мотострелковых дивизий и привести в боевую готовность еще 70 дивизий Варшавского блока. Военный министр Гречко сказал своим подчиненным: «Это решение будет осуществлено, даже если оно приведет к третьей мировой войне» («Лит. газета», 6 августа 2008).

Двадцать три года миновало тогда после второй мировой войны. Человечество еще не залечило страшные раны. Мы в Советском Союзе, пострадавшие больше других, с воодушевлением пели «Бухенвальдский набат»: «Берегите, берегите, берегите мир!». (Слова этой песни сочинил никому не известный ни тогда, ни доселе поэт Александр Соболев, участник Великой отечественной войны. Принес их в «Правду» – не приняли. Понес в «Гудок» – опубликовали. Ваню Мурадели написал музыку. Песня начала жить. Одним из проникновеннейших исполнителей был Муслим Магомаев. Соболев умер в неизвестности в Москве в 1986 году. Его историю рассказали по радио «Россия» 29 сентября 2008 г.). А

правители сверхдержавы берегли его вот так. Грандиозная лож пронизывала общество. Советских людей уверяли, будто бы в Праге засели новые враги народа, наемники империализма с партбилетами коммунистов. Как беззастенчиво повторяла эта лож сталинские уверения, будто соратники Ленина Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие – шпионы и диверсанты, продавшиеся капиталистам. И граждане, одурманенные пропагандой, задавленные страхом, не смеявшие возразить сталинским опричникам, верили, либо делали вид, что верят измышлениям. Вместе с вождями революции страдали и гибли миллионы мирных и смиренных людей, зачисленных Сталиным в «антисоветские элементы». Так тридцать лет спустя советские люди верили, будто Дубчек и его сторонники – враги.

Вояки-ястребы и ядерной войны не боялись. А что, министру Гречко в случае атомного удара по Москве и гибели 10 миллионов её жителей – им смерть не угрожала. Для высших начальников, их семей и обслуги давно в полной тайне были заготовлены подземные бункеры с комфортным жизнеобеспечением. В них зачинщики боины надеялись отсидеться, отдавая приказы об уничтожении городов и армий. Как провозгласил в те годы Мао Цзэдун: пусть в атомной войне сгорит большинство населения планеты, зато оставшиеся достроят социализм.

Что сказал бы обо всем этом Лев Николаевич Толстой? Он нашел бы самые точные, верные и убедительные слова, чтобы открыть глаза обманутым, обольщенным ложью.

Самая тяжкая болезнь человечества, - постоянно напоминал он, – это убийство людьми друг друга. Он отрицал государство, разоблачал царей и вельмож, презирал их за то, что они обволокли людей ложью, распространяют и углубляют самую страшную болезнь человечества. Царь и его приближенные игнорировали призывы Толстого. Состоявшая в их услужении Русская православная церковь вопреки учению Христа отвергла критику и отлучила Толстого от своей деятельности, обвинила в гордыне, хотя он призывал следовать заветам Христовым. В атеистическом ленинском государстве, основанном на доктрине всеобщего насилия, главная часть толстовского учения была заключена в саркастиче-

скую формулу: «Юродствующий во Христе». Государства, где правят диктат и ложь, не только не заинтересованы в использовании и распространении толстовских идей, там просто боятся их. Толстой отрицал такие государства, не видя других.

История движется вопреки учению Христа и его последователя Толстого. Насилие продолжает править людьми, сопротивление ему карается беспощадно. Масштабы и жестокость насилия век от века растут. Лев Николаевич и представить себе не мог, как ужасно и стремительно помчатся трагические события. Прошло четыре года после его смерти – началась всемирная война. Еще три года – и наступил небывалый разгул насилия в революции. Вспыхнула гражданская война. Все это было не ново в истории, только размеры стали небывало огромными.

В России народное терпение, при жизни Толстого бывшее на исчерпании, прорвало все плотины, гнев обездоленных затопил страну. Используя пушкинский афоризм, народившийся бунт бессмысленным назвать было нельзя, но уж беспощадным он стал небывало. Большевики, победившие во всеобщей схватке, установили такую форму государственного насилия, какой еще не видала история. Заодно с классовыми врагами они уничтожили и церковь, поддерживавшую сметенный режим, отлучившую Толстого.

Однако то, что произошло в России в 1917 и в последующих годах, было воспринято многими как долгожданный путь в светлое будущее. Не сразу различили мечтатели, что на деле то была старая изъезженная дорога во все более мрачный мир убийств и страданий. Цель истребления богатей и эксплуататоров оказалась ложной. Взамен истребленных незамедлительно появлялись из грязи пролезшие в князи новые, еще более жестокие и изощренные.

Не прошло и двух десятков лет после ухода Толстого – князи-драконы подготовили и организовали еще одну всемирную бойню. Лавина небывалых бедствий обрушилась на большую часть человечества, поглотила все попытки сохранить нравственные ценности. Величайшие научные и технические достижения, как и предвидел Толстой, обернулись апокалипсическими страданиями, разрушением созданного за века человеческим гением и

трудом, привели к небывало массовым истреблениям самих творцов. Гибель прекраснейших благоустроенных людских поселений Гамбурга, Кенигсберга, Варшавы, Сталинграда, Киева, Хиросимы, Нагасаки и множества других оставила далеко позади все предыдущие уничтожения: Трои, Карфагена, Вавилона, Ниневии, Иерусалима, Рима, Константинополя.

Толстой отрицал государство, полагая, что сами люди без него смогут обеспечить счастливую жизнь. Но при существующем уровне нравственности они не в состоянии навести порядок в общежитии. Без организующей мощи государства не способны избавить себя от насилия разбойников. В теоретической работе «Государство и революция» Ленин размышлял о постепенном перерастании этого института во все менее насильственный и о последующем его отмирании. Но и это в нынешних условиях оказалось лишь благой мечтой, как и полное отрицание необходимости государства.

Опыт человеческого общежития показал: каждому нужно собственное жилище. Совместная жизнь «в коллективе», как ни пытались ее расписывать и даже внедрять, противоречит многим человеческим качествам: свободе поведения, необходимости уединения в некоторые моменты, да и семейным началам, и нравственному развитию. Недаром народ со справедливым презрением обозвал студенческие и рабочие общежития общагами. Жизнь в коммуналках тоже не принесла ничего хорошего. Человеку нужен собственный дом. Человек должен его оберегать, обустраивать, в разумных пределах расширять при увеличении семьи (а семья – абсолютно неизбежная и единственно счастливая форма человеческой жизни и продолжения рода). Поскольку мир и люди несовершенны, есть эгоисты и разбойники, грабители и убийцы, человеку приходится защищать свой дом и семью – от насилия, применяя насилие! И тут без помощи государства не обойтись. Если разбойники объединяются в банды, то граждане должны объединиться в государство. Государство должно быть сильным. Но подлинная сила его должна держаться не на страхе перед его насилием (пусть этот страх сдерживает бандитов!), а на доверии к государ-

ству его граждан, на их уверенности в том, что оно обеспечит их благополучие, жизненные условия быта, поддержит в периоды опасности, защитит от стихий и разбойников. И вот тут мы вступаем в противоречие с тем, что утверждал Христос, а за ним и Толстой. Как это противоречие разрешить? Думайте, думайте! Ищите необходимые рамки насилия как самообороны.

В силу нравственной неразвитости большинства людей их сообществу очень и очень далеко до осуществления заветов Толстого. Как сказал Евтушенко: «К вашим книгам, Толстой и Шекспир, миллионы не поднялись еще». Может быть, соединение имен Толстого и Шекспира в данном случае не вполне правомерно, но вывод поэта абсолютно правилен: «Если получитающий мир, значит, мир – полумыслящий» (стихотворение «Дом Тургенева», «Лит. газета» 20 мая 2008 года).

Отвечая на мой вопрос об отношении к учению Толстого, Евгений Александрович сказал (2 февраля 2008 года в Туле): «Толстой стал частью каждого мыслящего человека». А чтобы подтвердить, как мало людей одолело написанное Толстым, Евтушенко вспомнил: «Однажды я спросил писателя Виктора Шкловского – он написал самую толстую книгу о Толстом: - «Все ли Вы прочитали у Толстого?». Он ответил: «Ну, что Вы, – всего лишь треть».

Разумеется, ученые - толстоведы (наиболее серьезные) в отличие от писателя Шкловского, прочитали всё, опубликованное из произведений Толстого, да ещё и часть неопубликованного, черновики, писем к нему и прочее. Директор государственного музея Л.Н. Толстого В.Б. Ремизов в беседе с радиожурналистом Евгением Киселевым в декабре 2008 года на радио «Эхо Москвы» сообщил, что прочитал все 90 томов Полного собрания сочинений Льва Николаевича, изданные при советской власти.

Если уж автор самой толстой книги о Толстом прочитал лишь треть его произведений, что же сказать о простых читателях? Признаемся: много ли каждый из нас прочитал Толстого? Особенно тех произведений, где он наиболее ярко пропагандирует свои взгляды. Многие ли читали его пьесу «И свет во тьме светит»?

Главная задача толстоведения как науки – искать выход из

исторических лабиринтов, тупиков и завалов, развивать самое великое учение – идеи Христа о любви и нравственности. Не от нечего делать, не развлечения ради, а для спасения человечества от гибели. Нужна работа текстологов, стилистов, изучающих литературное наследие великого писателя, таинства его художественных достижений; но главное – опыт его размышлений о судьбах человечества. Как претворить его в жизнь? Думайте, люди, думайте.

Мы живем в окрестностях Ясной Поляны. Сложилось парадоксально: родина и место жизни Льва Толстого – одна из кузниц оружия. Там, где веками ковались мечи, отливались пушки, вытачивались винтовки и пулеметы, – там возродилась и вновь на всю планету прозвучала проповедь о ненужности средств убийств, о губительности насилия, о необходимости остановить уничтожение людей. Да, нужно защищать свой дом, свою страну от нападающих, от захватчиков. Для этого приходится изготавливать оружие и совершенствовать его, поскольку это делают другие. Но готовить пушки и бомбы сверх количеств, необходимых для обороны, накапливать их целые горы и торговать смертоносным товаром для собственного обогащения и пополнения бюджета государства – преступно, аморально.

Многое произошло на планете за полтора столетия, как живет учение Толстого. Главным образом – страшное, противоречащее ему. Но, в то же время, возникло много и много нового, что подтверждает возможность изменить мир к лучшему. Появилась Организация Объединенных Наций, Всеобщая Декларация прав человека и многое другое, что в русле миропонимания Христа и Толстого. На конференции правозащитных организаций России в Москве в декабре 2008 года председательница Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева говорила: «XX век на много порядков превосходит всё пережитое человечеством во всей его истории. Декларация прав человека родилась из раздумий над этим ужасающим опытом. Ключ к решению этих проблем был найден: уважение к личности, к человеку, соблюдение его прав. Не человек для государства, как было на самом деле в большинстве стран мира, а государство для человека, для соблюдения и охраны прав и свобод каждого человека. В этом суть Декларации. Это ве-

ликий документ, который был принят 60 лет назад, чтобы изменить жизнь на земле. И в определенной мере эта цель была достигнута. Ни в одном государстве, даже самом правовом и демократическом, оно не выполняется полностью. Но все больше государств признают необходимость её соблюдения. Всё больше государств, где граждане добиваются от своих правителей как можно более полного соблюдения её принципов (...) Политическая культура стран Европейского союза заметно продвинулась к идеалам Декларации (...) В наши дни крот истории роет гораздо быстрее, чем прежде. Кредо Декларации: государство для человека! (...) За продвижение этого кредо будут бороться и нынешнее поколение, и последующие. (Цитирую по газете «30 октября» № 90, 2008 г., Москва, Общество «Мемориал»).

Здравомыслящие прогрессивные силы, опираясь на принципы ООН, поднимают голос за то, чтобы запретить торговлю оружием, или – для начала – хотя бы как-то её ограничить, обусловить какими-то мерами. Организация «Международная амнистия» подготовила к встрече руководителей государств-членов ООН в октябре 2008 года доклад с предложениями к договору о торговле оружием. Суть предложений: государства должны отказаться от продажи оружия при наличии риска того, что оно будет использовано для грубого нарушения международных норм в области прав человека.

Вот так. А в случае не грубого (а какого? вежливого нарушения?) – пожалуйста, торгуйте?

Но даже и такую робкую попытку, которую в конце 2006 года поддержали 153 государства в Генеральной Ассамблее ООН, – и её отвергли лидеры ведущих стран. Руководители США выступили против, хозяева 24 государств воздержались (в том числе Беларуси, Венесуэлы, Египта, Израиля, Индии, Пакистана, Ирака, Ирана, Ливии, Сирии, Китая и России).

Никак не могут предрержащие власти примириться с желанием народов жить в мире и дружбе. Провозглашая эти лозунги на словах, на деле всячески препятствуют стремлению людей покончить с войнами. Корыстная верхушка государств наживает на кро-

ви своих подданных личные богатства и славу, человеческая жизнь для них, как и во времена дикости, не имеет никакой ценности и под любыми надуманными предложениями они бросают граждан в пламя самых чудовищных авантюр. Приспосабливают себе на службу не только отдельных популярных в народе личностей, но и общественные организации, задабривая их руководителей различными приманками.

Но время работает против преступных тщеславцев и недалеки дни, когда нравственно поднявшиеся люди убедят всех, что нельзя поддаваться давлению преступников, захвативших государственную власть. Время выдвигает три главные задачи для правительств ведущих государств. Задача первая: покончить с распрями и объединить силы США, России, Китая, Индии и Западной Европы против угрозы всемирного агрессивного исламизма. Задача вторая: возвышать роль и значение ООН и с её участием решать мировые проблемы. Задача третья: помогать бедным странам, делиться с ними богатствами и тем самым добиться нейтрализации агрессивных сил на планете.

Распад великого тоталитарного государства унес многие прогрессивные надежды (можно, можно было построить социализм с человеческим лицом, и все шло к тому, да не свершилось, а жаль!).

Если правители России пойдут по пути демократического развития, так называемого гражданского общества, дорога в светлое будущее человечества значительно облегчится.

В начале августа 2008 года в Москве предали земле выдающегося борца за гражданское и нравственное совершенствование людей, в известной мере продолжателя дела Толстого, писателя и публициста Александра Солженицына. При жизни его за отвагу и противостояние властям долго гнали и травили, но, в конце концов, признали правоту. На похороны собрались тысячи людей, в погребении участвовал президент России Дмитрий Медведев.

Вот что говорил Александр Исаевич за десять лет до смерти:

«Только если творчески активные силы человечества на-

правили бы себя к поиску постепенного и действенного ограничения злых сторон человеческой природы, к возвышению нравственного самосознания – надежда дальняя есть. Однако начинать этот путь и идти по нему – можно только с самораскаивным чистым сердцем и мудрой готовностью к ограничению также и своей стороны, и даже себя – раньше, чем других. Но именно такой путь вызывает в нынешнем мире лишь иронические улыбки или открытые насмешки». («Лицемерие на исходе XX века». «Аргументы и факты», 1997, № 40).

Личная ответственность каждого за всё, что уродует и отравляет мир, ставит жизнь на грань уничтожения, – совершенно неотъемлемо от любых попыток искоренить зло. О том твердили экзистенциалисты, другие мыслители XX века.

В феврале 1974 года Солженицын опубликовал своего рода нравственный манифест под названием: «Жить не по лжи». Перечитывая его сегодня, убеждаешься: несмотря на то, что за истекшее с тех пор время мир во многом изменился, главные послылы писателя-гуманиста полностью современны нашим дням. Вдумаемся в них.

«От души нажалуемся: чего только «они» не накуролесят, куда только не тянут нас! И ненужное космическое хвастовство при разорении в бедности дома; и укрепление дальних диких режимов; и разжигание гражданских войн; и безрассудно вырастили Мао Цзэдуна (...) и судят, кого хотят, и здоровых загоняют в умалишённые — все "они", а мы — бессильны. Уже до доньшка доходит, уже всеобщая духовная гибель насунулась на всех нас, и физическая вот-вот запылает и сожжёт и нас, и наших детей, — а мы по-прежнему всё улыбаемся трусливо и лепечем косноязычно: «А чем же мы помешаем? У нас нет сил». Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою (...) только бы не расстроить своего угла существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может, в щёлочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада (...).

А мы можем – всё! – но сами себе лжём, чтобы себя успокоить.

(...) Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несёт, и кричит: "Я — Насилие! Разойдись, расступись — раздавлю!" Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе, и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, — непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием (...)

И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!

(...) Вот это и есть наш путь, самый лёгкий и доступный (...) гораздо легче (страшно выговорить) гражданского неповиновения по Ганди. Наш путь: ни в чём не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи (для каждого она ещё по-разному видна), — отступить от этой гангренозной границы! (...) И мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадёт, и чему надлежит быть голым — то явится миру голым.

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остаётся ли он сознательным слугою лжи (...) или пришла ему пора отряхнуть честным человеком, достойным уважения и детей своих и современников. И с этого дня он:

— впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду;

— такой фразы ни в частной беседе, ни многолюдно не выскажет, ни от себя, ни по шпаргалке, ни в роли агитатора, учителя, воспитателя, ни по театральной роли;

— живописно, скульптурно, фотографически, технически, музыкально не изобразит, не сопроводит, не протранслирует ни одной ложной мысли, ни одного искажения истины, которое различает;

— не приведёт ни устно, ни письменно, ни одной "руководящей" цитаты из угождения, для страховки, для успеха своей ра-

боты, если цитируемой мысли не разделяет полностью или она не относится точно сюда;

— не даст принудить себя идти на демонстрацию или митинг, если это против его желания и воли; не возьмёт в руки, не подымет транспаранта, лозунга, которого не разделяет полностью;

— не поднимет голосующей руки за предложение, которому не сочувствует искренне; не проголосует ни явно, ни тайно за лицо, которое считает недостойным или сомнительным;

— не даст загнать себя на собрание, где ожидается принудительное, искажённое обсуждение вопроса;

— тотчас покинет заседание, собрание, лекцию, спектакль, киносеанс, как только услышит от оратора ложь, идеологический вздор или беззастенчивую пропаганду;

— не подпишет и не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются.

Мы перечислили, разумеется, не все возможные и необходимые отклонения ото лжи. Но тот, кто станет очищаться, — взором очищенным легко различит и другие случаи (...)

Даже этот путь — самый умеренный из всех путей сопротивления — для засидевшихся нас будет нелёгко. Но насколько же легче самосожжения или даже голодовки: пламя не охватит твоего туловища, глаза не лопнут от жара, и чёрный-то хлеб с чистой водою всегда найдётся для твоей семьи.

Преданный нами, обманутый нами великий народ Европы — чехословацкий — неужели не показал нам, как даже против танков выстаивает незащищённая грудь, если в ней достойное сердце?

Это будет нелёгкий путь? — но самый лёгкий из возможных (...). Если ж мы струсим, то довольно жаловаться, что кто-то нам не даёт дышать — это мы сами себе не даём (...) И это к нам пушкинское презрение:

«К чему стадам дары свободы?

.....
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бичи».

Вот как гневно и неукротимо доказывал необходимость личной ответственности каждого за состояние всех проповедник добра Солженицын.

Это – о лжи, трусости. Но есть еще заблуждение, когда люди ошибочно уверены в правильности каких-то путей и искренне их отстаивают.

Сравним с тем, что доказывал Толстой.

Герой драмы «И свет во тьме светит» помещик Николай Иванович Сарынцев, осмысливая свою жизнь, обеспеченную тяжким трудом крестьян, ужасается: «Все это полуголодные, на одном хлебе с водой, больные, часто старые (...) А мы? Ну, разве можно, поняв это, жить спокойно, почитая себе христианином? Ну, не христианином, а просто не зверем». «Что же делать?» – спрашивает его собеседник, молодой человек Борис. «Не участвовать в этом зле, – отвечает прозревший дворянин, – не владеть землей, не есть их трудов. А как это устроить, я не знаю (...) Одно скажу: что прежде я был слеп (...), а теперь глаза открылись (...) А видя, не могу продолжать так жить».

Николай Иванович не знает, как сделать, чтобы «не есть чужих трудов». Его современники, русские революционеры, приняв учение Маркса, уверились, что надо «весь мир насилия разрушить» и на его развалинах построить мир свободных счастливых равноправных людей. Шесть десятилетий спустя Солженицын, разуверившись в идеалах революции, осмыслив то, к чему они привели, воспринимал это так: «Теперь, когда все топоры своего дорубились, когда все посеянное взошло, – видно нам, как заблудились, как зачадились те молодые самонадеянные, кто думали терроризмом, кровавым восстанием и гражданской войной сделать страну справедливой и счастливой. Нет, спасибо, отцы просвещения! Теперь-то знаем мы, что гнусность методов расплывается в гнусности результатов. Наши руки – да будут чистыми!».

Лев Николаевич Толстой понял это раньше других. Раньше Плеханова, первым переведшего на русский язык марксов «Капитал». Раньше многих и многих «молодых самонадеянных», которые не послушались или не поняли яснополянского мудреца.

Да что там! И сегодня, несмотря на горчайший и убедительный

опыт, многие продолжают верить, что только насилем можно победить насилие в общепланетном масштабе. В их головах самое страшное преступление – контрреволюция, пацифизм.

Итак, не участвовать в ограблении народа, как говорил Николай Иванович, не есть его трудов. Или, может быть, этот призыв устарел уже? Революция, ценой невероятных погублений и страданий, все-таки чего-то достигла? Помещиков нет, пролетариата нет, вроде бы установилось справедливое соотношение тружеников и тех, кто живет лучше их. Может и призывы Солженицына устарели?

Оставим пока в стороне весь земной шар, большая часть жителей которого прозябает никак не лучше русских крестьян под гнетом помещиков. Маюются в нищете, в голоде, в дикости – в то время как жители некоторых стран достигли относительного благополучия и равенства. Посмотрим, как и Толстой, как и Солженицын, на нашу родину, нашу Россию. Может быть, теперь тут все благополучно и остается только поддерживать во всем родное правительство, которое лучше нас знает, куда дальше идти и что надо делать, и нам остается лишь приветствовать каждый его шаг?

Но ведь не достигли мы хотя бы относительного равенства в уровне жизни всего населения и подвигаемся к этому что-то уж очень медленно. Да и подвигаемся ли? Наоборот, пропасть между богатством и роскошью жизни одних и бедностью большинства всё расширяется и углубляется. Ни в один прыжок и даже в два эту пропасть не одолеть. Просвета нет.

Что же делать? – спросит мыслящий молодой человек, современный Борис из драмы «И свет во тьме светит». Ответ тверд: не участвовать не только в ограблении народа, но и в безудержном собственном обогащении за счет неизбежного роста накопленных капиталов, надо отдавать хотя бы часть их на улучшение жизни бедных.

Это, однако, не легко достижимо. Стремление увеличивать свое богатство есть один из людских пороков. Верблюду сквозь игольное ушко легче пролезть, чем богатому в царство божие войти, уверял Христос. В своем бескомпромиссном учении он одним махом призывал избавиться от всех людских пороков. Оказывает-

ся: невозможно. Думайте, люди, думайте!

Возьмем другие стороны. Русских людей правители и философы издревле уверяют: единственный путь к общему процветанию – величие России как державы, её военное первенство. В стране, говорят, огромные просторы, невероятные природные богатства, а все окружающие народы зарятся их отобрать. Потому надо наращивать военную мощь, воспитывать население в духе патриотизма и постоянной готовности к защите Родины. Как это и делали мудрые цари-батюшки и самый твердый из них – товарищ Сталин. С волками жить – по-волчьи выть.

Неправда! Народы – не волки. Не французы на русских напали, а Наполеон. Не немцы – а Гитлер. Люди любых рас и наций – не звери. Звери – и хуже зверей! – порабащивающие, гипнотизирующие их вожди.

Двадцать первый век ничем пока не порадовал. Угроза военных столкновений не уменьшается, а растет. Так называемые «горячие точки» не убывают, противостояния государств обостряются, появился еще и международный терроризм. Но только ли наращивая военную мощь, можно избежать новых угроз и опасностей? Не лучше ли показать пример их преодоления другим путем – помощью нищим странам, их несчастному населению? Великий опыт Миклухо-Маклая подтвердил такую возможность.

Это, конечно, зависит не только от русских. Но хотя бы не участвовать в ограблении других стран, не захватывать их, не увязать в войнах, не продавать оружие, всё более и более наспигивывая им планету. Ведь знают эти торговцы, что убивают людей в других странах, разжигают войны. Пусть спросит себя человек, зарабатывающий большие деньги на изготовлении бесчисленных пушек и бомб – нравственно ли он поступает, обеспечивая этим себя и свою семью?. Пусть спросит себя инженер и ученый, изо дня в день разрабатывающий в КБ и НИИ все более свирепые методы уничтожения людей и созданных ими богатств, – правильно ли он поступает? Пусть задаст себе вопрос современный академик Сахаров, щедро оплачиваемый государством за свои исследования и открытия, ублажаемый наградами и почётом, – заслуживает ли он эти награды и эту славу?

Николай Иванович в драме Толстого отказался участвовать в несправедливых, преступных делах. Окружающие его люди, даже и самые близкие, не могли понять его, считали чуть ли не умалишенным. Даже те, кого ему удалось убедить в правоте своего протеста, не нашли в себе силы последовать его смелому примеру, не пришли к убеждению, что «так дальше жить нельзя». Да и сам он в финале вынужден отказаться от своих призывов, спасая тех, кого убеждал, стал заложником ради собственных близких

Но если люди, производящие средства убийства, поймут гибельность пути, которым идут вместе с другими, они прозреют и обратятся к советам Толстого и к учению Христа.

Однако, до этого прозрения ох, как далеко! Даже те, кому импонируют заветы Христа и Толстого, не отваживаются следовать им. Прославляя Христа и Толстого, такие люди поступают вопреки их заветам, лгут себе и другим.

Если бы Толстой мог прочесть или услышать хотя бы малую часть того, что печатается и произносится в его прославление, он, при своей жажде славы, присущей всем людям, – все-таки ужаснулся бы обилию пустословия, затемняющего главную суть его жизни, его деятельности, – проповедь ненасилия, любви к людям, призыв не подчиняться властям, когда они бросают народы на войну, оправдываемую надуманным ими предлогами, главным из которых является так называемый патриотизм, издревле воспринимаемый людьми не только благосклонно, но и непреложно, как нравственная аксиома.

Лев Николаевич, будь он жив, многое в оценке его деятельности воспринял бы как естественное, неизбежное. То, например, что Ленин называл его юродствующим во Христе. То, что Гитлер сжигал его книги. Толстой понял бы это вполне правильно: его противники ведут борьбу присущими им методами. Но ужаснуло бы его то, что художники слова и прочие люди, считающими себя нравственно согласными с его проповедью, прославляя его, избегают до конца познать то, что он при помощи слова, которым владел виртуозно, хотел выразить. Все самые потаенные тонкости его творчества раскрывают, славословят его, но как только до главного доходят, – стоп! – и в сторону. Или же кратко и бездока-

зательно замечают: тут Лев Николаевич ошибался, тут он что-то недопонял, проявил слабость мышления или даже потерпел фиаско как художник (литературовед Ломунов называл драму «И свет во тьме светит» одним из самых неудачных произведений Толстого). Суть же этих умолчаний и отрицательных потенциалов состоит в том, что главное в учении и творчестве Толстого противоречит воле правителей. И славословы Толстого либо боятся высказать противоречие властям, либо искренне думают, будто тут, то-есть, в главном, Толстой не прав, а правы правители, которые говорят, что главное – защищать свою страну не только когда на неё нападают, но и превентивно, по древней формуле: «Хочешь мира – готовься к войне». (Во времена Брежнева в СССР – под давлением мировой общественности эту формулу на словах отменили и перефразировали так: «Хочешь мира – отстаивай дело мира!». Перефразировали – а на деле гонка вооружений безудержно росла, мир отстаивали военными средствами. То же делали и американские лидеры).

Правители уверяют, что главное для мужчин – служить в армии, изучать и всячески совершенствовать оружие; а в самые напряженные моменты, устраиваемые властями же, требуют: дело женщин – рожать воинов. (Хотя миролюбивые силы подают голос. «Не для войны сыновей мы растим!» – пели в том же СССР в те же годы, закончившиеся военным вторжением в Прагу и в Афганистан). Устраивая гонку вооружений, разжигая «холодную войну» и «горячие точки», прикрываясь заявлениями о своем миролюбии, насаждая под флагом патриотизма шовинизм, правители главную свою цель видят в подготовке к войне. «Не служить в армии? Хотите, чтобы враги захватили нашу страну? Вы этого хотите?! И ведь, в самом деле, реальность на планете такова, что многие руководители государств стремятся в той или иной форме захватить чужие страны, как и в древности, поработить или уничтожить их народы. Это и дает козырь противникам Толстого объявлять его недопонимающим, юродствующим или, мягко говоря – утопистом. Вступать же с ним в открытую полемику многие считают нецелесообразным, подобно тому, как спорить с малым ребенком.

На самом же деле необходимо одно: вместе с «малым ре-

бенком» обсуждать главные вопросы жизни на Земле – и не от нечего делать, не просто философствуя ради красного словца, а в силу острейшей неотложности найти решение самых запутанных, самых противоречивых вопросов мировоззрения и практики, для того, чтобы избежать гибели всех людей на планете в результате безумной гонки вооружений и вражды. Всё это не отвлеченные, а самые насущные вопросы практики.

Люди, не обладающие властью и стремлением прославиться, не большие агрессивностью, хотят жить в мире и согласии. Вожди-правители уверяют, будто это невозможно, будто войны неизбежны и вечны, будто они – естественное состояние общества и природы.

Это ложь, чудовищная, оскорбительная для людей ложь, оболванивание человека. Нет у лжецов-властителей презрительнее клички для несогласных, как пацифист, т. е. миролюбец. Она у них – синоним «врага народа», «изменника Родины», «предателя», которых надо «разоблачать», преследовать и уничтожать самыми беспощадными методами.

Движение пацифизма оформилось как организованная форма в XIX веке, хотя существовало ещё в древности (вспомним хотя бы Аристофана). То был век все усиливающихся войн и революций, возникновения марксизма-ленинизма. Раскройте любой справочник советской эпохи, найдите слово пацифизм. «Лицемерие», «одурачивание народных масс» – вот характеристики, какие дают прислужники господствующей идеологии этому движению. Клевета – обычный способ опорочить противника. На самом деле корни пацифизма в осмыслении попыток избавиться от войн и государственного насилия.

В 2008 году профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов, доктор философских наук Сергей Анатольевич Нижников опубликовал работу под заголовком: «Четыре тезиса в отношении политики и морали». Речь о вариантах насилия и ненасилия в политике. Первый был провозглашен Николо Макиавелли: только благая политическая цель оправдывает любые средства. Вторым развили его крайние радикальные сторонники: цель оправдывает любые средства. Третий выдвину-

ли, по словам Нижникова, так называемые гуманитарии: благая цель может быть достигнута только добрыми методами. Четвертый Нижников формулирует как пацифистски-непротивленческий: непротивление злу силой. Автором этого тезиса называет Льва Толстого. Ученый доказывает принципиальную разницу всех четырех вариантов в области политики и морали. Он отвергает расхожее мнение, будто мораль и политика несовместимы. Справедливо, на мой взгляд, считает, что тезис крайних сторонников Макиавелли нельзя отнести к политике, он просто криминален. Да и сам метод Макиавелли был относительно оправдан лишь на историческом этапе становления национальных государств, но недопустим в нынешнем глобализирующемся мире. Пацифистско-непротивленческий вариант профессор рассматривает как аморальный.

Ссылаясь на Николая Бердяева, Ивана Ильина и Мартина Лютера Кинга, он стремится доказать, что непротивление злу силой несовместимо с непротивлением злу насилием. Опираясь на труды С. Н. Булгакова, А. И. Солженицына, даже на самого Толстого, критически относившегося к толстовцам, политику пацифистского ненасилия воспринимает как отказ от активной и бескомпромиссной борьбы против зла, как путь к тотальному насилию. «Непротивленчество и насилие, – пишет Нижников, диалектические противоположности, переходящие друг в друга и питающие друг друга».

Развивая эти мысли, Сергей Анатольевич углубляется в теорию пацифизма. «Принцип ненасилия отличается от пацифизма тем, что не запрещает необходимую самозащиту от агрессора. Ещё одно важнейшее отличие состоит в том, что ненасилие утверждает необходимость защиты третьего лица, тем более, если оно само не может защитить себя (женщина, ребенок, слабый перед сильным злодеем и т. д.). С этих позиций пацифизм выглядит аморальной доктриной, так как помимо обезоруживания самого субъекта перед лицом зла, он еще подвергает опасности другого, невинного и слабого, отказывая ему в защите. Пацифист, не беря в руки оружие, тем самым вынуждает других выполнять функцию защиты вместо себя (...) Это страусиная попытка избежать ответственности за

другого путем тотального отказа от применения силы. Но мораль характеризуется тем, что не избегает ответственности, а напротив, берет её на себя. Моральный человек – это безусловно ответственная личность, и не только за себя, но и за окружающих людей, за общество, в котором он живет, и государство, человечество в конце концов, что особенно актуально в эпоху глобализации».

При всей неоспоримости этих посылок автора, возникает вопрос: неужели основатели движения пацифизма этого не понимали? Неужто Христос и Лев Толстой готовы были бросить беззащитного? В такое невозможно поверить. И выходит, что Нижников солидаризируется с авторами тех статей в марксистско-ленинских словарях, которые без зазрения совести обвиняют своих противников в лицемерии и одурачивании народных масс.

Чувствует это и сам профессор. Он пишет далее: «М. Ганди был сторонником ненасилия, но не пацифистом. Он активнейшим образом боролся со злом, и не только призывами, а всей своей жизнью. При этом он готов был, как и М. Л. Кинг, жертвовать собой (...), но не другими.»

Тем не менее, доктор философии упрямо стоит на своем: «Ненасилие – концепция реалистическая, морально преобразующая жизнь. Пацифизм – утопическая, на деле не изменяющая жизнь, а устраняющаяся от решения её проблем».

Удерживая себя на этой позиции, Нижников бросается и дальше позорить пацифизм. Называет его дурным идеализмом, придерживающимся принципа «Не убий!», а по сути приводящего к глобальному господству убийства. Достается и Льву Николаевичу. «Толстой предпочитал быть абстрактным проповедником с одной стороны, призывая следовать своим идеям, а с другой, осознавая невозможность и невыполнимость этого требования (...) Это именно те благие начинания, которыми выстлана дорога в ад». При этом Нижников берет в свои союзники И. Ильина и А. Солженицына, критикующих Толстого по отдельным вопросам. Профессор упорно разделяет понятия ненасилия и пацифизма. Слава богу, он придерживается принципов ненасилия, не подвергая их каким либо сравнениям. «Правда не в силе, а сила в правде» (Даосин и Сократ). «Относись к другому, как хочешь, чтобы относи-

лись к тебе» (Конфуций). «Человек есть цель и никогда не может выступать в качестве средства». (Иммануил Кант). «В современном глобализирующемся мире ненасилие – не просто более достойная и предпочтительная форма бытия человека, но и безальтернативная» (А. А. Гуссейнов). И вполне справедливый вывод: «Ненасилие должно пропагандироваться и воспитываться в новых поколениях, и оно должно становиться нормой жизни уже сейчас, иначе завтра может не наступить».

Только не надо отторгать Толстого от идей ненасилия. К удивлению, такие попытки становятся всё более модными. В условиях разрастающегося национализма и шовинизма, солидаризирующегося с расизмом, в половодье мистицизма, смыкающегося с черносотенством, это получает питательную почву. Это не только в высшей степени несправедливо, но и опасно: можно подрубить опору, на которой стоим. И то будет на радость нашим противникам.

С эти связан еще один вопрос, весьма усложняющий нравственное совершенствование людей: отношение к церкви.

Русская православная церковь, так настрадавшаяся от агрессивных безбожных властей за семь десятилетий, в результате демократической революции получила свободу проповеди и всей своей деятельности и вносит немалый вклад в нравственное совершенствование паствы. Пресловутый опыт «молодых и самонадеянных» убедительно показал: нельзя запрещать церкви вести её работу. Но всё ли благополучно в самой церкви? Надо ли её освобождать от критики? Да и саму церковь не следует ли понимать, как диктат её иерархов, которые неизбежно срастаются с государством и поддерживают то, что оно делает? Этот вопрос тоже был поставлен Толстым и художественно отображен в драме «И свет во тьме светит». «Я не отрицал её (церковь. С.Н.) до тех пор, пока не убедился, что она поддерживает всё противное христианству» (...) – признавался Николай Иванович. – Церковь благословляет клятву, убийство, казни (...), благословляет войска».

Как бы ни пыталось богословие вывести церковные догматы из первоучения Христова, это всё та же ложь, которая сопровождает вселенское насилие.

Мне посчастливилось быть лично знакомым с одним из последних живых соратников Льва Николаевича – Валентином Булгаковым. В молодости, вскоре после смерти Толстого, Валентина посадили в тульскую тюрьму за то, что с группой последователей сочинил и распространял антивоенное воззвание: «Опомнитесь, люди-братья!». Несколько лет спустя Булгакова вместе с другими противниками насилия и войн изгнали из большевистской России. За границей – вскоре опять тюрьма, на сей раз – фашистская. И лишь после разгрома Гитлера вернулся Валентин Федорович на родину и некоторое время, когда было так называемое потепление, пожил без репрессий. Как раз в то время я с ним и встретился и несколько лет сотрудничал. Его обаяние было редкостным, это ощущали все, кто с ним общался. Беседы с ним, его книги оставляли впечатление неизгладимое и во многом помогали людям прозреть.

Годы спустя, когда появилась возможность высказывать своё мнение, написал я и издал за свой счёт четыре небольшие книжки, в которых, пытался изложить мысли, вызванные философским наследием Толстого. Первая книжка, выпущенная в 1998 году, называлась: «Сталинская премия». В ней я рассказывал о своем горьком жизненном опыте и завершил рассказ эпилогом, который имел заголовок: «Не вечно зло, если добро множить».

Вторую книжку выпустил я год спустя под этим заглавием. Она была о том, насколько отразились идеи Толстого в книгах популярной тульской писательницы Натальи Парыгиной. В следующем году книжка была переиздана, правда очень небольшим тиражом.

Третья книжка – о стихах и поэмах народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова, с которым мне довелось отбывать тюремный срок по политическим мотивам в Норильлаге, где мы строили великий промышленный комплекс. Роман в стихах, написанный Кугультиновым, – «Бунт разума» – яркое воплощение толстовских предупреждений людям.

И четвертая книжка, изданная в конце 2006 года, – «Извечный поединок света и тьмы в прозе и драматургии Игоря Минутко» – тоже наполнена размышлениями о том, что сбываются про-

рочества Толстого. И что его предупреждения должны же быть услышаны, а долг литераторов способствовать этому.

Все четыре книжечки я большей частью раздавал читателям бесплатно, вызывая скептические усмешки писателей-профессионалов. И тем постарался выполнить завет Льва Николаевича: литература – не способ зарабатывать деньги. Она – возможность сделать что-то действительно полезное всем людям. Сейчас заканчиваю книгу о Валентине Федоровиче Булгакове, в которой пытаюсь развивать эти же мысли.

Знаменательно, что на родине Толстого возникло в 1988 году движение молодых людей в русле учения Льва Николаевича о ненасилии. Перестройка в СССР созрела и позволила энтузиастам открыто и демонстративно заявить о своих целях и стремлениях к дружбе народов не на словах, а на деле. Они приняли участие в советско-американском походе мира по маршруту Одесса – Киев. В журнале «Новое время» опубликовали предложение Петра Савельева провести походы по следам великих проповедников ненасилия – Генри Торо, Льва Толстого и Махатмы Ганди. Призыв поддержал правнук великого мыслителя Сергей Михайлович Толстой.

После первого Яснополянского похода мира под девизами «За единение, ненасильственный мир, бессмертие человечества» и «В поисках зеленой палочки» было создано Толстовское общество. Каждый участник похода получил в дар книгу Толстого «В чём моя вера?». В 1990 году в Туле прошел учредительный съезд движения «Мир без насилия». Его основатель инженер Пётр Савельев положил в основу Делийскую декларацию, подписанную в 1986 году главами двух великих государств – Советского Союза и Индии, Михаилом Горбачевым и Радживом Ганди. В Декларации сказано: «Ненасилие должно быть основой жизни человеческого сообщества. Философия и политика, построенные на насилии и устрашении, неравенстве и угнетении, дискриминации по расовому и религиозному признакам или цвету кожи, аморальны и недопустимы. Они приносят дух непримиримости, губительны для высоких устремлений человека и отрицают все человеческие ценности. Построение свободного от ядерного оружия ненасильственно-

го мира требует перестройки в умах людей, воспитания народов в духе мира, взаимного уважения и терпимости».

Движение «Мир без насилия» было юридически зарегистрировано в качестве общественной организации. В марте 1991 года министр юстиции России Николай Федоров вручил Петру Савельеву свидетельство о регистрации Общероссийского движения «Мир без насилия». Девиз движения: «В поисках зеленой палочки».

За два десятилетия участники движения сделали немало и активно продолжают идти намеченным путём. Провозглашение Организацией Объединённых Наций 2001 – 2010 годов Международным десятилетием культуры мира и ненасилия, решение Генеральной Ассамблеи ООН объявить 2 октября – день рождения Махатмы Ганди – Международным днем ненасилия вдохновили участников общероссийского движения на новые планы.

«Как и Лев Толстой, мы хотим, чтобы любовь к миру перестала быть робким стремлением народов, она должна стать непоколебимым требованием честной совести, – провозглашает Пётр Савельев, – Всё, что мы делаем, направлено на то, чтобы ненасилие стало основой жизни человеческого сообщества. Мы призываем сделать новый век – веком без войн и насилия! Наша цель гуманна, реалистична и неизбежна. Мы верим, что стремление к этой цели может объединить всех людей, все местные и международные организации, защищающие человека, природу и вообще жизнь на Земле. Мы призываем к достижению согласия и примирения. Мы стараемся как можно шире распространять культуру мира и ненасилия, опыт ненасильственных движений. Мы выступаем за создание центров и школ ненасильственного мира (...) Мы предлагаем создать Российский Центр культуры мира и ненасилия». Подобные центры могли бы возникнуть в Индии и США, – местах жизни и деятельности Генри Торо и Махатмы Ганди, а затем и в других странах. Эти центры могли бы стать опорными в создании глобального движения к миру без насилия».

Вдумаемся, дорогие друзья, насколько актуальны и значительны эти призывы. Объединение всех истинно миролюбивых людей – заветная мечта Льва Толстого – верный и реальный путь

от первобытной человеческой дикости к светлому сообществу без войн, убийств и насилия. Путь невероятно трудный, долгий; вероятно потребует жертв и уж во всяком случае – великой настойчивости и полного самоотвержения. Но, как давно сказано, – дорогу осилит идущий.

Планета Земля – это рай, если её благоустроить. Она родилась из первозданного крошечного огненного ада. Возвратить её в это первоначальное состояние, в рукотворный ад вместо солнечного цветущего рая, – было бы величайшим безумием и преступлением человечества. Расплатой за них будет полная гибель.

Выше было сказано, что от России в силу её исторической роли в Европе и Азии и положения на планете во многом зависит будущее человечества. Но не хвастаться этим должны мы, а цивилизованно и нравственно осознавать свою роль и показывать пример добра и ненасилия. К сожалению, получается совсем не так. Как и в прежние столетия, власти уповают только на силу, порождая новые волны национализма и шовинизма. Проведенное с помпой в канун 2009 года телевизионное шоу «Имя России» вывело Сталина на первое место среди русских людей. Шоу-то шоу, а на самом деле – опасно. Спихнулись руководящие силы, поняли, что перегнули палку, стремясь угодить зюгановых и урапатриотов. За жупел патриотизма-самодержавия ухватились, православную церковь на помощь позвали. В итоге вместо кровавого диктатора привлекли Александра Невского. Бойкие адепты насилия уж как старались, кого только не предлагали в отцы нации: и Ивана Грозного, и Петра Первого, и Столыпина.

Во всей этой опасной игре про Льва Толстого не вспомнили. Но ведь Родину-то он защищал! Это он написал «Войну и мир».

2009 г., Тула

Александр Харчи́ков.

Александр Тихонович Харчи́ков родился 1 марта 1936 в деревне Харчи́ково Орловской области. Отец - Тихон Трофимович – молотобоец колхозной кузницы, мать – Степанида Емельяновна – ударница на полевых работах в колхозе «Путь Ленина».

В 1954 окончил Дросковскую среднюю школу.

В Тулу, на КМЗ, приехал после окончания Новомосковского Химико-Механического техникума в марте 1958 года.

Работал бригадиром дежурных электриков доменного цеха, избирался освобожденным секретарем комитета комсомола завода.

Стихи писал с детства.

Первая книга – повесть о металлургах « Лицом к огню» вышла в 1965 году.

Окончил Литературный институт в 1972 году.

В Союз Писателей СССР и РФ принят в 1971 году после публикации романа «Среди людей» в журнале «Октябрь». Издал 10 книг прозы (Четыре романа, повести, рассказы, публицистика) и два поэтических сборника.

Работал в газетах: «Молодой коммунар» - зам. редактора. «Коммунар» - редактор отдела «Политики и права», в « Туле вечерней» - на аналогичной должности. В «Тульских известиях» - редактором отдела общественно-политической жизни».

Живет в Туле.

Стихи

Новые стихи

ПОСЛЕДНИЙ УЖИН

Памяти Д.Д. Чурьянова

Сел на рельсы, сложил инструменты:

Это был пистолет и петля...

Простирались вдали континенты...

Простиралась родная земля.

Сколько раз умирала планета

В каждом сердце, уставшем стучать!

Ни слезы, ни руки, ни совета:
Что забыть и откуда начать...
Вспомнил он боевые полеты;
Как горела земля под крылом...
Как спасали друг друга пилоты...
Как друзья предавали потом...
Самодельную вынул затычку
Из бутылки, и сделал глоток...
И поставил сосуд по привычке
Между щебнем, у шпал, в уголок.
И стучало: «Не нужен... Не нужен...»
И в ответ: «Не нужна! Не нужна!»
Он то знал, что осталась на ужин
Только эта бутылка вина.
Он лениво проверил карманы.
Он повесил петлю на плечо.
Он припомнил про старые раны,
Он хлебнул на дорожку еще.
А потом за спиной простучало:
Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та...

Лишь бутылка из щебня торчала...
Да краснела вокруг пустота...

СТИХИ ПОЭТУ

Кто превратить хотел тебя в раба?
Чья иссякала вражеская сила?
Зачем не обломилась та труба?
Зачем веревка крепость сохранила?
Ты сам ли выпускал из вены кровь,
Что согревала пламенем Россию?
Ты сам короновал себя петлей,
Или Господь послал к тебе мессию?
Судьбу поставить задом наперед,

Плюя на всех, ты сам перестарался.
Не ведая о тех, кто в свой черед
Вслед за тобой от жизни отказался!
Но ты один в созвездии рабов,
Не почитая изверга иконой,
Среди тупых, дубовых, крепких лбов
Российских душ исследовал законы.
Ты их любил, и ты их проклинал...
Такою Бог создал страну родную.
И силу тайную страны, и слабость знал,
И не желал ты Родину иную.
Она тебе и мать, она – судьба.
Не первая слеза ее потере!
...Крепка была железная труба
В гостинице проклятой - «Англэтэре»!
Пусть кто-то измывался в темноте
Над музою твоей, в веках нетленной?
Но, ты не спишь в кромешной темноте!
Твой голос рвет покой во вселенной!

ВЫХОД

Генералу Р.

Один и тот же снится сон:
Давным-давно и в ночь из ночи
Мужчина видит, будто он
В гробу дубовом заколочен.
Вздохнув, не может он дохнуть.
Кричит он, голоса не слыша.
Вскочить! Взорвать! Перевернуть!
Но давит гробовая крыша.
Он все отлично понимал.
Он слышал вражеские мысли.
Стальные кулаки сжимал.
Они в истоме ватной висли...
Кошмар будильник прерывал -

Ждала работника работа.
И, одеваясь, он стонал,
И покрывался липким потом.
Ни жизни не жалел, ни сил,
Срезая службы повороты.
Но кто-то, пыл его гасил,
А он не знал, кто этот «кто-то».
На службе силы - как в песок,
Кошмары дома до рассвета...
«Ну, все...»- сказал он и в висок
Направил дуло пистолета...

СУДЬБА

*«От тюрьмы да от сумы не зарекайся...»
Русская пословица*

Как славно жить в России милой!
Не хочешь – тронешься с ума.
Здесь светят с детства до могилы
Тебе -тюрьма, тебе - сума.

Заговоришь - тебя не слышат.
Заплачешь – слезы не поймут!
Начнешь молиться – скажут «свыше»,
Что «власти сраму не имут»!

Зачем пришли они? Откуда?
Поработить? Иль развратить?..
Молчать?.. А я молчать не буду.
В набат не перестану бить.

Они как сами безголосы.
Так и боятся голосов!
И нет - ответить на вопросы -
И ни ума у них, ни слов.

Они у старых отнимают.
Из детских ручек рвут кусок.
Копят... Зачем?.. – Они не знают.
Ведут...Куда?.. –
Им - невдомек.

Как славно жить в России милой!
Не хочешь – сдвинешься с ума.
И светят с детства до могилы:
Сума, психушка и тюрьма

ОСЕНЬ

На костылях сюда из-под Варшавы
Добрался он, старея понемногу.
За Родину, а не во имя славы
Отдал Европе молодую ногу.
С тех пор он знал, что жизнь – борьба и мука.
Но никого не клял за эту рану.
И вот стоит он над могилой внука,
Погибшего в горах Афганистана.
Три залпа прогремели над могилой.
Три клена догорающих оглохли.
И были слезы матери и милой
Родные – вечны; у любви – просохли...
И ветер шевелил седые пряди.
И думал он: « Все повторилось снова...»
Но почему, зачем, чего же ради
Прервался род Ивана Иванова?
И поднял он три листика кленовых
И вышел на широкую дорогу.
« В России,- думал,- много Ивановых...
И среди них Иванов – тоже много...»

ТЫ ПОСМОТРЕЛА НА МЕНЯ...

Ты посмотрела на меня...
И, вырываясь, изогнулись...
Пошла, тепло мое храня,
Пошла... Но тут же оглянулась.

И посмотрела на меня...

Ты посмотрела на меня...
И в этом взгляде отразилось
И беспокойство и вина
И наказание и милость –

Ты посмотрела на меня.

Ты посмотрела на меня.
Во взгляде было обещанье...
Но ты ушла, меня пленя,
И улыбаясь на прощанье.

Ты посмотрела на меня....

Ты посмотрела на меня....
И этот взгляд! И это чудо
Под шапкой рыжего огня...
Я никогда не позабуду,

Как ты смотрела на меня...

ВНУЧКА У БАБУШКИ
(Полудетская сказочка)
Внучка к бабушке пришла.
Принесла конфетку.
Бабка плакать начала,

Повстречавши детку.

- Что ты плачешь? Это я!
А не волк из сказки.
Я же внученька твоя...
Вытри, баба, глазки.

Съешь конфетку и молчи.
Мы не скажем деду.
Доставай скорей харчи,
Что у вас к обеду.

Бабка в слезы! Бабка в стон!
- Что ты, в самом деле?..
- Принесут нам пенсион
Лишь на той неделе!

За квартиру заплати
Да за газ и воду...
И опять пора идти
С ручкой по народу.

Так что ты гаси-ка свет,
Кушай понемножку
Щи без хлеба...
- Денег нет
Даже на картошку.

Вот конфеточка твоя.
Та, что приносила.
Пусть подумают, что я
Внучку угостила.

Пусть подумают: у нас
Все как прежде было.
Таракан свалился в квас –

Вынуть нету силы...

Внучка к бабушке пришла...
В праздник, этим летом.
Сели рядом у стола
И ревут дуэтом.

ПАМЯТЬ

Мы вечно ждем от жизни счастья,
Но редки добрые дела...
Цените нежное участие,
И радость ласки и тепла.
Не проходите только мимо
Влюбленных лиц, зовущих глаз.
Не забывайте о любимых,
И помните любивших вас.

Не забывайте о любимых
И помните любивших вас.

В пустой гордыне не парите.
И не жалеете нежных слов.
Дарите, ласково дарите
И жизнь, и счастье и любовь.
Не проходите гордо мимо
Счастливых лиц, влюбленных глаз.
Не забывайте о любимых,
И помните любивших вас.

Не забывайте глаз любимых
И помните любивших вас

Любовь любивших вас припомнит,
Любовь любимых - изберет...

И жизнью жизнь опять наполнит.
И душу грешную спасет.
Не проходите только мимо
Влюбленных лиц, открытых глаз.
Не забывайте о любимых,
И помните любивших вас.

Не забывайте о любимых,
И помните любивших вас.

МОНОЛОГ ПЕНСИОНЕРА

Да, мы сами виноваты
В одиночестве своем.
И борьбою, как солдаты
Почему-то жизнь зовем.
Разделенные оградой
Ты да я да мы с тобой.
И проклятья, как снаряды
Воздух рвут над головой.
Я пойду, а ты поедешь,
Я поеду – ты летишь.
Я горох несу к обеду.
В ресторане ты сидишь.
Выбрал петлю друг мой Петька.
Я - пока еще живой.
От обеда хрен да редька
Рвут пространство подо мной..
Завтра снова суп к обеду.
У тебя, наверно, гусь...
Я терплю, но в эту среду
Обязательно взорвусь.

ОСЫПАЮТСЯ ЛИСТЬЯ

Осыпаются листья у сказки...
Не гони меня... Стой... Подожди...
Твои нежные руки и ласки...
Впереди еще все... Впереди!

Все еще впереди...

Я оставить тебя не готова.
Не могу разлюбить. Не уйду...
Ты скажи мне заветное слово
В нашем позднем осеннем саду...

В нашем позднем саду...

Не тверди мне, что я молодая.
Не гони, не проси уходить.
Я тебя все равно разгадаю.
Я сумею понять и простить.

Я сумею простить.

Осыпаются листья у сада...
Почему же ты прячешь глаза?
На прощанье увидеть мне надо,
Как на них набегает слеза...

Набегает слеза...

У ПОРОГА

Тебя никто не прижимал к груди?...
Ты что?.. Забыл?.. Так плохо прижимали?...
Там что-то голубеет впереди?
Любовь еще возможна?.. Нет... Едва ли...

Всему свои благие времена:
То юная... То просто молодая...
Потом уже - «законная жена».
А дальше - как цыганка нагадает.

Колоды шелестящий перебор...
Упрямый мир.. Грядет ожесточенье,
Меняют цвет глазки стеклянных шор,
Цена явлений, слов и дел значенье...

Ах, как хотелось бы остаться там,
Где цвет садов и родников свеченье...
Но кто-то расставляет по местам
И слов и чувств и мыслей назначенье.

И остается – руки к небесам!
И возносить молитвы прямо к Богу!
Прислушиваться к райским голосам,
И двигаться к заветному порогу.

Так, может быть, блаженство впереди?
Эдем и рай... Да нет! Эдем едва ли...

Тебя никто не прижимал к груди?...
А может быть, забыл, как прижимали?

В ПУТИ

Что-то там светилось вдалеке...
Я шагнул вдогонку налегке.
Карту путевую и компас
Я оставил дома про запас.
Думал, что идти не далеко –
Заблудиться будет нелегко.

Думал что, у рельсов сталь ясна –
Не отпустит в сторону она.
Да и самолетная стрела
Непоколебимую была...
Пролетели быстрые года.
Я примчался!.. Господи!.. Куда?..
Прилетел, волнуясь и спеша...
Вот я здесь! Но где ж моя душа?..
Видно, там, где по миру плутал,
Душу, незаметно, потерял!
Нет ее! И с миром связи нет!
Я назад вернулся следом в след.
Где же карта? Где же мой компас,
Что оставил дома про запас?
...Дочь и сын, играя в лопухах,
Эту карту, изорвали в прах.
Детство долго детства не хранит...-
Потеряли стрелку и магнит...
Испугался! – Новая беда!
А в детей взгляделся...- Ерунда!...

Мальши мои вы мальши...
Вы мое хранилище души!

СМЕРТЬ ГАРМОНИСТА

*Лешке Енину,
лучшему гармонисту округи*

Хоронили Лешку гармониста...
Леха, Леха... Парень был – огонь.
В это воскресенье в поле чистом
За райцентром он ласкал гармонь.

А за ним посольство снарядила
Любка – нелюбимая жена.-
Бабка Воробиха приходила,

Приносила пузырек вина.

- Выпей, Леня! Выпей, дорогуша!
Мне бы спеть, тебе бы поиграть...
Я то и молчком тебя послушать
Прибежала б деревень за пять.

Мокрохвостки с голыми пупками...
Дуры, а зазнайства через край..
Лучше посиди, Алеша, с нами.
Барыню веселую сыграй.

Он играл соседкам до обеда.
А потом опять ушел в поля...

Утром мы нашли его по следу,
Отпустив с веревки кобеля.

ОЖИДАНИЕ

Не приходи... Я жду... Не приходи...
Метет метель по улице сквозная.
А что у нас с тобою впереди?
Я жду тебя... Но где ты, я не знаю!

Как знать тебе, что я тебя боюсь,
Сражен твоей мерцающей усмешкой.
Не приходи... Я над собой смеюсь.
Я жду тебя! Ты приходи!... Не мешкай!

Стучит стекло... Но нет лица в окне.
Не приходи... На сердце холод веет.
Я открываю дверь своей весне!
Входи, весна! Входи, весна, скорее!

Как легок шаг... И как гремит гроза!...
Вошла любовь и подает мне руку.
И замер я. Я жду, закрыв глаза...
Но поцелуй твой сух как жертва другу...

ПРОЩАНИЕ

Не объясняется незнанием -
Я не поздравил Вас с Крещеньем!
Но и с Господним обрезаньем
Простите, не поздравил Вас.

Так будьте счастливы отныне
Вы со своим развратным мужем..
Ему молитесь как святыне...
Что делать! Он любезен Вам.

А я злословить перестану,
О Вас писать я перестану.
О Вас мечтать не перестану.
Не перестану вас любить.

О, как не хочется прощаться!
Со счастьем разве расстаются?
Вы были мне возможным счастьем.
Неужто счастьем есть конец!?

Смотрю, как ватными валами ...
Все ниже небо! Ниже, ниже.
И точку, где сияло пламя,
Смело волною ледяной.
И все что с нами не случилось.
Но что сводило души ближе,
Все там осталось, там осталось,
За этой хмурою стеной!

РЕИНКАРНАЦИЯ

Все о себе и о себе...
Одна забота!
Подумать надо о судьбе -
Да неохота.
Но тут не выйдет –
Плачь, не плачь –
Проси прощенья.
Ты сам судья и сам палач!
И нет спасенья!
Закон у совести жесток
Но выход будет.
Вон там, вдали, наискосок...
Собрались люди.
Не все, но все-таки придут
К тебе без зова.
Души частицу отдадут...
И встанешь снова.
Неправдой жизни не лечи
Больную душу.
Горит, горит огонь в ночи.
И совесть глушит.
Когда дотла сгорит душа,
Тогда – запомни!
Огонь ворвется, тьму круша,
И все наполнит.
Ты снова будешь! Но не ты-
Рожденный веком.
Явившийся из пустоты -
Будь человеком!

МИЛАЯ

Милая... У нас пока не осень:
Порох есть и помыслы чисты.
В волосах серебряная проседь
Только прибавляет красоты.
Ты меня без грусти и печали
На пороге всякий раз встречай...
Вот приду я, в драках измочален...
Головой с упреком не качай.
И не задавай пока вопросов.
Принеси – какое есть - вино.
Посидим... покурим папиросы...
Что дано, то нам пока дано.
Есть у нас с тобой вот это небо.
Есть друзья, и добрые дела...
А враги... Кто в схватке с ними не был,
Мать того напрасно родила.
Милая! У нас с тобой не осень.
Порох есть, и помыслы чисты...
В волосах серебряная проседь
Только прибавляет красоты.

ПРОРОК И ЛЮДИ

Пророк - седые волоса
О горе пел... Ему сказали,
Чтоб ровно через полчаса
Его здесь песен не слыхали!
Пророк – седые волоса
О счастье пел... Его побили...
Пророк ушел один в леса.
И люди про него забыли.
Живут... О горе не поют.
Сулят то мир, то гибель свету.
Забились каждый в свой уют,

И голосят, что счастья нету.

ЛЮДИ

Кто-то скажет доброе
Через силу.
Кто-то, не задумавшись,
Оболжет.
Кто-то в бок со злобою
Всадит вилы.
Кто-то бросит все дела
И спасет.
Это – человечество.
Божьи дети.
За какую далью
Их не различи.
Люди одинаковы
Все на свете.
Лучше или хуже их
Не ищи.

ПРИМЕТЫ

Так ясен день! Так смутно время!
Так много радостей и слез.
Таких деяний злое бремя
С собою новый век принес!
Не растерял войны и мира.
И честь, и совесть не обрел...
Свистит над выями секира.
Да вьются ворон и орел.

О ПЕСНЕ

Не пою сегодня песен.
Танцы мне не по плечу.
Этот мир не интересен.
А в иной я не хочу.
Здесь гроза гремит по туче.
Словно бочка по горе.
Что-то легче, что-то круче...
Как когда-то... В ноябре.

ИУДСТВО

Закрылась не могильная плита! -
Захлопнулось людское равнодушие.
Ушли куда-то боль и суета.
Осталось нежеланье и удушье.

Подсовывает кто-то: « Не хочу...»
И вторит непреклонное: «Не буду».
Похлопывают тихо по плечу....
И щерится из-за спины Иуда.

Он снова здесь с протянутой рукой.
Как прежде верен вечному подряду.
Он предает, не зная про покой.
И отовсюду ждет свою награду.

Мне от тебя, Иуда, не смешно.
Мне жаль – тебя еще не покарали.
Бери монеты, как заведено...
Но знай, что половину их украли!

Такой уж век! « Чужого не желай...»
У нас теперь совсем не те порядки.
Жену, кошину и дом чужой хватай!

Гони «откат»! И будут взятки гладки.

Не сдвинута могильная плита.
Но предают Христа какой-то роже.
И только Мир – святая простота –
Не понимает, ЧТО ему дороже!

БЫТИЕ

Не надо думать: «почему?»
Давайте думать: «что?»
Непостижимое уму,
Качает решето?
Лет, дней, событий решето
Качает кто-то там,
Перетирая в жизни то,
Что рвется к облакам.
И наша мудрость – к облакам!
И глупость – к облакам!
И недоступно там векам,
Мечам и кулакам.
А мы с тобою разве пыль?
Нет! Мы с тобою – злая быль.

ПОИСК

Мне так хочется быть уверенным,
Что за мной теперь не придут.
А друзья найдут днем проверенным,
Без ошейников и без пут.
Говорю себе: мы не те уже.
Да и время не то за окнами.
И стукачество - нам не хлебушек.
И сексоты все стали блеклыми.

Не идем по дорожкам дедушек.
Нам бояться не вышло хартии?
Нас не гонят брать замуж девушек
По решеньям райкомов партии.
И такие мы стали ловкие –
Если нет чего – мы найдем.
И, что было для них фарцовкою,
Все размыто, как лед дождем.
Оказалось – молчи о Родине,
Думай – как самому прожить!
А что пройдено, мол, то пройдено.
Это нечего ворошить.
Мне так хочется быть уверенным,
Что иду по ТОМУ пути.
Но не прожито, не измерено
То, куда не иду намеренно.
А куда же тогда идти?

ЖЕЛТЫЕ РОЗЫ

Птица застонет в низинке...
Чем я смогу ей помочь?..
Старый романс на пластинке...
Дивная дачная ночь.
Дай свою руку, подруга.
Ты молода и светла..
Чьи это стоны над лугом?
Той, что со мною была!
Ах эти чудные звуки...
Все повторяется вновь:
Желтая роза – к разлуке.
Красная роза – любовь.
Выйдем с тобою под грозы...
Вот они наши края!
Вот мои желтые розы.

Красных не вырастил я.

ТЫ УХОДИШЬ

Отзвенела, оборвалась нить.
Что ушло, то не вернется вновь.
Не связать и не соединить...
Врут ромашки про твою любовь.
Я то думал – это навсегда...
Я не знал, что следом за весной
Наступает первая беда -
Иссушает травы летний зной.
Я не знал, что не щадит гроза
Даже самых неразъемных рук.
Оказалось – ясные глаза
Выцветают от больших разлук.
Отзвенела, оборвалась нить...
Ты уходишь, прошлое кляня.
Не хочу ни в чем тебя винить.
И молю – не обвиняй меня!

ОСЕНЬ

На костылях сюда из-под Варшавы
Добрался он, старея понемногу.
За Родину, а не во имя славы
Отдал Европе молодую ногу.
С тех пор он знал, что жизнь – борьба и мука.
Но никого не клял за эту рану.
И вот стоит он над могилой внука,
Погибшего в горах Афганистана.
Три залпа прогремели над могилой.
Три клена догорающих оглохли.

И были слезы матери и милой
Родные – вечны; у любви – просохли...
И ветер шевелил седые пряди.
И думал он: « Все повторилось снова...»
Но почему, зачем, чего же ради
Прервался род Ивана Иванова?
И поднял он три листика кленовых
И вышел на широкую дорогу.
« В России,- думал,- много Ивановых...
И среди них Иванов – тоже много...»

НА ВЕРШИНЕ

Я один на вершине стою
Над пучиной морской ледяною,
У замшелой скалы на краю...
Двести метров обрыв подо мною.
Там, внизу белой пеной прибой
Отмечает черту приближенья.
Там остались все те, кто со мной
Замышляли сюда восхождение.
Я теперь на ином этаже.
Двести метров...
Мы, в сущности – рядом.
Как на фронте – кто был в блиндаже
С тем, кто шел под разрывы снарядов.
Путь меня за сравнение простят.
Знаю, время – по счастью – другое.
Но проклятья мне в спину свистят,
И подъем мне опаснее втрое!

Рассказ

Старый чеченский пес

Старый пес не знал, что он стар, потому что не видел никого вблизи себя равного себе по силе, быстроте и пониманию лежащего вокруг мира.

С детства он знал свое ущелье, острый запах чистой как слеза ледниковой воды, журчащей по дну среди замшелых камней и поваленных деревьев. Вода пахла водой. Это был чудесный запах. Живой. И зеленые деревья тоже пахли жизнью, и белый снег. Хуже пахнул зеленый мох на камнях, и особенно плохо пахли гниющие падшие на дне ущелья друг на друга деревья.

Старый пес знал синее небо, белые облака на нем, облака плыли по небу и уплывали. Белое облако никогда не таявшего снега на горных вершинах вдали никогда не уплывало никуда и сияло в светлую погоду всегда на одном месте, стоило лишь поднять голову. Это облако сияло так близко, но было недостижимо, как и те громады, что плавали высоко-высоко над головой. Иногда старому псу хотелось узнать, что же это за облако. И он вытягивал голову и освобождал ноздри, принохивался к далекому леднику. Он улавливал все те же запахи: чистая вода, снег, деревья... Да еще были запахи весны. Старый пес не хотел о них думать, потому что весна – это самое трудное, самое беспокойное время, когда трудно и тоскливо, но одновременно и радостно становилось жить. С годами пес стал понимать, что весной живется плохо всем, все волнуются: и люди, и козы, которые белым облаком, лежащим на земле, всегда двигались рядом, среди старых деревьев. Вот это облако было собственностью Акбара, старого горного пса, хотя сказать, что такое собственность он не мог. А точнее он не знал, что такое собственность. Он знал лишь то, что к этому белому облаку, лежащему на земле, нельзя, например, никого подпускать. Нельзя ни одного животного отпускать далеко... Он и не отпускал. Он за долгие годы своей жизни научился по запаху угадывать настроение коз, и даже во сне ощущал тревогу или болезни своих подопечных. Они были его жизнью. Другой жизни старый пес не знал.

То, что он - Акбар, пес узнал еще щенком, когда ему в первый и, наверное, в последний раз надели на шею отвратительную удавку, лишили воли и отдали человеку по имени Масхад,

который один на всем свете был сильнее Акбара – пес никогда не мог выдержать приказывающего взгляда этого человека и научился без слов понимать его приказы. Он понимал желания Масхада, даже не видя его. Он знал, что Масхад – это вожак стаи, которая состояла из Акбара, стада коз и редких людей, забредаящих иногда откуда-то в далекое ущелье. Иногда и Масхад уходил вместе с гостями. И тогда Акбар оставался один на один со своим стадом и со всем светом. Конечно, он не испытывал от этого никакой гордости, потому что не знал, что такое гордость.

Иногда появляющиеся гости не понимали, что именно Масхад вожак стаи – хозяин белого облака коз и всего сущего вокруг, включая Акбара. Но непонимание это продолжалось лишь до тех пор, пока о нем не догадывался Акбар. Где бы пес ни был, он всегда чувствовал приказ своего вожака прийти, встать рядом, поставить на место непослушных гостей. Услышав неслышимый зов, Акбар оставлял свое белое облако-стадо и летел к своему богу из ущелья. Он становился под правую руку Масхада и тихо-тихо говорил непослушному: «Молчи! Слушайся вожака. Иначе упадешь с перекушенным горлом!»

Акбар всегда знал, что непослушного надо ударить грудью. И он знал, что никто не выдержит такого удара, и знал, как в случае необходимости перекусить горло и шейные позвонки, хотя никто никогда его этому не учил. Он даже не знал, что этому надо учиться. Он был зверь. Догонять, сбивать с ног, уничтожать непослушных было единственным предназначением тысяч и тысяч предшествовавших ему поколений сторожевых псов. В нем жил неистребимый опыт всех его предков, и чтобы осуществлять этот опыт, ему не надо было никакой школы. Овцы и люди понимали это всегда. Иногда заблуждались заблудшие волки. С ними Акбар разбирался быстро и жестоко. А когда кто-нибудь из людей начинал заблуждаться, не понимая, кто такой Масхад, Акбар начинал говорить. Он чувствовал приближение закипающей в нем злобы, чувствовал, как поднимается шерсть на загривке, и от его еще такого тихого, еще только начинающегося голоса вибрировал воздух и дрожали широкие листья чинара. Непослушные сразу понимали, что на этом свете вожак тот, под чьей рукой стоит Акбар, и

ему надо подчиняться беспрекословно.

Так было всегда. До тех пор пока из ущелья к белому стаду Акбара не пришли новые люди. Они тонкой цепочкой поднялись наверх, и Масхад сам пошел им навстречу. Акбар, не слыша зова, приблизился и встал под руку своего бога, как всегда в минуту опасности. Но Масхад не заметил этого. Он весь был поглощен теми людьми, которые выходили сейчас из ущелья. Подойдя, они разом подняли правую руку, в которой у каждого был предмет, похожий на ружье Масхада. Но это было не ружье. Это было короче, и намного хуже был его пронзительный запах, который сразу же заполнил все в ущелье, мешая дышать. «Аллах акбар!» - крикнули они все разом. И сам Масхад тоже поднял свою руку и прокричал в ответ: «Аллах акбар!» Пес понял, что это звали не его. И это было неестественно. А потому ужасно. Акбар понял, что Масхад забыл о своем защитнике, друге, рабе; забыл о той части самого себя, какою был Акбар. И пес, не понимая, почему это произошло, решил, что вожак забыл про свою стаю ради новой, которая пришла из ущелья. Это было необъяснимо и ужасно. Акбар почувствовал, как зашевелился у него загривок, как проснулась и нарастала в нем закипевшая злоба. Он, сам от себя такого не ожидая, вдруг подал голос. Новые люди услышали его, но не испугались, один из них поднял свой зловонный предмет. Масхад вспомнил про пса и положил на голову ему свою ласковую и тяжелую руку. Приказ, исходивший от этой руки, был страшен: в нем жила смерть – надо было лечь, исчезнуть, раствориться в черных сумерках.

Акбар не лег. Он справился с собою, справился со своей вдруг закипевшей в нем злобой, и замолчал. И тут один из новых людей поднял с земли свой зловонный предмет, направил его концом в небо. Струйкой вырвалось пламя. Вместе с пламенем из предмета вырвался грохот и пошел гулять по ущелью, уносясь к далекому облаку белых снегов, окрашенных в розовый цвет холодным, заходящим где-то за горами солнцем. Акбар почувствовал, как у него мгновенно поднялась шерсть на загривке, но он снова успел остановить себя, и не проронил ни звука. Стрелявший заметил, что Акбар вздрогнул и, решив, что напугал пса, засмеял-

ся.

Акбару действительно стало страшно: ему почудилось, что его Масхад здесь больше не вожак! Нет. Он больше не вожак! Но стая без вожака оставаться не может... Значит вожак кто-то из новых людей?... Кто?

Акбар спокойно рассматривал пришельцев и ждал, от кого из них повеет той силой, которая должна исходить от вожака. По этой беззвучной, сразу угадываемой силе тысячи предков Акбара тысячелетиями угадывали, кому отдать себя в беспрекословное подчинение, кому служить верой и правдой. Акбар ловил взгляды людей, видел их руки, вцепившиеся в свои зловонные предметы, которые выпускают столько огня и так грохочут. Глаза были разные: жгучие, спокойные, молодые, старые, черные и голубые... И лица были разные: гладкие и морщинистые, бородатые и безбородые... Когда Акбару удавалось поймать чей-нибудь взгляд, люди вздрагивали и хватались за оружие, которое распространяло такую мертвую вонь. Акбар и при этом не испытывал всполыхивающей в нем всегда в таких случаях мгновенной волны гнева. Он понял: в этих людях нет ни силы, ни гнева, ни страха. В них нет ничего. Никто из них не мог быть вожаком стаи. Масхад, один только Масхад мог быть им. Акбар осторожно стал приближаться к своему богу.

В это время кто-то из пришельцев сбросил с плеча мешок и, с опаской поглядывая на Акбара, развязал тесьму. Можно было подумать, что пришелец достанет сейчас кусок свежего мяса и, не приближаясь к Акбару, бросит ему, чтобы задобрить, обмануть бдительность. Так всегда делали чужие. Он знал, что такое мясо несет смерть. Его нельзя есть. Его дает враг. Другу незачем покупать чужую доброту. Гнев Акбара в таких случаях был страшен.

На этот раз пришелец достал из мешка не мясо для пса, а зеленую повязку для его хозяина; такую же, какими были повязаны головы всех пришельцев. Он достал и протянул ее Масхаду. Масхад с засиявшими глазами схватил подарок и стал повязывать себе голову. Ему показали и новый, пахнувший предмет – источник огня и грохота, и Масхад схватил его еще более жадно и прижал к себе. Он закрыл глаза и поглаживал новый предмет с таким

исступлением, с каким никогда не ласкал даже голову Акбара. Он порывисто прижимал оружие к себе, прижимался к нему губами и подолгу стоял в такой неудобной позе. И его сила, которую так ясно всегда ощущал Акбар, уходила от него, словно растворялась в запахе оружия. И вдруг Акбар понял, что от Масхада не исходит больше ничего! Ни горя, ни радости, ни приказа, ни просьбы. Он вдруг тоже вскинул вверх оружие и с криком: «Аллах акбар!» загрохотал им. Остальные тоже загрохотали своими автоматами. Грохот и огонь разорвали тишину сумеречного ущелья, потревожили покой ближних и дальних гор, спокойствие прошлого, уверенность настоящего.

Все они были мертвецы, добровольно отдавшие свою живую силу мертвому страху оружия. Может быть все они были вожаки до тех пор, пока не получили в руки оружия. Но в черный час они его получили. И вот вожаков теперь нет. Есть только слуги этих вонючих грохочущих предметов. Страх оружия не страшен живому. Оружием не заставишь подчиниться себе... Живому страшен приказ вожака, а не смерть....

Акбар оставил людей. Медленным, неслышным шагом пошел он к белому облаку коз, спавших в дальнем углу поляны среди деревьев.

Здесь было все понятно. Здесь жил страх. Вечный страх. Такой поток его хлынул навстречу Акбару, так ему стало ясно, что стадо готово мгновенно сорваться и ринуться куда угодно, например, сорваться и сгнуться в пропасти, что он успокоился и понял, – удерживает этих безответных, трусливых животных, не умеющих ничего другого кроме как только есть, пить и бояться кого-то, другой страх, страх перед ним, перед Акбаром. И ему, значит, стоило жить ради них. Ему стало жаль их.

Акбар медленно обошел стадо, успокаивая бедных коз. Они слышали его приказ, понимали незыблемость мира и успокаивались. Волна страха, идущая от стада, слабела. Вся надежда у этих несчастных была на него, Акбара. От каждой из коз теперь шла к нему волна доверчивости и покоя. Бедные козы... Им нужны были только привычные ощущения, и этого им вполне хватало для счастья. Волны этого счастья, сливаясь, несли Акбару покой и

тепло. Акбар никогда не испытывал любви. Он не знал, что это такое. Он знал лишь все о преданности. Преданность Масхаду, вот этим козам, этим горам, лесу, ручью – всему, что поило и кормило и его и коз, которые почему-то и кем-то были ему поручены...

Понежась в этом тепле, любви и покорности, Акбар снова занервничал. Ему не было слышно Масхада. Не было ни приказа действовать, не было ни зова. Не было вообще никакого сигнала о нем. А Акбар был всего лишь зверь. Он не мог жить без приказа, без вожака. Без приказа жизнь Акбара теряла смысл.

И он еще раз пошел к людям. Он все-таки надеялся найти вожака. Не могло быть так, чтобы была стая, а в стае не было вожака.

Люди сидели вокруг костра, положив руки на плечи друг другу, и пели, покачиваясь в такт, словно связанные одной веревкой, словно руки их перевелись с этой веревкой так, что не разорвать.

Над горами всходила луна ясная и чистая среди звезд. Казалось, люди не пели, а выли на луну, и Акбар удержал себя, не сел рядом с людьми и не добавил тоски и безнадежности в их тоскливую и безнадежную песню. Ему хотелось завывать, как выли предки в голодное время, когда они собирались в стаи, ведомые голодом. Но Акбар никогда не знал голода. И выл по приказу тысячелетий. Сейчас ему помешал мертвый запах оружия, которое люди поставили вместе тонкими концами к небу. Акбара мучил только один вопрос: кто же здесь вожак?

Он обошел воющих людей по кругу, напряженно ловя сигнал силы, который должен был исходить от кого-то, если не от Масхада. Стая не должна жить без вожака. Раза два ему померещились проблески ожидаемого. Но это оказалась не сила. Она не подавляла и не приказывала. Это был пустой, ничей огонь. Когда Акбар останавливал свой взгляд на ком-то из поющих, и этот человек замечал пса, в нем мгновенно что-то вздрагивало, он обрывал свою песню, оглядывался на пирамиду оружия и живая сила тут же гасла в нем. Они не могут быть вожаками, думал Акбар, они отдали все, что имели, мертвому оружию. Оружие лишает силы вожака. Грохот и огонь лишает человека силы. Там, где гро-

хот и огонь оружия, люди бессильны... Среди них нет вожаков. А если нет вожаков, то нет и стаи. Кто же они?

Акбар подошел к пирамиде оружия и обнюхал каждый предмет, ища куда ушла жизнь людей. Но в оружии не было жизни. И смерти в нем тоже не было. Оно было бессильно без людей. И вод люди отдали свою силу, чтобы оживить проклятую силу оружия... Стадо не может жить без вожака, Ели среди них нет такого, кто мог бы приказать, то это сделаю я, подумал Акбар. Ничтожества...

Акбар посмотрел на них всех, охватывая всю воющую стаю разом, и вдруг приказал, как приказывал ему Масхад, прекратить вой! Волки!

Тут же перестал выть один, потом другой... И вдруг люди замолкли, вскочили и, похватав оружие, принялись настороженно озираться, прислушиваясь. Они не понимали, откуда тревога.

Но вокруг царил безмолвие горной лунной ночи, и только тени под утесами, казалось хранили чьи-то голоса.

Люди вдруг загалдели, засмеялись, догадавшись, что никакой опасности рядом нет, взволновались они напрасно...

Двое: Масхад и тот, который стрелял первый раз, чтобы напугать Акбара, взяли оружие и направились к белевшему вдали стаду успокоенных и уснувших коз.

Акбар все понял и не поверил сам себе: Масхад! Пошел убивать коз!.. Они шли... И вдруг в тишине тоненько и тревожно заблеял козленок, первым почуя беду. Стадо мигом переполошилось. Акбар остановился, напрягся, стремясь уловить хоть какой-нибудь слабенький приказ своего недавнего бога. Хозяина не было, хоть он и был рядом. Не было никакого приказа от недавнего бога. Зато был приказ тот, древний, что шел из глубины веков и был сильнее любого другого.

Акбар выждал, когда двое убийц войдут в тень под скалою, и бесшумно метнул им вслед всю свою невесомую для него самого, но всесокрушающую для других тяжесть. Грудью он опрокинул бессильного и ненавистного теперь Масхада, взвившись в воздух, извернулся и сомкнул могучие клыки на горле пришельца. Хрустнули хрящи. Теплая волна человеческой крови залила пасть,

застелила глаза Акбару. И тут же вспыхнул и загрохотал огонь смерти.

Акбар в истоме счастья сильнее стиснул зубы, в последний раз вздохнул, со свистом втягивая воздух дырками от пуль в боках, и увидел солнечный день, белые облака на синем небе, белые облака далеких ледников и белое облако коз среди зеленых деревьев.

Публицистика

Замри в ожидании... Террор и борьба с ним. Точка зрения.

Террористические акты...

У россиян, наверное, уже, на генетическом уровне выработалось и закрепилось отсутствие страха насильственной смерти. Все началось еще в поза-позапрошлых столетиях, когда цари тысячами убивали тех, кого теперь именовали бы элитой – бояр и дворян, потому что те не были согласны с царской политикой. Кровь лилась рекой. Народ безмолвствовал, копил злобу и потом, восставая, вешал ту же элиту нации - дворян в пользу какого-нибудь «хорошего царя» из собственной среды. Дворяне тоже вешали восставших, четвертовали «хороших царей» из народа. Кровь лилась рекой. Народ снова безмолвствовал. Потом террористы бомбами рвали на куски царей, прилюдно расстреливали министров, потому что не были согласны с их царской политикой. Народ, безмолвствуя, слушал горячечный шепот террористов, переменивших тактику, копил ярость. Кровь закипала. И, наконец, взорвалась революцией. Террористы перестали скрываться. Они орала на митингах обезумевшему народу «кто виноват, и что делать». Народ все понял и принялся расстреливать и вешать свою элиту - «угнетателей»: от приказчиков в заводской лавке до царя. Элита - «угнетатели» - расстреливала и вешала тех, кого «угнетала», на чьей спине ехала, и, собственно говоря, делала это их же руками. Кровь лилась уже не рекой. Страна купалась в океане кро-

ви. Это так и называлось тогда - «красный террор». Все остальное тоже окрасилось в красный цвет и не вызывало больше ни ужаса и ни раздражения. Красная кровь, красные знамена демонстраций, красные галстуки на тоненьких шейках детей, красные книжки на нагрудных карманах возле сердца.

Все это придумали не мы, не русские, не россияне. Точно такие же процессы шли в разное время по всей Европе. Мы даже не повторяли пройденное другими нациями и странами. Мы шли параллельно: они и мы. Мы детализировали суть. Таков мир. Все-вышний зачем-то именно такой сотворил жизнь на земле. Все-вышний сотворил, а англичанин Дарвин пристроил в хвосте колонны развития обезьяну, обозвал всю эту кровавую канитель «естественным отбором» и исключил из нее человека, сочтя почему-то этого «гомо сапиенсом» - «человеком разумным». Разум «разумного человека» заключался лишь в том, что этот «сапиенс» находил возможность уничтожить не столько чужой жизни, сколько нужно для обеда или временного пропитания, а в тысячи и тысячи раз больше. И, главное, - этот сапиенс уничтожал себе подобных. Такого почти никогда бывает в животном мире. «Люди разумные» сначала убивали себе подобных для того, чтобы отнять у них пищу. Потом - для того, чтобы те не считали себя более способными к ее добыванию. А затем наши гомо стали настолько разумными, что принялись убивать себе подобных за то лишь, что те отличались цветом кожи, формой черепа, и, - главное! - образом мыслей.

Грянул черный террор!

Черный террор тоже характерен не только для России. Он был везде и всегда. За открытым террором революций всегда шел тайный террор тех, кто пользовался плодами революций. Этот террор характерен тем, что беспощадно выдавливает, изолирует или уничтожает тех, кто мыслит иначе, чем неизвестно откуда взявшиеся, не воевавшие за революцию, вороватые «рулевые». Неудобных вылавливают по доносам. По анонимным заявлениям. По подозрениям... Вылавливают и ставят под расстрел! Или отправляют на каторгу.

У нас в России в тридцатые-сороковые прошлого столетия революционеры революционеров расстреливали, как правило, по

ночам.

Во мраке черных ночей не страшно смотреть в глаза расстреливаемому. Да и кровь становится черней, незаметней. Все упрощается, становясь черно-белым: чернила черные, бумага белая, «черный ворон» у крыльца, черная тройка захлебнувшихся незаконной властью черных людей в белых манишках, черные ночи, черные леса, черные братские могилы... Были еще и черные смерти от холода, голода и сыпного тифа на стройках ударных пятилеток, на золотых приисках, на лесоповале... Там люди умирали уже бескровно. Словно вся кровь вылилась из обессиленного бледного тела страны. Остались лишь красные знамена, красные галстуки на детских шейках да красные книжки в карманах возле обескровленных сердец.

Мы шли параллельно. С Испанией. С Италией. С Германией. В чем-то они ушли дальше нас. В чем-то – мы. Например, в количестве нашей крови пролитой нами самими с нами не сможет сравниться никто.

С немцами никто не сравнится в количестве чужой крови, пролитой ими.

Человечество еще продолжало путать террор за то, чтобы больше сожрать, с террором за то, чтобы «он мыслил так же как я».

Две мировые войны и одна революция не научили мир ничему.

Умные, конечно, уже давно предполагали, что мир взорвут конфессиональные или расовые разногласия. Но имущие власть политики сказали, что силой не допустят такой гибели. Очень странно! Две мировые войны и одна революция унесли почти четверть миллиарда жителей земли, а вожди человечества все искали и искали пути к обладанию все новым и новым все более и более убийственным оружием якобы для защиты мира от его же гибели.

Европа предложила человечеству жить по законам всеобщей свободы, равенства и братства. Россия нащупала форму жизни «без конфессий и национальностей». И то и другое могло бы спасти мир, но потерпело фиаско.

Политики никогда не хотели и не хотят слушать умных

людей.

Детские споры ученых и политиков о том, «кто лучше», на Земле постоянно превращались в человеческие мясорубки. А другие ученые услужливо подкладывали под них экономические объяснения типа: «Хотели кушать и съели Кука!»

Но человечество всегда сдерживало собственные неосмысленные порывы к самоуничтожению, останавливалось на последнем рубеже.

Воинственных носителей воинственных идей человечество, не имея возможности остановить, заставляло замолчать.

Наполеон, который с помощью оружия разнес идеи «свободы, равенства и братства» от Ла-Манша до Волги, был разгромлен русскими войсками и отравлен на острове Святой Елены. Гитлер, с противоположными идеями - «чистой расы» и «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес» - загнанный русскими войсками в собственный бункер в Берлине отравился сам. Ленин, с идеями: «всей власти народу», отомстивший царизму за смерть брата – террориста разрушением «тюрьмы народов – царской России», был прострелен отравленными пулями, и умер в страшных мучениях в Горках под Москвой то ли отравленный кем-то, то ли пораженный венерической болезнью, что, если имело место, то могло быть тоже отравлением. Сталин с идеями коммунизма без конфессий и национальностей, которые одни могли спасти мир от гибели, отравлен неизвестно кем на Ближней правительственной даче под Москвой.

Конечно, стоит подумать и о другом. О том, например, а не наказан ли Господом в последнее столетие двадцатого века весь Христианский мир за его иллюзорную веру в то, что прегрешения многих могут быть искуплены давними страданиями одного, стоит лишь не допускать сомнений в воскрешении этого одного? Об этом стоит подумать... Но даже за приблизительным ответом на такой вопрос стоит так много для современного мира, так много держится в мире на этом стержне, что слишком многие не согласятся даже с самой постановкой вопроса.

А между тем, новое наказание господнее, старое испытание в новом обликии грядет миру. О нем все знали. Но стыдливо

умалчивали. И продолжают умалчивать, строя иллюзии на этот счет.

Речь о зеленом терроре. Зеленое предписано не замечать. Как в свое время строго настрого предписывалось не поддаваться на провокации.

Все давно знали, что ислам – это агрессивное вероучение. Что в Коране, открыв любые страницы наугад, скорее всего, попадешь на призыв уничтожать неверных или многобожцев. Не надо только спорить на уровне: «Я открыл и не заметил!» Не заметил, так перелистай. заметишь. Коран не дает простора для фантазий. Он ставит вопрос так: либо ты веришь, и тогда выполняй предписания аллаха; либо ты не веришь, и тогда терпи наказание за свое неверие.

Таким образом, мир еще не видел ни одной мировой войны. Было, два государства или две группы государств, а в принципе-то - группа государств и Россия буквально по старинному русскому обычаю становились и шли стенка на стенку друг против друга. Конечно, многие государственные экономики при этом были задействованы в этом безобразии, но все же на земном шаре были обширные районы, которые практически не страдали от войны, но ее все равно называли мировой. Мировая первая... Мировая вторая... Та, которая идет сейчас, - это не третья, а первая по-настоящему мировая. Боевые действия идут везде. От них не спрятаться, не скрыться... Нигде и никто, по сути, не может сейчас чувствовать себя в безопасности. Можно лишь забыть о ней или беспечно махнуть рукой: «Авось! До нас не дойдет». Война эта называется у нас «борьбой с терроризмом», и борцы надеются на победу. В силовом единоборстве. Но гарантий нет. Победить людей, которые сознательно идут на смерть, чтобы убить противника, НЕЛЬЗЯ. Победить можно только того, кто боится смерти.

А этой глобальной войны могло не быть.

Мир упустил свои шансы в этой борьбе, не заметив их.

Шанс давала идеология коммунизма. На всем пространстве Советского Союза молодежь учили атеизму. Учили плохо. Боязливо. Не веря в необходимость учения. Но все равно, сама идеология коммунизма с ее утверждением всеобщего равенства и братства

без рас и конфессий исключала смертельные для Земли конфликты на почве веры и цвета кожи.

Христианский мир все-таки победил коммунизм и возрадовался этой победе.

Но победа оказалась пирровой. Теперь у мира не осталось защиты от зеленого террора, от ислама, от третьей мировой войны, костры которой уже задымились по всем континентам.

После провала идей коммунизма, после развала СССР Россия давала миру еще один шанс. Она отказалась от производства оружия. Этот шанс тоже был упущен. Вместо того, чтобы повсеместно прекратить производство смертоносных изделий, мир ринулся захватывать рынки, оставленные Россией и сосредоточился лишь на том, чтобы не позволить распространение оружия массового уничтожения.

Какие призрачные надежды! Что и когда удалось кому-либо остановить? Если появилось что-то новое, то каким бы оно ни было страшным, им обязательно, в конце концов, овладевал весь мир.

Рано или поздно, но мир ислама овладеет оружием массового поражения. Вопрос только во времени. Это аксиома. И тогда мусульмане унесутся навстречу Аллаху, унося с собой с Земли все человечество.

Человечество могут спасти лишь идеи. Потому что только идеи, могут победить разногласия. Тоже рано или поздно. Если, конечно, успеют.

В России, потеряв плодотворную идею всеобщего мира, теперь усиленно ищут ее на ощупь, называя НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕЙ. Ищут, ищут, ищут и не находят. Почему?.. Да нету такой идеи! Нету, и все тут! Звучит клич: «Даешь национальную идею! Думайте!»

Как ни думай, ничего не придумаешь. Мало того, что такую штуку, как НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ вообще не придумывают, а она вырабатывается веками. Но еще и, по крайней мере, для России НАЦИОНАЛЬНОЙ идеи вообще придумать нельзя. Вообще! Для России возможна лишь ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ, всеобщая идея. Потому что НАЦИОНАЛЬНЫЕ идеи есть у всех

120 с лишком национальностей, проживающих на этой территории. А для всех этих идей нужна одна ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ идея. Христианство здесь не годится, потому что его не примет ислам. Ислам не годится, потому что его не примет христианство. Коммунизм в России с помощью неразумных действий самих же коммунистов сам себя изжил, а с помощью того же западного христианства опровергнут. Нового ничего нет. Остается бороться с терроризмом американским способом – преследованием террористов по всему миру, то есть путем эскалации третьей мировой войны! То есть путем эскалации гибели Земли. Или гибели всего живого на Земле.

Такие действия являются простым предательством будущих поколений. Чем дальше поколение ныне живущих землян отодвинет от себя погибель мира с помощью оголтелой «борьбы с террором по всему миру», тем быстрее и катастрофичнее приблизится эта погибель к последующим поколениям.

Мы, Россия, при этом занимаем опять ту же самую страусиную позицию. Голову в песок. И... «Я ничего не вижу. Значит, опасности нет!» Эта политика имеет свое, можно сказать, историческое название, которое звучит так: «Неподавайсянапровокацию». Было. Не поддавались. Знаем, чем кончилось...

Умных людей надо слушаться вовремя. Для того, чтобы поспевать в решении мировых проблем, которые, как известно, если и разрешаются без крови, то только эволюционным путем. Такой путь сегодня пока что предлагает Россия, обжегшись на своей революции, которая была мировой, но не успела завоевать весь мир, и стала наказанием Господним. Но христианский мир опять не хочет услышать Россию. И не спешит отказаться от своей стержневой идеи - всем грешникам спрятаться за давние страдания одного безгрешного.

Значит, остается только надеяться на то, что человечество и, главным образом, христианский мир, вместо тотальной войны с исламом по всему миру, то есть вместо попытки победить терроризм, искупит вину этого своего идеологического заблуждения путем договора с исламом о том, что БОГ ЕДИН, и не о чем спорить. Но договор христианства с исламом невозможен... Победы

христианства над исламом – то бишь цивилизованного мира над терроризмом - не может быть. Победы ислама над христианством тоже не может быть. Потому что ни христиане, ни мусульмане не откажутся от своих идей. Надо понять, что отдельная идея не победит. Может победить только всеобщая идея.

Вот и надо проявить разум человечеству. Вопрос ясен и прост: жить человечеству или нет? Поэтому представители всех рас, вероисповеданий и конфессий должны ПОКА НЕ ПОЗДНО собраться и найти точки соприкосновения, выяснить общее, что есть у всех вероисповеданий. Оно и будет ОБЩЕПЛАНЕТАРНОЙ идеей. И таким образом, если человечество не сумели спасти коммунисты, то его спасут духовные лидеры всех наций и исповеданий, если они проникнутся ответственностью перед человечеством.

Но на разумность человека в исторической перспективе, кажется, надежды мало.... Если только Господь не смилостивится и не пошлет её людям.

Но, наверное, он не смилостивится. Потому что, например, упомянутый выше грех Христианства очень велик... Но такие грехи найдутся и у других верований. Так что пора настала. Давайте посмотрим на общие грехи. На грехи наций и вероисповеданий. ОБЩИЕ. Найдем их, и ВСЕ СОГЛАСНО покаемся. Все! Мусульмане, буддисты, сионисты, христиане всех конфессий... Разом. Установим один, общий для всех день покаяния, покаемся сообща, и не будем грешить ни ненавистью друг к другу, ни превосходством, ни первородством, ни террором, ни борьбой с террором. Может быть, тогда Господь простит человечество и пошлет ему спасение от самого себя...

Может быть, тогда человечество и выживет.

Анвар Усманов

Анвар Усманов родился в Уфе в 1959 году. Учился в 39-й школе. Окончил технический вуз,

женился, родилась дочь, защитил диссертацию, работал инженером, преподавателем, научным работником, родилась внучка.

Стихи начал писать году в 2003-м, как плотину прорвало. Что-то копилось, собиралось в душе, видно, и выплеснулось на бумагу. Стихов написано много; пока, спасибо Создателю, ручеек их не иссякает. Стихи разные, есть циклы лирических, гражданственных, религиозных, шуточных, метровых (написанных в метро) стихов. Отношусь к стихосложению вполне серьезно. Может быть, серьезнее, чем к каким-либо другим своим занятиям. Являюсь горячим сторонником либеральных идей и ценностей. Но не состою ни в каких партиях и объединениях. Живу в Москве. Имею собаку и много кошек благодаря жене. Бегаю.

Стихи

Ничто не ранит нас настолько,
Как счастья своего осколки.
И сокрушительны удары
От собственных побед угара.
При родах смерть косит угрюмо.
В улыбке детской вижу тлен.
Лишь те приветствую думы,
Что фонтанируют из вен.
Не надо, знаю, веселиться
После торжеств Аустерлица.
Не съешь и килограмма соли
До Ватерлоо горькой доли.
Давно стирают люди грань
Меж чистой правдою и ложью.
Между добром и злобой тоже.
И даже между инь и янь.

Хочу я жить, чтоб не единым словом
Не уронить достоинство и честь.
Но гложут каждый день сомненья снова –
Достоин, благороден, честен? Есть
Во мне та сила, что немногим лишь дается?
Лишь избранным, и тем – не навсегда.
И не напрасно ль сердце мое бьется,
Волной упругой кровь гоня туда,
Где многоликою толпой идеи бродят,
Бурлит подкорка как недремлющий вулкан,
Где полушарья меж собою спорят,
Рождая рифм и строчек ураган,
Плетут нейронные цепочки кружева,
Не устает гипофиз в муках биться,
Где мысль, натянутая словно тетива,
Готова дерзким смыслом разродиться,
Где в судорогах рождаются слова,
Чтобы потом в сердцах воспламениться.

Хочу прожить, чтоб не единым жестом
Не изменять тому, кем я храним,
Но где же мне найти такое место,
Где б я был понят, принят и любим?

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю восходы и закаты,
Свет Луны и отблески огня,
Нравятся мне пса большие лапы,
Сна забвенья и успехи дня.
Я люблю себя, когда я честен,
Нравится мне друг, когда не врет,
Я люблю хорошие известья,
Вдохновенья пыл и дум полет.
Я люблю смотреть в глаза собакам,

В них я вижу чистоту небес,
Я полезу с кулаками в драку,
Коль заденут женщину и честь.
Я люблю задуматься о жизни,
Нравится прозренья краткий миг,
Должное отдать пирам и тризнам,
Нужное понять из добрых книг.
Я люблю, когда смеются дети,
Нравится мне их волшебный смех,
Я хочу чудес на белом свете,
Ожидать их – не великий грех.
Красоту люблю я рук и ртов,
Я люблю сиянье глаз и лиц.
Нравится мне запахи цветов,
Музыку люблю и пенье птиц.
Я люблю порывы и подъемы,
По душе мне страсти тетива,
Я люблю уют родного дома,
Крепкий чай и добрые слова.
Нравится смотреть мне истин роды,
Доброту люблю без всякой мзды,
Я люблю простор, люблю свободу,
Жизнь без шпор, нагайки и узды.

Я не поэт, Вам причудилось.
Строчки выводит рука,
Чтоб мироздание сузилось
До амбразуры стиха.

КОКЕТНИЧАТЬ МНЕ НАДОЕЛО

Родных нет душ, нет близких лиц,
Один, всегда один,
С судьбою разыграю блиц

Без театральных мин.
Кокетничать мне надоело
Пред вами, пред собой.
Судьбе в глаза смотрю я смело:
Ваш ход теперь иль мой?

ПРОЩАЙ

Стоим на мокнущем перроне
Разлуки скорой в ожиданьи,
Ее озябшие ладони
Я грею сбивчивым дыханьем.

Её мохеровых перчаток
Пьянит знакомый аромат,
Он нежно терпк, немножно сладок...
Кто виноват? Я? Виноват

В том, что был груб, немногословен,
Любви её не захотел,
Не благодарен и не ровен,
Не благороден и не смел.

Локомотив как конь ретивый
Уж бьем копытом на пути,
Пора мне, уезжаю, милый.
Прощай, родная, и прости.

ПЕСЕНКА БОМЖА

Не мечтал я о морях и кораллах,
Не мечтал поесть я суп черепаший.
Я неделями не кушал, бывало,
Ничего кроме ячневой каши.

На груди себе я сделал татушку
Из чернил, что украл в магазине.
На груди поселилась лягушка
В пего-рыже-волосатой трясине.

В голове смешались люди и кони,
Бегемоты, жирафы и пудель.
Я поем, может быть, макароны,
Коль свезет мне найти завтра рубль.

Не вкушал никогда я омаров,
Коньяков, даже простенькой Плиски.
Не держал я девиц из журналов
За их псевдонатуральные сиськи.

Не поеду я кататься на лыжах
В Куршавель, Баден-Баден и Ниццу.
Мне Мытищи родимые ближе,
Чем любая, твою мать, заграница.

Не читал Бедбедера запоем,
Не видал даже Красную площадь.
По ночам я ведь сплю давно стоя,
Хотя не боевая я лошадь.

По ночам снятся черные горы,
А не горы - так черная клизма.
С Пикассо я веду разговоры
О проблемах импрессионизма.

Жизнь моя не полушка пустая,
Полон я разномастных желаний.
Я хочу как собака залаять
Посреди белокаменных зданий.

Мне в метро и тепло, и уютно,
Нахожу там я даже окурки.
Но с людьми мне порою так трудно,
Что я плачу, какие тут шутки.

Человек я - ведь я сохраняю
Речь и даже прямое хождение.
Пусть харкаюсь и дурно воняю,
Но подвержен тоске и волнению.

Вот иду по проспекту я Маркса,
Не хватает мне девичьей ласки.
Во мне бродит марксизма закваска –
Я хочу поделить всё по-братски.

Я не мылся уже три недели,
Крауссанов не ел уж три года.
Вместо солнца - сплошные метели,
Вместо вёдро - плохая погода.

Я закончить хочу эту песню.
Вы не смейтесь, всё это серьёзно.
Из бомжей не уйти мне хоть тресни,
Вот поглубже погрязнуть – возможно.

ХОЧУ Я ЖИТЬ

Хочу я жить, чтоб не единым словом
Не уронить достоинство и честь.
Но гложут каждый день сомненья снова –
Достоин, благороден, честен? Есть
Во мне та сила, что немногим лишь дается?
Лишь избранным, и тем – не навсегда.
И не напрасно ль сердце мое бьется,
Волной упругой кровь гоня туда,

Где многоликою толпой идеи бродят,
Бурлит подкорка как недремлющий вулкан,
Где полушарья меж собою спорят,
Рождая рифм и строчек ураган,
Плетут нейронные цепочки кружева,
Не устают гипофиз в муках биться,
Где мысль, натянутая словно тетива,
Готова дерзким смыслом разродиться,
Где в судорогах рождаются слова,
Чтобы потом в сердцах воспламениться.
Хочу прожить, чтоб не единым жестом
Не изменять тому, кем я храним,
Но как же мне найти такое место,
Где б я был понят, принят и любим?

ИДУ СКВОЗЬ ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ

Мне безобидные проказы
Важней сиюминутных льгот.
Полет шмеля милее глазу,
Чем профицит и оборот.
Могу я даже жить на стуле,
Претит роскошество мне бонз,
В моих друзьях Сократ и Тулий,
А не Насдак и Доу-Джонс.
Мне мимолетные виденья
Милей бетонных изваяний.
Я помню чудные мгновенья
Моих сомнений и страданий.
Пред бабочки расцветкой млею,
Люблю туман порою ранней,
Иду сквозь темные аллеи
Навстречу легкому дыханью.

ПРОВЕРЯЛ Я НА ПРОЧНОСТЬ ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО

Проверял я на прочность границы дозволенного,
Заходил за пределы, улетал в небеса,
Не люблю я написанной мне кем-то роли, но
Роль прилипла, выросла прямо в мясо лица.
Бьюсь в силках мирозданья, как ведьмаг или леший,
Ничего не прося, никого не любя,
Не приемлю простые, всем известные вещи,
Усложняю других, упрощаю себя.
Я тоскую о чем-то с молодых моих лет,
Хоть смеюсь и шалю, но мой смех лишь сквозь слёзы,
Отделяю я мух от столовских котлет,
Отрезаю шипы, не кололись чтоб розы.
Быть, не быть? – мой вопрос.
Прав, не прав? – себе мучу.
Я дожил до седых, в цвет печали волос.
Стал мудрее? Не знаю. Но уж точно – не лучше.

НЕ ОДИН

Боб Дилан с экрана мяукает,
Энди Уорхол висит на стене,
Мне б запеть как Дилан, но слуха нет,
Мне б как Энди писать, но нет -
Нет возлюбленных и любимых,
Нету близких, лишь дальних рой,
Но Высоцкий со мной незримо,
Но Есенин всегда со мной.
И Тарковский глядит лукаво,
С укоризной: «А ну, не плошай».
Бродский в комнате, в той, что справа,
Пьет вприкуску зеленый чай,
Скоро должен придти Довлатов,

На балконе смолит Шукшин,
Помирать мне пока рановато,
Одинок я, но я не один.

Я ВЫШЕЛ ИЗ ЮДОЛИ СЛЕЗ

Я вышел из юдоли слёз,
Но не попал в объятья лета
И ароматом нежных роз
Не насладился. Тех сюжетов
Я не снискал.
Я вышел из юдоли грёз
Туда, где бури грохотали,
И скулы сковывал мороз
И страх. Теперь же я едва ли
Уж засмеюсь.
Я вышел из юдоли поз,
Быть может, принятых всерьез,
Малозначительных волнений,
Полупонятных откровений
На каменистый путь сомнений,
Раздумий, самообвинений,
Где тяжек выбор, боль остра,
Где кровь ала, и слышны стоны
Куда не кинь.
Где не выходят на поклоны,
И роль одна - ей имя жизнь.

МНЕ ТЕСНО

Мне тесно в границах слов,
Мне душно в тенетах речи,
Мне узок метафор ров,
Мне давит плита на плечи,

Плита из принятых форм,
Жанров, троп, стилистики,
Обрыдл вербальный попкорн,
Словечек эквилибристика,
Гнетет меня слов и речей,
Традиций, обрядов скука,
Зависимость от вещей,
Присяг, заверений мука.
Мне мелок любой амвон,
Трибун и кафедр мирок,
Хочу я трубить как слон,
Хочу я выть как волк.

Я ПЛЫЛ ПО ВОЛЕ ВОЛН БЛАЖЕНСТВА

Я плыл по воле волн блаженства,
Тобой и Господом храним,
Твоих порывов совершенство
Соединяло меня с Ним.
Я весь во власти ликованья,
Ведь ранам страстности моей
И нетерпенья ожиданья
Твоих неистовых лобзаний
Отраден сладостный елей.

ГРЕХ

Грешить хоть стыдно, но так сладко,
Счет потеряв ночам и дням,
Люблю я дам не падших, падких,
Люблю я мыслью легких дам.
Люблю их нежность и упругость,
Люблю кокетливость и стыд
Чуть нарочитый, даже глупость

Люблю их и порочный вид.

1.
"Надоело небу плакать над несчастьями людей",
Слезы высохли у туч, и поднялся суховец,
Разыгравшийся оркестр пчёл на ноте "ля" угас,
Стало осам не до игрищ, а стрекозам - до проказ.
Ветер клонит станы сосен, нагибает до земли.
В это время о пощаде не проси и не моли.
Есть такие дни в природе, буря с мглою имя им.
Не пойдем гулять сегодня, лучше дома посидим.

2.
Надежды тонкий голосок
Не слышен сквозь тоски песок.
И Веры маленький джаз-банд
Средь музыкантов не гигант.
Любви порвался волосок;
Прокис давно веселья сок.
И чести лишь белеет кант;
И гордости краснеет бант.

3.
"Пора, мой друг, пора".
Нас ждёт с тобой жара,
И новая гора, и тучи ниже ног.
Станцуют нам они
Лезгинку иль сиртаки.
Там в пять обхватов пни
И ростом с нас там маки.
Пора...

Игорь Тютюкин

Игорь Юрьевич Тютюкин родился в середине

зимы 1961 г., в 28-е Лунные Сутки, в г. Норильске Красноярского края, в воскресенье. Детство провел в г. Таганроге. По гороскопу Козерог и белая металлическая Крыса.

По образованию радиоинженер (МВТУ им. Н.Э. Баумана).
По призванию философ и сочинитель.

С 1986 г. с удовольствием живет в г. Туле.

С 1994 г. пишет, издает и распространяет свои книги. Путешествует по России и по всему остальному миру.

«ДАР ЖИЗНИ» (версия от 24.05.2008

г.) Космические стихи

АЗ

Аз человек,
Божественная капля.
Имеющая право быть счастливой.
И жить достойно,
Радостью светясь.

Аз лучик БОГа.
Солнышка частица.
Аз плоть и дух
Великого Творца.

ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Когда-то, давным-давно,
Была другая Вселенная.
Ее содержанием был Дух.
А формой была Материя.

Душою Вселенной был Дух.

А телом была Материя.
Прежде, очень давно,
Жила иная Вселенная.

Дух познавал Материю,
Соединяясь с нею.
Материя плавно менялась,
Делаясь гармоничной.

Материя становилась
Все более совершенной.
Дух постигал Материю,
Мерно сливаясь с нею.

И темное вещество
Насыщалось светом мышления.
Это волшебное действие
Было вселенской сутью.

Данный великий процесс
Был смыслом вселенской жизни.
И мрачная девственная твердь
Исполнялась светом сознания.

Но вот наступил момент —
Развитие завершилось.
Дух материализовался.
Материя одухотворилась.

Дух материализовался.
Материя одухотворилась.
И в этот важный момент
Развитие завершилось.

Все существа Вселенной
Стали единым Целым.

Всезнающим и совершенным,
Блаженствующим в экстазе.

Стали единым Полным,
Счастливым и гармоничным,
Ликующим в славе созданием,
Все жители этой Вселенной...

Потом воцарился сон.
Вселенная разделилась.
Дух ушел из Материи.
И стал пребывать отдельно.

Дух покинул Материю.
И стал находиться отдельно.
Все погрузилось в сон.
Вселенная растворилась...

Это было концом,
Смертью другой Вселенной.
И подготовкой начала
Рожденья Вселенной новой.

Так появилась ПРИЧИНА
Рожденья Вселенной нашей.
Одновременно с концом,
Смертью иной Вселенной.

НАЧАЛО СВЕТА

Начало Света —
Конец тьмы.
Конец тьмы —
Начало Света.

Начало Дня —
Конец ночи.
Конец ночи —
Начало Дня.

Начало Жизни —
Конец смерти.
Конец смерти —
Начало Жизни.

НАША ВСЕЛЕННАЯ

Дух и Материя спали
Отдельно. Готовясь к встрече.
Дух — Создатель-Отец,
Материя — Мать-Природа.

Дух был Мужским Началом,
Ну, а Материя — Женским.
И неизбежным было
Взаимное их притяжение.

Неотвратимостью было
Их приближение друг к другу.
Дух был Началом Янским,
Ну, а Материя — Иньским...

Дух устремился к Материи,
Светясь идеей познания.
И час пробуждения пробил.
Вселенная наша возникла.

Дух помчался к Материи,
Пылая желаньем познания.
И пробуждение свершилось.

Вселенная наша возникла.

ЖИЗНЬ

Жизнь есть чудесный процесс
Познания Духом Материи.
Процесс движения мира
К гармонии и единству.

МОНАДЫ

Дух, чтобы слиться с Материей
И раскрыть все ее возможности,
Себя поделил на части,
Имя которым — МОНАДЫ.

Эти частицы Духа,
Плавно входя в Материю,
Методом проб и ошибок
Создали себе тела.

И обрели свой опыт
Жизненного познания.
Так, на основе монад,
Возникли все существа.

МЫ

Мы были. Мы есть. Мы будем.

Мы быша.
Мы есмь.
Мы гряде.

И я был. Я есть. Я буду.

Аз быша.
Аз есмь.
Аз гряде.

СУЩЕСТВА

Все существа Вселенной
Имеют тела и души.
В центре всех душ — монады,
Крупинки вселенской Души.

Эти монады — искры
Великого пламени жизни.
Поэтому души вечны
В самой своей глубине.

Ну, а тела, как одежды,
Временны и вторичны.
Они сменяют друг друга
В процессе развития душ.

ПУТИ РАЗВИТИЯ

Дорог познания много...
Одни существа успешны.
Они развиваются быстро.
И достигают вершин.

Другие же застревают
В глухих тупиках Природы.
Развитие их тормозится.
Но оно все равно идет.

ВЫСШИЕ ЗАКОНЫ
Развитие нашей Вселенной
Идет в соответствии точном
С определенными нормами,
Имя которым — Законы.

Эти Законы — данность.
Условие жизни мира.
Они едины и вечны,
Могучи и объективны.

Все существа подвержены
Действию Высших Законов.
Их соблюдение способствует
Здоровью, удаче и счастью.

А нарушение Законов
Всегда приводит к страданиям.

Страдания очищают.
И учат Законы чтить.

КОСМОС

Воплощения Духа различны.
Это кометы и звезды,
Галактики и планеты.
А также все существа.

Малые и большие,
Сложные и простые,
Формы вселенской жизни —
Это космический сад.

СИСТЕМЫ

В Космосе много систем,
Где очень благоприятны
Условия эволюции
Высокоразвитых душ.

Каждая из систем
Имеет планету-матку,
Где происходит ТВОРЕНИЕ —
Развитие высших существ.

Одно из подобных мест —
Солнечная Система.
И наша планета Земля —
Главный ее объект.

ИНСТРУМЕНТ

В процессе роста Вселенной
Формируется эффективный
Инструмент познания жизни,
Самый удобный из всех.

Таким инструментом является,
Относительно автономный,
Активно мир познающий,
Вселенский субъект —
человек.

И каждое существо,
Как инструмент познания,
Тоже есть плод работы
Природных творческих сил.

ТВОРЧЕСТВО

Огонь, Земля, Металл, Вода и Древо —
Пять сил стихийных — пять перстов Творца,
Во тьме бездонной мирового чрева
Возводят стены светлого дворца.

Мерцает Навь покоем звездной плоти.
Сияет Правь очами чистоты.
И сонм идей, в восторженном полете,
Рождает Яви хрупкие пласты.

Правь — Высшие Законы.
Навь — тонкоматериальный мир.
Явь — физическая реальность.

К СОВЕРШЕНСТВУ

Природа развивается скачками.
Меж двух скачков — естественный отбор.
Прогресс миров венчая тупиками,
Их жизнь взрывает, удаляя сор.

Однако ценный опыт остается.
И в новых формах продолжает жить
Так, круг за кругом, ввысь к Истоку вьется
Любви непрерываемая нить.

Десницей света, шуицею мрака,
Вращает Рок извечную спираль.
И человек, тропею Зодиака,
Идет по ней в Божественную даль.

Десница — правая рука.

Шуица — левая рука.

ЕДИНСТВО

Люди планеты Земля
Прочно друг с другом связаны.
Планета и человечество —
Единый живой организм.

ЛЮБОВЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ

Люби.
И благодарствуй.
Люби и благодарствуй.

Любовь и благодарность —
Волшебные слова.

В них творчество Земли.
И Неба лучезарность.
И жизни вечный ток.
И сила Божества.

МАЛЬЦЫ

Мы дети Солнечной Системы.
Земля — наш материнский дом.
По своему сознанию все мы
Еще малы.
Растем с трудом.

И много делаем ошибок,
Взбираясь вверх, ныряя вниз.

Наш идеал незрел и зыбок.
Наш путь извилист и тернист.

В густых иллюзиях блуждаем.
Душой своей не дорожим.
И от самих себя страдаем.
И от самих себя бежим.

Но нашу вотчину земную
Нам ни покинуть, ни убить.
И Землю милую, родную,
Мы только УЧИМСЯ ЛЮБИТЬ.

КОЛЫБЕЛИ

Во Вселенной нашей славной
Много солнечных систем.
В каждой обитают люди,
Чуть похожие на нас.

Тоже любят. И дерзают.
Негодуют на врагов.
Умирают. Воскресают.
И творят своих богов...

Все системы уникальны,
Как народы разных стран.
Только Высшие Законы
Одинаковы для всех.

ПРИНЦИПЫ

Объекты Солнечной Системы —
Суть ПРИНЦИПЫ ярчайших черт.

Вселенских Качеств и Энергий
Трансляторы и маяки.

СОЛНЦЕ

Сущность.
Эго. Жизнедатель.
СОЛИС. ГЕЛИОС. ШАМАШ.

Светоч и Теплотворитель.
АМОН. МИТРА. ФАНЕС. ХОРС.

Логос. Золото. Единство.
Вознесение. ДАЖДЬБОГ.

Император. Самобытность.
Центр сил. Великий РА.

МЕРКУРИЙ

Соединение.
Словесность.
Обмен. Стремительный ГЕРМЕС.

Связь. Информация. Контактность.
Мышление. И интеллект.

ВЕНЕРА

Творение.
Гармония.
Искусство. Выбор чувств.

ИНАННА несравненная.
Желание. Любовь.

и АФРОДИТА нежная.
Кудесница ИШТАР.

МАРС

Реализация.
Активность.
Всепобеждающий НЕРГАЛ.

Практичность. Воля. Энергичность.
Могучий АРЕС.
Богатырь.

ЮПИТЕР

Развитие.
Социум. Слава.
Культура. Героика. Власть.

Се — царственный ЗЕВС благородный.
Взрослеющий солнечный брат.

САТУРН

Истина.
Смиренье. Дисциплина.
Целеустремленность. Простота.

Мудрый КРОНОС — времени владыка.
Дух Законов — Высших и земных.

УРАН

Обновление.
Свобода.
Разум. Юмор. Креатив.

Гений светлых озарений.
Вдохновитель перемен.

НЕПТУН

Познание.
Божественная тайна.
Интуитивность. Глубина идей.

Путь чистоты. И самопогружение.
Хранитель смысла жизни ПОСЕЙДОН.

ПЛУТОН

Эволюция.
Высшая воля.
Сокровенная сила. ГАДЕС.

Возмущение. Противодействие.
Переход. Строгий стражник АИД.

ЗЕМЛЯ-ЛУНА

Произрастание.
Природа.
Семья. Обитель. Мирный дом.

Душа. Здоровье. Крылья счастья.
И святость материнских уз.

ДАР ЖИЗНИ

В Яви наши жизни быстротечны.
Твердь земную время не щадит.
Все цивилизации конечны...

Неужели Бог на нас сердит?

И в чем суть физических реалий?
Где предел пределов Бытия?
В чем значение радостей-печалей?
И зачем из ть«МЫ» родится «Я»?

Жизнь — ответ.

Она — Любовь-Познание.
Это ДАР.
Бери его. Бери.

Все мы — инструменты созиданья.
Все есть БОГ —
Снаружи и внутри.

**«ПУТЬ К СЕРДЦУ БАЙКАЛА» (версия от
24.05.2008 г.)**

ЛЕТНИЕ ПЛАНЫ

В середине 2006 года я вознамерился совершить большое
(по собственным меркам) путешествие.

Сначала отправиться из Тулы на знаменитый Грушинский
бардовский фестиваль. Затем, если удастся, съездить к друзьям в

Пермский край. А после — достичь Иркутска и побывать на Байкале.

Древнейшее (25 000 000 лет) и глубочайшее (1 637 м) пресноводное озеро мира почему-то сильно притягивало меня к себе.

Я мечтал увидеть полуостров, носящий красивое имя Святой Нос. Мечтал на каком-нибудь судне, хоть немного, пройти по волшебным водам озера. И (самое главное) мечтал посетить сердце Байкала — загадочный остров Ольхон, считающийся колыбелью шаманизма.

Кроме того, мне хотелось осчастливить своим появлением Бурятию и центр российского буддизма — Иволгинский дацан (находящийся в 35 км от Улан-Удэ), а также старинный (1741 г.) Тамчинский дацан в поселке Гусиное Озеро.

Всем этим планам, как ни странно, суждено было сбыться. Однако, обо всем по порядку.

ВПЕРЕД, НА «ГРУШИНКУ»!

Каждый год в первые выходные июля в живописнейшем месте между Самарой и Тольятти, у Мострюковских озер, недалеко от берега Волги и железнодорожной остановки «135 км» («Платформа им. В. Грушина»), проводится Всероссийский фестиваль авторской и туристической песни имени Валерия Грушина.

Это самое крупное мероприятие подобного рода в СНГ, на котором традиционно бывает около 150 000 человек из разных городов и стран.

Валерий Грушин, именем которого назван этот песенный праздник, был студентом Куйбышевского Авиационного Института.

В 1967 году он героически погиб, спасая детей на таежной реке Уде.

И в память о нем возник этот фестиваль.

В 2006 году проходил уже 33-й Грушинский (с 29 июня по 2 июля).

Я ехал на фестиваль впервые, в отличие от моего спутника Димы Степкина, который, собственно говоря, и вдохновил меня на посещение этого интересного туристического форума.

Многие бывалые грушинцы и музыканты в разговорах часто называют фестиваль «Грушей», но мне нравится другое (более благозвучное) название: «Грушинка».

Так вот, на «Грушинке», помимо лицецерения песенных концертов, я собирался продавать свои книги.

Для этого издал (за свой счет) карманный вариант книги «Целебные стихи» (избранное).

И, кроме данного основного товара, повез с собой другие мои книжки (напечатанные в стиле «Самиздат»): «О проявлениях Высших Законов», «Сказки для младенцев всех возрастов», «Самоучитель счастья» и «Двустихи».

Сборник «Целебных стихов» я назвал «Вперед!» («Как вы яхту назовете, так она и поплывет»), и на обложку его поместил (для усиления удачи и позитива) стилизованное изображение зеленого светофора.

Идея моей поездки была такая: продать на масштабном Грушинском фестивале очень много книг — и все вырученные деньги использовать для дальнейших странствий (в начале путешествия мой наличный капитал был мал).

Я взял с собой огромное количество книжек, набив ими 7 картонных коробок, обильно оклеенных (для защиты от влаги) скотчем.

Общий вес этого ценного груза составлял примерно 160 кг.

Дима тоже намеревался на Грушинском распространять мои издания (он вложил в производство части книг свои деньги).

Перед поездкой я позвонил в Москву молодому (1976 года рождения) писателю и путешественнику Антону Кротову, который тоже собирался на фестиваль. Я был заочно знаком с ним по его увлекательным книгам о путешествиях, и на «Грушинке» хотел познакомиться лично.

Кротов проехал автостопом, гидростопом, авиастопом, железнодорожным стопом и другими способами более 600 000 км (по России, странам СНГ и мира), и написал о своих поездках более двух десятков интереснейших книг.

Он создал (в 1995 году) и по сей день успешно возглавляет АВП — «Академию Вольных Путешествий».

Это неформальный клуб друзей, занимающихся путешествиями, познанием мира и распространением полезной информации об опыте дальних странствий.

Дима ранее встречался с Кротовым, и успел познакомить его с моими скромными писаниями. Антону они понравились, о чем он и сообщил мне в письме, выслав в подарок свою книжку об автостопе.

И еще Кротов (в письме и по телефону) предложил мне и Диме остановиться на «Грушинке» в лагере АВП (что мы впоследствии с радостью и сделали).

Перед поездкой Дима и опытный книготорговец Кротов (посетивший, по его словам, 75 фестивалей) говорили мне, что не стоит везти на «Грушинку» очень много книг.

Но амбиции мои были глобальными, и я их не послушал.

Поэтому, в дальнейшем, значительно укрепил свою мускулатуру, таская тяжелые книжные коробки.

24 июня, суббота

Всю ночь и все утро упаковывал книги, собирал дорожные вещи. Поспать не удалось.

К нужному времени на такси добрался (с коробками и плотно набитым рюкзаком) до Ряжского вокзала.

Там ко мне присоединился Дима.

Он взял с собой, помимо прочего имущества, двухместную палатку, большой полиэтилен, котелок и топорик.

А у меня, кроме книг, еды, летних вещей, фонарика и пары кусков полиэтилена, не было в багаже ни спальника, ни коврика-пенки, ни палатки, ни котелка, ни теплой одежды, ни теплой обуви.

Все это я собирался приобрести во время путешествия (и, действительно, в дальнейшем приобрел).

Поехали мы из Тулы в Самару белорусским поездом № 304 «Барановичи — Челябинск».

Наш 24-й вагон оказался самым первым в составе. И самым душным. Вентиляции никакой, окна не открываются. Так что, пришлось изрядно попотеть.

Выспавшись, сумели продать несколько книг своим попутчикам.

25 июня, воскресенье

Выгрузились в Самаре в 11.20. по московскому времени (в 12.20 по местному).

Носильщик запросил 300 руб. за доставку нашего груза на платформу электрички (идти туда через подземный переход метров 50).

Местный таксист сказал, что поездка на автомобиле к грушинской Поляне будет стоить 900 руб.

Дотащили вещи до пригородной платформы, взяли билеты на электричку (по 36 руб.) и стали ждать (до отправления у нас было 3 часа свободного времени).

Дима ушел в город за разными покупками, а я остался сторожить багаж.

Познакомился с молодой самарской парой, мирно пившей пиво на соседней лавочке.

Парень представился музыкантом Юрием Прокопчиком (у него была с собой гитара). Он приобрел книжку моих стихов и пообещал сочинить к ним музыку. Спел грустную песню собственного сочинения.

А девушку звали оригинальным именем «Нескажу».

Доехав с Димой электричкой до нужной станции и выгрузившись, опять встретили музыкального Юру. Он почему-то был уже без девушки, но с другом Стасом.

Самарцы, хоть и были нетрезвы, помогли нам спуститься с коробками вниз со знаменитой Песенной Горы по крутой металлической лестнице (это метров 700-800).

Сверху открывалась красочная панорама грушинской Поляны — огромного палаточного «Вавилона», окруженного лесом и озерами.

Вдали виднелись величественные Жигулевские горы и Волга.

В небе наблюдалась радуга — знак предстоящей удачи.

Удобная металлическая лестница шла не до самого низа,

так что нам пришлось завершать спуск пыльной наклонной тропой.

Внизу, простившись с самарцами, мы у артезианской поилки освежили свои организмы очень холодной водой, которую непрерывно качал из-под земли электронасос. И продали 2 книги целебных стихов двум нетрезвым молодым оренбуржцам.

Дима сходил в лагерь АВП, и вскоре мы уже несли туда свои рюкзаки и коробки, в компании двух общительных автостоппиков — питерца Игоря Коновалова («Длинного») и жителя г. Энгельс Саратовской области Демида Манышева.

По пути нам встретился сам товарищ Кротов. Он имел черную бороду и производил впечатление важного восточного человека.

Подтверждая свою восточность, Антон лихо воздвиг одну из коробок себе на голову, и быстро зашагал впереди всей процессии.

Лагерь вольных путешественников располагался в лесочке, недалеко от Ярмарки (торговой поляны), на которой в изобилии продавались еда и туристический инвентарь.

В лагере, украшенном транспарантом «АВП 11 лет», я познакомился с Таней Мазепиной из Брянска, москвичом Сашей Катилиным («Дедом Морозом») и упитанным бородатым Сергеем Браславским («Книжником»).

Поставили палатку на территории, огороженной по периметру белым шнуром (все другие лагеря тоже имели подобные ограждения).

Долго сидели у костра. Разговаривали о разных философских вещах, а также о Байкале (меня очень интересовала информация о нем).

Авэпэшники и сам Кротов оказались очень гостеприимными и приятными в общении людьми. Я был искренне рад знакомству с ними.

26 июня, понедельник

Димину палатку мы внутри разделили пополам стеной из книжных коробок. Я спал на правой половине (в одежде) на поли-

этилене, укрывшись им же. Иногда ворочаясь, шуршал. Было тепло.

Утром, выпив чая, пошел бродить по грушинским окрестностям, оклеивая их, с помощью скотча, желтыми листочками с напечатанным рекламным текстом о своей великой книге «Целебные стихи».

Слазил на Песенную Гору. И, спустившись, добрался до одного из озер, где с приятностью искупался. Погода стояла жаркая.

Официально фестиваль открывался в четверг 29 июня, но повсюду уже расселилось множество народа.

И люди с рюкзаками и гитарами продолжали непрерывно прибывать со всех сторон, пополняя неисчислимое население «Грушинки».

Вдохновенно распространяя саморекламу, я достиг песчаного пляжного берега Волги. Вдоль него тянулся сосновый лес. На другом берегу высились зеленые Жигулевские горы. Красотища!

Естественно, опять искупался.

Купил коврик-пенку для лежания и подзадный коврик для сидения.

Торговлю книгами решил начать во вторник, то есть завтра.

Вернувшись в лагерь, стал свидетелем дискуссии об алкоголе, которую активно вел у костра мой земляк Дима со всеми остальными людьми.

Дело в том, что Антон Кротов и его ближайшие последователи являются убежденными трезвенниками и противниками любого алкоголя (возможно, этому способствует исповедуемый ими ислам).

Кротовцы говорили, что алкоголь есть зло, и его надо всегда и всячески избегать. А Дима им возражал.

Я в обсуждении не участвовал, но мысленно соглашался больше с Димой, чем с уважаемыми авэпэшниками. Поскольку считаю, что, сам по себе, алкоголь не есть зло или добро. Он просто является определенным инструментом, который не виноват, в том, что люди не умеют им грамотно пользоваться. И причиной

алкогольных проблем является не алкоголь, как таковой, а неумеренность, невежество и, в отдельных случаях, болезненная зависимость от алкоголя людей, его употребляющих.

Вечером, взяв фонарики, пошли с Димой продолжать развешивание моей саморекламы. При этом Степкин показывал мне концертные площадки для выступлений музыкантов.

Дошли до самых дальних уголков «Грушинки».

На саморекламе писали маркером разные комментарии. Например, на листочках, повешенных на столбах с осветительными лампами, сделали такие надписи: «Гори фонарь!» и «Живи светло!».

Когда вернулись в лагерь, там все спали. Насытили себя гречневой кашей и чаем. Откуда-то явился Книжник с гитарой. Спел нам две песни Булата Окуджавы и пошел храпеть.

А мы еще долго сидели у костра, глядя на огонь и разговаривая.

Потом я отправился «баиньки», а Дима продолжил сжигание дров.

И вскоре я услышал сильнейший треск этих самых дров, возложенных Димой в костер в огромнейшем количестве. Видимо, он решил таким способом достать мирно спящих авэпэшников и вывести их из себя.

Но достал и вывел из себя (а точнее, из палатки) меня.

Я подсел к костру и продолжил общение с Димой.

Когда же, наконец, мы улеглись, оказалось, что спать совсем не хочется. А хочется обсуждать наши саморекламные усилия и громко смеяться над ними.

Вскоре из палатки Книжника (вместо привычного храпа) послышались недовольные возгласы. И мы перестали шуметь, путем быстрого ухода на берег Волги.

Было около 3-х часов утра. Светало. Пели птички. По тропинкам бродили грустные омовцы с дубинками.

На Волге наблюдался штиль. Вдали романтично горели огоньки.

Мы искупались и тихо вернулись в свою палатку.

27 июня, вторник

Утром пошел мелкий дождик. Мы с Димой, успев выспаться, вылезли наружу и стали натягивать над палаткой навес из полиэтилена, а также прятать дрова под тент АВП и разжигать костер.

Вскоре проснулись другие жители лагеря.

Неспешно позавтракав, пошли с Книжником на «Грушинский Арбат» — пешеходную дорогу, идущую от главной Поляны к фестивальной Ярмарке.

На «Арбате» каждый год осуществляют свою коммерческую деятельность художники и мелкие продавцы книг и сувениров.

После небольшого, но громкого, скандала, учиненного Книжником, отвоевали место для торговли в центральной части «Арбата».

Книжник мирно удалился, а я разложил на полиэтилене собственные сочинения. Дима устроил свой «прилавок» неподалеку.

Но тут возобновился дождь, и Степкин быстро вернулся в лагерь.

А я еще долго сидел на полупустом «Арбате». И все-таки сумел продать 4 книги.

Ребята из АВП приносили мне на «Арбат» горячий обед — кашу и чай. Было очень вкусно и очень приятно.

Вечером познакомился с приехавшими в этот день авто-стопщиками: Катей из Белоруссии и Виталием из Смоленска.

Авэпэшники посмеиваются надо мной и Димой. И скептически отзываются о перспективах продажи столь громаднейшего числа книг, привезенных нами из Тулы.

Книжник сказал, что если мы со Степкиным ухитримся продать на фестивале 15 % всех своих книжных запасов, то будем большими молодцами.

Забегая вперед, отмечу, что, в итоге, мы стали молодцами, реализовав как раз примерно 15 % книг.

28 июня, среда

С утра ходил в лес. Набрал веток-палок для изготовления торгового столика (продавать книги с пыльной земли не очень удобно и совершенно неэстетично).

Выйдя на «Арбат», соорудил (с помощью палок, скотча, ножниц и топора) стационарный (вкопанный в землю) прилавок.

Соседние торговцы выразили дружное мнение, что это оригинальное строение долго не простоит, и будет обязательно сломано хулиганами в ближайшую же ночь. Я почему-то так не думал.

Продал несколько книг.

Народу по «Арбату» ходит много, но покупают очень вяло. К тому же, на нашем с Книжником рабочем месте жарко и тесновато.

Ходила некая служба фестиваля и собирала деньги за торговые места (в прошлом году такого не было). Завсегдатаи «Арбата» отказались платить. Книжник долго и громко ругался с взимателями денег. А я взял и заплатил 300 рублей за наше с ним место, дабы ругань наконец прекратилась. Выдали квитанцию.

Книжник был недоволен таким платежом. И недоволен вообще всей нынешней «Грушинкой», грозясь в будущем сюда не приезжать.

Дима сел торговать у дороги на волжский пляж, под дубом.

Там гораздо прохладнее и свободнее, чем на «Арбате». Правда, потенциальных покупателей книг, наверное, меньше.

Я приобрел на Ярмарке спальник. По совету автостопщиков — самый дешевый (за 500 рублей).

29 июня, четверг

Утром с радостью узрел, что моя необычная торговая конструкция на «Арбате» успешно пережила ночь (в дальнейшем она простояла до самого конца фестиваля).

Прохожих, покупателей и торговцев стало больше. Но мои продажи особо не увеличились.

Начинаю понимать, что не было особого смысла везти на «Грушинку» 7 коробок книг. Слишком уж быстро проходит этот сверхмассовый фестиваль.

На дубе, прямо напротив меня, повесили объявление об отправлении с Поляны автобуса в Пермь. А я ведь туда собирался ехать.

Решил узнать о поездке подробнее.

Ходил (днем и вечером) к сценам — слушал поющих людей.

Фестиваль открылся, и на шести концертных площадках начались выступления музыкантов.

Вокруг снуют толпы полуодетого туристического люда.

Подростки. Омоновцы. Пьяницы. Панки. Гитаристы...

Костры. Фонарики. Мигалки. Шум. Песни. Музыка...

На показательной площадке кузнецы из артели «Вакула» что-то усердно куют. Судя по их плакату, это «счастливые ключи».

В лагере АВП появились новые жители. Среди них — известный путешественник Валерий Шанин, автор собственных книг.

30 июня, пятница

Сижу на «Арбате». Томлюсь от сильной жары, разглядываю разнообразную публику.

Кого здесь только нет. Непрерывные потоки людей двигаются мимо нас на Ярмарку и обратно.

Читаю надписи на подзадных ковриках. Многие пишут (как на автомобиле) номер своего региона. Попадают оригиналы: «Холостой», «Не ходи за мной, я сам заблудился», «Улыбнись», «Не кантовать», «Не влезай, убьет!».

Я написал на своем коврике «Тула», в надежде найти земляков.

На рюкзаке и кепке у меня тоже написано «Тула».

Однако фестиваль весьма удален от нашего города, и туляки не балуют его своим посещением. За все время встретил только одного земляка (он приехал сюда на мотоцикле).

Продажи чуть-чуть увеличились. Но этого очень мало — полные коробки с книгами являются немой упрёком моей неопытности и большой самоуверенности.

1 июля, суббота

Встал рано. Приступил к работе. Наконец-то дело пошло.

Много туристов из Самары и Тольятти. А также из ближайших волжских регионов.

Дороги на Ярмарку и волжский пляж превратились в двухсторонние медленнодвигающиеся очереди.

К сожалению, в этом году впервые на фестивале разрешили продажу пива. И вообще, по мнению бывалых фестивальщиков, «Грушинка» постепенно вырождается. Огромное неконтролируемое количество участников ведет к ухудшению качества фестиваля, к утрате им знаменитого «грушинского духа».

Слишком много здесь стало разного рода тусовщиков и «отдыхальщиков», далеких от романтики туризма и авторской песни.

К тому же, с этого года фестивальная Поляна находится в аренде у частной фирмы, которая хочет превратить ее в круглогодичный платный развлекательный комплекс. А организатор фестиваля (общественная организация «Клуб им. В. Грушина») — против такой коммерциализации.

И даже проводился сбор подписей под Обращением к Президенту России В. В. Путину с просьбой спасти фестиваль, оказав ему государственную поддержку. Так что, возможно, следующая «Грушинка» пройдет уже в другом месте и совсем по-другому.

В ночь на воскресенье у подножия Песенной Горы (на плавающей в озере сцене-гитаре) прошел главный концерт фестиваля. И я, выкопав руками норку в песке, вместе с Димой и тысячами других грушинцев, сидел на Горе, слушал песни бардов и мигал фонариком.

Кстати, с Горы выступающих было слышно и видно (даже на демонстрационном экране-парусе) неважно. Однако ночная атмосфера романтики, единения и радости на Горе была потрясающей!

2 июля, воскресенье

Договорился с пермяками о поездке в их город на «Газели».

Торговля хорошая. Общение интересное.

Познакомился с узбекским бардом Викторией Мурадян. Говорили с ней о том, что людям сейчас не хватает радости.

Вечером пошли с Димой к сцене № 3 (самой крупной и оборудованной площадке). Там проходил заключительный ночной концерт.

Моросил дождик. Но народ все равно слушал и не уходил. Перед сценой на земле образовалось большое лежбище зрителей. Люди, светя фонариками, до самого утра сидели и лежали на ковриках и в спальниках под мокрыми одеялами, плащами и клеенками.

3 июля, понедельник

Грушинская Поляна стремительно пустеет.

Народ уезжает и уходит, оставляя тонны мусора и килограммы несъеденных продуктов (у подножия лестницы, ведущей вверх — к электричке).

Узнал о намерениях Кротова и его последователей поселиться вскоре в Иркутске. Обменялся с Антоном (по бартеру) книгами.

Жаль, что очень быстро завершился фестиваль. Я только начал входить во вкус грушинской жизни.

Море впечатлений, приобретенные диски, книги и сувениры, радость от новых знакомств, общения, купаний в Волге и услышанных песен.

Ребята-автостопщики проводили меня с вещами (рюкзаком и 5-ю коробками книг) до пермского лагеря, откуда я в 17.00 выехал в Пермь.

В пути погода пасмурная. По низкому небу бродят красивые облака и тучи, вдали видны теплые летние дожди. И радуги, число которых порой доходит до 4-х штук одновременно.

Какие-то нереальные космические пейзажи...

ЗДРАВСТВУЙ, ПЕРМЬ!

Проехав около 1000 км, утром прибыл в Пермь — большой симпатичный опрятный город.

Местное время, по сравнению с самарским, сдвинулось еще на 1 час (+ 2 часа к московскому).

Остановился в квартире моих давних друзей (семьи Стельмах), в самом центре Перми.

И на следующий день, купив обмундирование для дальнейших странствий, отправился на автобусе в деревню Фарино Карагайского района, в гости к Ивану Стельмах (он там живет).

При отправлении автобуса, контролерша, узрев на моих коленях большой рюкзак, потребовала заплатить за него, как за багаж. Я воспротивился.

И вскоре состоялись торжественные замеры рюкзачных габаритов, кои обязаны были (согласно Правилам проезда) не выходить за пределы 20х40х60 см.

Высота рюкзака вышла за пределы, получившись равной 62 см, чему контролерша очень обрадовалась.

Но я, легким нажатием руки, уменьшил свой багаж сразу сантиметров на 5. И благополучно избежал несправедливого платежа. Правильный у меня оказался рюкзак!

Деревня Фарино очень мала — всего несколько домов. А место красивое. На возвышенности. Рядом родник, столетняя деревянная часовня и старинная ель, похожая на большой объемный подсвечник. Ветви этого дерева, изогнувшись, тянутся вверх самостоятельными елками. Для меня это зрелище было очень необычным.

Искупались с Иваном в реке Михалке, поели земляники.

Конец дня был посвящен великолепной русской бане и умным философским разговорам.

Темнеет здесь очень поздно — около полуночи. А в 3 часа утра уже рассветает. Получаются полубелые ночи.

На следующий день ездили на машине в Нердву и Юрич.

Интересные тут названия — русские вперемежку с коми-пермяцкими.

Вечером ловили рыбу в пруду. И жгли костер, в честь праздника Ивана Купалы.

Фестиваль «Молебка–2006»

И вот я снова в Перми. Купил легкую китайскую палатку.

Узнал из уличного объявления о Втором международном фестивале «Энергия жизни и атмосфера любви» в селе Молебка 12-16 июля 2006 г. (организаторы — Центр трансперсональной психологии «Сансей» и пермский «Йога-центр»).

Приобрел туда путевку (3 000 руб.) и вскоре на заказном автобусе поехал.

Это в 170 км от Перми, на границе Европы и Азии, рядом со знаменитой аномальной «М-зоной».

Лет 15 тому назад я выписывал рижскую газету «Советская молодежь» и читал в ней увлекательные репортажи об экспедициях в пермскую аномальную зону «М-ский треугольник».

В этом месте у людей возникают необычные ощущения и видения. Здесь часто наблюдают НЛО и странные природные явления.

Зафиксировано тут и много телепатических контактов с таинственными «пришельцами».

Участников фестиваля было около 300. Из разных городов России, а также из Латвии, Казахстана и Украины. Психологи, психотерапевты, тренеры, педагоги, врачи, эзотерики, целители, астрологи, актеры, йоги, шаманы и другие интересные люди.

Лагерь был условно разделен на 4 части («Юг», «Запад», «Север», «Восток») и располагался на берегу чистой реки Сылвы, рядом с лесистой Молебной горой, недалеко от знаменитого села.

Каких-либо аномалий я там не заметил.

Чувствовались только особая красота и чистота, мощная природная энергия этого места.

Сама же «М-зона» была на другом берегу Сылвы, в нескольких километрах от фестиваля.

Я жил в своей палатке в секторе «Восток».

Многие участники фестиваля при себе походного снаряжения не имели и брали его (палатки, спальники и коврики-пенки) во временное пользование у организаторов.

Также было налажено трехразовое общественное питание.

Погода стояла жаркая. И очень приятно было купаться в

неглубокой прохладной реке.

Все дни фестиваля, с утра до вечера, параллельно проходили тренинги, занятия и различные практики, к которым мог присоединиться каждый желающий.

Я продавал свои книги (весьма успешно), участвовал в занятиях йогой, трансовых танцах, пении мантр, построении мандалы, хороводах, скоморошьей мистерии, вечерних шаманских действиях. И еще читал людям свои стихи у костра.

Познакомился со сказкотерапевтом из Симферополя Димой Соколовым. Понравились его занятия и сеансы сказкотерапии.

На фестивале было много молодежи и школьников. Запомнились открытые одухотворенные лица людей, полезное позитивное общение, дружелюбная светлая аура фестиваля.

САМЫЙ ЗНАТНЫЙ ИЗ УЗБЕКОВ — АКАДЕМИК М. НОРБЕКОВ

В Перми мне удалось побывать на выступлении знаменитого академика Мирзакарима Самакуловича Норбекова. Творческая встреча с ним прошла 18 июля 2006 г. в Культурно-Досуговом Центре (в главном 1000-местном зале города, в здании краевой администрации).

Очень яркая и энергетически сильная личность.

Но выступление оставило у меня противоречивые впечатления.

Вместо творческой встречи получилась странная (но интересная) лекция-монолог — почти 4 часа без перерыва.

Норбеков сказал, что своей деятельностью он стал заниматься не по желанию, а по приказу Наставников (таинственных суфийских Учителей).

В конце выступления, которое оборвалось достаточно неожиданно, академик забрал записки зрителей и с недовольным видом быстро удалился. Вместо ответов на записки было объявлено (миловидной женщиной) о наборе на 9-дневный курс (по 4 часа в день) «Мастерская Успеха», стоимостью 33 000 рублей наличными.

Часть зрителей еще долго не хотела уходить из зала, требуя

«продолжения банкета». Но, увы, больше ничего не было. А особо упрямых сидельцев из темного зала выводила сердитая милиция.

Меня удивил очень плохой русский язык Норбекова (встреченный мною чуть позже в поезде узбек-строитель говорил по-русски гораздо лучше).

И еще резало слух частое хвастовство Мирзакарима Самакуловича своими регалиями и достижениями («Я 14 раз академик!», «Я самый лучший психолог России!» и т.д. и т.п.).

Многие люди (как и я) толком так и не поняли, когда Норбеков шутил и демонстрировал свой провокационный метод ускоренного обучения, а когда был серьезен в своих утверждениях.

ПОСЫЛКА—ЧЕЛНОК

Прежде, чем уехать из Перми, я отправил домой в Тулу с главного городского Почтамта посылочку.

В ней были книги, сувениры, диски и отснятые в поездке фото пленки. Адресована была посылка мне самому или моей дочери Яне.

А в графе «Адрес отправителя» я написал свою фамилию и пермский адрес моих друзей (не придав этому особого значения).

Посылка достигла Тулы. Но Яна не торопилась ее получать.

И через некоторое время, в соответствии с какой-то своей инструкцией, доблестные работники почты отправили мою посылку обратно в Пермь, по адресу отправителя (кому она там нужна?).

Вернувшись через пару месяцев домой в Тулу, я срочно направил на пермский Почтамт телеграмму с просьбой выслать мой драгоценный груз на тульский адрес.

Хорошо, что сохранилась квитанция, и я знал параметры своей посылки (дату отправления, вес, ценность и т.п.).

Вскоре посылка-путешественница была мной благополучно получена в Туле. За пересылку почта денег не взяла.

И теперь, чтобы подобное больше не повторялось, отправляя из других регионов посылки домой самому себе, в графе «Адрес отправителя» я всегда буду ЧЕСТНО писать свой тульский адрес (полностью совпадающий с адресом получателя).

К БАЙКАЛУ!

Из Перми я поездом «Москва-Благовещенск» отправился в Иркутск, горя желанием впервые побывать на Байкале.

К тому же, мне было известно, что Антон Кротов с середины июля по ноябрь собирается жить в Иркутске (распространять там свои книги, проводить лекции-тусовки и совершать поездки по интересным местам региона).

Узнав адрес дома, снятого Кротовым в центре Иркутска, я остановился там.

И вместе с ребятами из АВП посетил три интересных региональных фестиваля.

Фестиваль «Ангара–2006»

Музыкально-поэтический молодежный фестиваль «Ангара» проходил 28-30 июля 2006 г. около поселка Большая Речка (52 км от Иркутска, 16 км от Байкала), в лесу, на берегу Ангары.

Организатор — иркутская Творческая студия авторской песни «Полнолуние».

Участников было около 200.

На небольшой сцене шли выступления музыкантов и поэтов. Зрители были весьма пассивны.

Я и кротовцы продавали книги (без особого успеха), разложив их на полиэтилене прямо на траве.

В конкурсах фестиваля участвовала молодежь до 30 лет.

Мне разрешили выступить со своими стихами вне конкурса.

Постарался оживить скучноватую программу фестиваля. И, по мнению многих слушателей, мне это удалось (некоторые мирно дремавшие люди резко проснулись).

После выступления ко мне подошла школьница Жанна и сказала, что она тоже из Тулы, отдыхает у родственников в Иркутске.

Было приятно пообщаться, вспомнить родной город.

Недалеко от нашего торгового места группа из нескольких мужчин активно употребляла спиртные напитки и громко пела,

заглушая звуки сцены. Особенно им нравился куплет песни со словами «А где-то бабы живут на свете, друзья сидят за водкою...». И этот куплет был вдохновенно пропет раз 20.

В последний день фестиваля мне неожиданно вручили памятный Диплом и пакетик с подарками (за выступление).

Запомнились купания в холодной Ангаре, толстенные бруски сыроватых дров, привезенные организаторами для костров (часть дров нагло похитили посторонние туристы, загрузив их в свои автомобили) и 2 массивных деревянных VIP-туалета, криво установленных для участников фестиваля прямо на траве. Сделанные очень добротно, из качественной древесины, эти туалеты при закрывании создавали внутри себя абсолютную темноту.

Фестиваль «Байкал-шаман–2006»

Молодежный музыкальный рок-фестиваль «Байкал-шаман» проходил в Иркутской области уже 6-й год подряд.

Несмотря на свое громкое название, он не имеет никакого отношения к шаманам. Просто таинственное слово «шаман» организаторы фестиваля ловко используют для его рекламы.

Официальное открытие мероприятия состоялось 27 июля 2006 г. в сквере им. Кирова (в самом центре Иркутска), недалеко от здания областной администрации.

Ранее было объявлено, что фестиваль откроется в 15-00 по местному времени (разница с Москвой — 5 часов). И к назначенному сроку в сквере стали собираться кучки местной молодежи.

Однако организаторы особо не торопились, и закончили монтаж фестивальной сцены и яркой юрты, стилизованной под монгольскую (у фонтана, напротив гостиницы «Ангара»), только к 20-00, то есть точно в 15-00 по московскому времени.

Вообще, я заметил, что в Сибири люди неторопливы, и почти всегда выполняют свои обещания с опозданием.

Я и Антон Кротов недалеко от сцены нагло поставили небольшой столик и принялись продавать с него книги. Народ подходил, интересовался, и часть книг удалось успешно реализовать.

К открытию действия зрителей было немного, в основном ими являлась раскрепощенная, слегка выпившая, иркутская и ан-

гарская (Ангарск — город-спутник Иркутска) молодежь. Многие в широких черных, с разнообразными надписями и рисунками, одеяниях.

Фестиваль почему-то приурочили к 800-летию образования единого Монгольского государства, и в начале мероприятия со сцены пару официальных торжественных слов сказал монгольский консул.

А потом начались выступления музыкантов.

Аппаратура была средненькая, и качество рок-музыки — тоже.

Играли местные полупрофессиональные коллективы.

Слушатели вяло тусовались у сцены.

Так что, масштабного зрелища в этот вечер не получилось.

Мне запомнился восторженный вопль одной рок-солистки: «С нами Чингисхан на небесах!»

А в последующие дни фестивальные дела продолжились на берегах Байкала. 28-30 июля — в поселке Большое Голоустное, 1-6 августа — у городка Байкальск, в устье реки Бабхи.

В Голоустное мы с Кротовым не поехали (были в это время на фестивале «Ангара»). А вот устье Бабхи решили посетить.

3 августа на электричке добрались до города Слюдянка, далее ехали маршруткой и шли пешком.

Фестивальный лагерь располагался в лесу.

Было сыровато, комаровато и шумновато.

Много нетрезвых молодых людей, в том числе панков, рокеров и байкеров. Некоторые со следами рукоприкладства на лице.

На сцене — разнокачественные местные группы с однотипной гулкой музыкой и недалекими текстами (в основном депрессивного содержания). Шедевром музыкально-песенной корявости стало выступление дуэта «Безмотивщики», после которого флегматичный ведущий не выдержал и резко сказал в микрофон: «Ни хрена петь не умеете!» (сказано было матом).

Проводились соревнования по поднятию тяжестей и футболу, победители которых торжественно награждались большим количеством бутылок водки.

Вечером был фейерверк. У сцены и у костров много музы-

кально-песенного шума, который стих только глубокой ночью.

На следующий день наша торговля книгами шла очень слабо (в отличие от торговли пивом у сцены).

Я купался в Байкале, бродил по лесу.

А к вечеру пошел сильный дождь. И фестивальную аппаратуру замкнуло. Так что, вечер и ночь прошли в относительной тишине (народ разбрелся по палаткам).

Ранним утром 5 августа мы покинули этот странный пьяный фестиваль, и отправились на электричке «Иркутск—Улан-Удэ» в Бурятию, где в это время шел Слет сибирских трезвенников.

«Слет трезвых сил Сибири–2006»

9-й «Слет трезвых сил Сибири» проходил 1-10 августа в бурятском селе Посольское.

Организатор — общественная организация «Трезвая Бурятия».

О Слете мы узнали из газеты, привезенной московскими автостопщиками из Улан-Удэ.

Очень красивое место на берегу Байкала.

Неподалеку на лугу пасутся кони, по тихой мелкой заводи ходят цапли.

Рядом на холме — действующий православный Спасо-Преображенский мужской монастырь, построенный на месте убийства местными разбойниками в 1650 г. царского посла в Монголию и Китай Ерофея Заболоцкого.

У монастырской стены — сохранившиеся могилы 8-ми участников посольской миссии.

В память о ее трагической гибели и названо это село.

Встретили нас очень душевно. Контраст с негостеприимным алкогольно-шумным «Байкал-шаманом» сильнейший.

Участники приехали на Слет из Пермского и Красноярского краев, из Читинской и Челябинской областей.

Много людей из Бурятии (русских и бурят). 5 человек из Ярославля, среди них местный депутат и борец за трезвость Петр Губочкин (очень яркая личность).

Приятное впечатление оставила пара пенсионеров (ведущих здоровый образ жизни) из столицы Белоруссии — Владимир и Елена.

Они привезли и водрузили на Слете флаг своей страны.

Ну, а в нашей «делегации», кроме меня, были ребята из Москвы, Энгельса, Брянска и Питера.

Мы с Антоном Кротовым продали и подарили много своих книг, провели сольные выступления перед аудиторией Слета.

Среди участников много бывших алкоголиков, а также людей, у которых есть проблемы с пьющими родственниками. Некоторые ратуют за введение «сухого закона».

Проходили интересные занятия-лекции под руководством импозантного психолога-аналитика Владимира Коняева.

Я видел, как люди бросали курить в буквальном смысле слова, радостно кидая в пламя костра новенькие блоки сигарет.

Был устроен КВН, в котором команда гостей (я, пара минчан и парень-студент из Москвы) при поддержке ярославцев победила команду хозяев (жителей Бурятии).

Состоялась интересная экскурсия по монастырю, который сейчас активно строится и восстанавливается.

Понравилась походная вечерняя баня на берегу, устроенная в большой армейской палатке.

Расставались очень тепло, как родственники по духу, по здоровому и трезвому образу мысли и жизни.

Интересно, что участники слета, прощаясь с отъезжающими, проводят такую церемонию. Люди становятся в круг и соединяют вытянутые руки в его центре. Затем кричится: «Здравствуй! Здравствуй! Здравствуй! О-о-о!!!» И все руки радостно взлетают вверх.

КАК Я СТАЛ АВТОСТОПЩИКОМ

Со Слета трезвых сил я 8 августа 2006 г. на маршрутке уехал в Улан-Удэ.

Сдав на автовокзале рюкзак в камеру хранения, немного побродил по городу и посетил местный музей.

Узнал, что Улан-Удэ возник в 1666 г. и раньше назывался

Верхнеудинск. Погулял по симпатичному местному «Арбату».

Сфотографировал на главной площади города уникальный памятник Владимиру Ильичу Ленину, в виде огромной темно-серой головы с характерным восточным прищуром глаз.

Затем автобусом поехал в поселок Гусиное Озеро, где мне хотелось посмотреть старинный (основанный в 1741 г.) Тамчинский дацан (буддистский центр-монастырь).

Проезжая через городок Гусиноозерск, видел памятник сидящему Ленину. Это большая редкость, обычно всюду каменные Ильичи бодро стоят, а тут — сидит. Хотя, как известно, «...кто ж его посадит, он же памятник!».

Добрался до дацана, но там никого не оказалось. Все здания были закрыты.

Обошел по периметру прямоугольную, заросшую травой, территорию (по ходу часовой стрелки, т.е. по ходу солнца), крутя молитвенные барабаны (хурдэ) и кладя рядом монетки (пожертвования).

Каждый поворот барабана равнозначен многократному повторению написанной на нем древней тибетской молитвы.

Сфотографировал 2 храма (дугана) и священную реликвию — белую каменную ступу (субурган).

Тут подошел местный служитель, которого позвали игравшие поблизости бурятские дети. Он сказал, что старинный дуган сейчас реставрируется, и все служители на выездных молениях.

Я хотел уехать из поселка, но оказалось, что автобус пойдет только утром. И местный паровозик («мотаня») — тоже.

А между тем, ко мне стали проявлять большой интерес местные парни. Приглашали в гости и вежливо просили дать им немного денег или угостить пивом.

Поселок небольшой и малолюдный, так что я оказался в фокусе внимания его жителей.

Возникло огромное желание немедленно уехать, что я и сделал, остановив маленький японский грузовичок.

Водитель (бурят) посадил меня в кузов и довез до окраины.

Я быстро пошел по дороге прочь от поселка. И вскоре мне помог от него удалиться еще один бурятский грузовик.

Так я приобрел свой первый в жизни опыт езды автостопом.

Говорил водителям: «Здравствуйте! Можно с вами проехать сколько-нибудь БЕСПЛАТНО?». И успешно ехал.

Вскоре я сидел на шатком стуле внутри кузова-будки очередной грузовой машины и мчался в Гусиноозерск.

На окраине этого города я застопил новенькую «Тойоту» добродушного пожилого буряты Жосо, который очень удивился моей просьбе ехать бесплатно.

В пути рассказывал ему о сущности автостопа и о Туле, городе далекой Европы, в которой он никогда не был.

Во время общения Жосо шутливо спросил меня: «А ты, случайно, не европейский шпион, приехавший узнать наши бурятские тайны?»

К ночи прибыл в городок Иволгинск, что в 35 км от Улан-Удэ.

Заночевал в каком-то поле, на окраине, подальше от жилья.

Кстати, заметил, что большинство домов в бурятской провинции окружено высоченными заборами, за которыми грозно лают сторожевые псы. Видимо, здесь люди сильно боятся друг друга.

Было тепло, лунно и сухо.

Утром 9 августа, проснувшись, обнаружил вокруг себя (неподалеку) множество работающих в поле людей с тяпками.

Я поспешил покинуть это место. И вскоре, благодаря короткому автостопу, уже осматривал Иволгинский дацан — главный центр буддизма в России (построен в 1947 г.).

На его территории много молитвенных барабанов, храмов (дуганов) и жилых домов для обитателей монастыря.

Есть оранжерея со священным деревом Ботхи и небольшая ярмарка сувениров.

Главный храм очень красив снаружи и внутри. На первом этаже у стены — большая статуя Будды и множество статуй разных буддистских божеств. Все расписано разноцветными яркими красками.

На втором этаже (куда могут попасть только мужчины с

особого разрешения главы дацана) находится нетленное тело Хамбо-ламы Даши-Доджо Итигэлова (1852-1927).

Тело было извлечено из могильного саркофага (бухмана) в 2002 году, в соответствии с завещанием покойного. И сейчас является священной реликвией, которая выносится на всеобщее обозрение только 1 раз в году — на праздник Майдари-хурал.

Буряты очень гордятся этими святыми останками.

В одном из дуганов общительный монах Батор угостил меня тибетским чаем, и в беседе сказал, что «Настоящий буддизм — это свобода. Свобода от негативности, грехов и привязанностей».

Я подарил свои книги буддистской библиотеке дацана (крупнейшей в России).

Купил на память личный Флажок Удачи.

На маршрутках доехал до окраины Улан-Удэ.

Затем с трассы автостопом добрался до бесплатного паром в селе Татаурово. И переправился на нем через реку Селенга.

Очень красивое место, но близящаяся ночь и полное отсутствие автомашин не очень радовали. Мне же надо было достичь баргузинской трассы, чтобы с нее уехать на полуостров Святой Нос.

Решил идти пешком. Миновал селения Рейд и Острог. Дошел до поселка Кома. И вот, в Кома (о, счастье!) возник одинокий попутный грузовик. На нем по извилистой и ямистой грунтовке добрался до нужной дороги. И там успешно договорился с водителем пустого лесовоза «Камаз» Александром о продолжении путешествия.

С небольшими остановками ехали всю ночь.

После Гремячинска асфальт на трассе закончился и пошла ухабистая грунтовка. Навстречу часто шли перегруженные частные лесовозы, везущие первоклассные толстые бревна на продажу в Китай.

К утру я был уже в Усть-Баргузине, откуда вскоре бесплатный паром через реку Баргузин доставил меня на заповедную территорию полуострова Святой Нос.

НА СВЯТОМ НОСЕ

Святой Нос — это гористый полуостров, связанный с материком низким заболоченным перешейком. Он имеет форму большого носа (за что когда-то получил от казаков свое название) и входит в состав Забайкальского национального парка.

На полуострове есть много медведей, рысей и змей (к счастью, никто из них мне там не встретился).

Утром 10 августа я, сойдя с парома, оказался на дороге, ведущей вглубь полуострова. Там имелся шлагбаум и домик КПП.

Меня зарегистрировали и взяли сбор за посещение полуострова (30 руб/сутки).

Заплатил за трое суток (дали квитанцию), и на попутной машине (внутри большой будки) поехал по очень неровной песчаной дороге.

Машину сильно трясло все 20 км пути. Высадившись в живописном месте, обнаружил, что забыл на КПП пакет с одеждой и купленными в Усть-Баргузине продуктами. Пришлось возвращаться назад.

Часа 2 ждал попутку, и опять дикая медленная тряска по жалкому подобию дороги.

Забрав свои вещи на КПП, вернулся (пешком и автостопом) на полуостров, и поставил палатку на великолепном песчаном пляжном берегу Баргузинского залива (самого большого на Байкале).

С удовольствием купался, вода была умеренно холодной.

Вдоль берега — удобные места для стоянок, многие из которых заняты автотуристами. Почти все люди с лодок ловят рыбу.

Чудесное место для отдыха и рыбалки.

Вдали видны покрытые облаками горы.

На следующий день автостопом пересек перешеек полуострова и добрался до местечка Монахово, что уже на Чивыркуйском заливе.

Оттуда по горной тропе пошел пешком к бухте Змеиной, до которой было 20 км.

Хорошо размеченная тропа шла по лесистым склонам вдоль берега, иногда выходя к бухточкам с небольшими пляжами и селениями (Катунь и Курбулик).

К вечеру достиг песчаной бухты Окуневой, где и заночевал.

Рядом поставили палатку двое туристов из Праги — Вильям и Давид. С ними я познакомился по дороге.

У чехов было немного свежей рыбы (угостили рыбаки), и мы ее запекли на углях костра, предварительно посолив и поперчив. Получилось очень вкусно.

Пока Вильям готовил рыбу, Давид, раздевшись, бродил во тьме с фонариком по слегка заболоченному мелководью бухты. Он упорно искал уплывшую туда пластиковую бутылку с водкой. Но не нашел.

12 августа почти весь день моросил дождь, и я спал в палатке.

Чехи делали то же самое, а также активно пили найденную в воде водку. И еще — пиво, которого у них в рюкзаках было огромное количество.

Ближе к вечеру, когда дождик кончился, я быстро собрал палатку и устремился к Змеиной (чехи остались ночевать на том же месте), до которой вскоре благополучно дошел.

Там я неожиданно встретил сразу 12 (!) туляков.

Они увидели надпись «Тула» на моем рюкзаке и с радостью пригласили меня к своему костру на чай.

Молодые туристы-водники (парни и девушки). Сплавились по бурятской реке Снежной. И вот приплыли на катере (незадолго до моего появления) в бухту Змеиную отдохнуть.

Узнал от земляков о горячем Змеином источнике неподалеку. И ночью, светя фонариком, отправился туда по горной тропинке.

Шел почти час. И с удовольствием погрелся в этой целебной купели (погружался в источник 3 раза, каждый сеанс — 15 минут).

Вода градусов под 40, приятная, чуть маслянистая, с характерным серным запахом.

Принимал процедуру вместе с двумя местными ребятами — матросами одной из яхт.

Напарившись, как в бане, вернулся к своей палатке, рядом

с которой встал на ночную стоянку частный туристический катер.

На этом судне я ранним утром следующего дня и уплыл со Святого Носа к берегам славного острова Ольхон.

ГИДРОСТОПОМ ПО БАЙКАЛУ

В воскресенье 13 августа 2006 г. в 7 часов утра я поднялся на борт небольшого частного катера, стоявшего на ночной стоянке в бухте Змеиной полуострова Святой Нос.

Накануне вечером капитан (Геннадий) и старший группы туристов (Марк) любезно согласились доставить меня бесплатно к паромной переправе через пролив Ольхонские Ворота (у острова Ольхон).

На остров я хотел попасть водным путем, поскольку по суше ехать было очень далеко (пришлось бы огибать весь южный Байкал). А расстояние по воде составляло примерно 250 км.

В команду катера входили капитан, матрос и кок.

Пассажиров на борту было 10 человек — супружеская пара из Иркутска и 8 человек из Москвы.

Катер совершал по Байкалу 9-дневный круиз, причем маршрут его определяли сами туристы.

На озере были волны, и катер немного качало.

Капитан пригласил меня погреться в рулевую рубку и угостил кофе.

Прошли мимо 4-х Ушканьих островов, что в 7 км от Святого Носа.

И тут резко забарахлил двигатель. Малым ходом направились к острову Большой Ушканый, и встали там на вынужденную стоянку (к огромной внутренней радости пассажиров).

Это особо охраняемая заповедная территория, поскольку на ней устраивает свои лежбища нерпа (уникальный байкальский тюлень).

Высаживаться на острове можно только по специальному разрешению, за которое берут значительные деньги.

Ежегодно здесь бывает не более 150 туристов.

И вот, вместе с другими пассажирами, (пока ремонтировался катер) я 1,5 часа без разрешения и бесплатно бродил по за-

поведному берегу Большого Ушканьего.

На острове имеются уникальные реликтовые растения и огромные муравейники. Берег украшают красивейшие мраморные скалы и россыпи гальки удивительных форм и расцветок.

Взял на память несколько камешков.

Нерпы не было — из-за волн она ушла в воду. Это очень пугливые животные.

К катеру подошла лодка охраны, которая привезла нам еще 2-х пассажиров — японского биолога Юко и его переводчицу.

Японец завершил на Ушканьих научные исследования поведения нерпы, и хотел с помощью нашего судна побыстрее добраться до Иркутска. При себе он имел огромное количество сумок с вещами.

Вскоре катер благополучно отчалил от острова, но скорость движения (из-за неважного состояния двигателя) была мала.

Шли по Байкалу весь день, до полуночи.

Японский ученый почти все время трогательно стоял в наушниках (с замысловатой антенной в руках) на верхнем мостике — хотел по сигналам обнаружить буюк с ценной аппаратурой, который у него навсегда уплыл в просторы Байкала.

Гостеприимные обитатели катера угощали нас чаем, кофе и вкусной едой.

Жаль только, что все горячие блюда (а также салаты) содержали мясо, которое я не ем. Так что, мне пришлось довольствоваться вяленой рыбой, печеньем и орехами.

А мясную пищу я уже несколько лет не употребляю потому, что считаю плоть ТЕПЛОКРОВНЫХ животных вредной для собственного здоровья.

Дело в том, что эти животные остро чувствуют боль и страдания, испытывая перед смертью (и в ее момент) сильнейшие страх, стресс и безысходность. И эта очень негативная информация (через кровь) молниеносно распространяется по всему телу, запечатлеваясь в мясе.

Поэтому поедание такой пищи (на мой взгляд) наполняет человека энергией смерти, старения, страха, разрушения, болезней, безысходности и агрессии.

А вот в мясе хладнокровных животных (например, рыб) негативной информации значительно меньше.

Так что, если организму требуется белковая пища, ее в нужной мере могут дать рыба, бобовые, творог, грибы и орехи.

Ну и, с позиции гуманности, УБИЙСТВО животных столь высокого уровня развития — это, безусловно, жестокость нашей цивилизации.

Поэтому употребление мяса я считаю (если называть вещи своими именами) одной из форм людоедства.

Однако вернемся к моему байкальскому гидростопу.

Капитан разрешил мне (пока команда обедала) постоять за штурвалом, и я 15 минут с удовольствием рулил по Байкалу.

Вечером было пасмурно, но закат смотрелся великолепно.

Прошли мимо острова Ольхон.

И после долгих 17-ти часов пути наконец встали на якорь в заливе Мухор в Малом море.

Я ночевал в своей палатке на берегу. А утром тот же катер любезно довез меня до бесплатной паромной переправы на Ольхон.

С благодарностью подарил пассажирам катера несколько своих книжек. И отправился на паром.

ОЛЬХОН — СЕРДЦЕ БАЙКАЛА

Ольхон — самый большой из островов Байкала (длина его 72 км, максимальная ширина — 15 км), имеющий тектоническое происхождение.

Это географический, исторический, сакральный и культовый центр озера, по праву называемый его сердцем.

Остров экзотически красив, романтичен и своеобразен. Он имеет форму большой ноги, носок которой (величавый мыс Хобой) указывает строго на север, а пятку венчает священная гора Жима — главная вершина острова (1274 м).

Недалеко от этого места озеро Байкал имеет свою наибольшую глубину — 1637 м.

Ольхон — самое светлое (солнечное) место России и Азии.

По количеству ежегодно получаемого солнечного света

остров занимает 2-е место в мире, уступая только высокогорному швейцарскому курорту Давос.

На Ольхоне нет опасных хищников и очень мало комаров.

Идеальное место для тренировок начинающих туристов.

Летом погода всегда благоприятная. Заблудиться невозможно: стоит подняться на вершину любого большого холма — и сразу видишь оба берега острова и материковые берега.

Местные жители (их около 1200 человек) обитают, в основном, в центральном поселке Хужир, где есть рыбзавод и много магазинов, гостиниц, турбаз.

Имеется там и полупрофессиональный музей, созданный ольхонскими краеведами и школьниками, в котором среди экспонатов я видел настоящий тульский пряник и коллекцию тульских самоваров.

Есть на Ольхоне небольшие бурятские селения (улусы), которые пребывают в заброшенности.

Остров изобилует заливами, причудливыми бухточками, гротами, живописными утесами, мысами и очень фотогеничными береговыми обрывами.

На холмах высятся многочисленные каменные пирамидки — обо (жилища духов-хозяев местности).

На сэргэ (священных шаманских столбиках-коновязях) развеваются цветные ленточки.

Рядом лежат пожертвования — монетки, сигареты, спички, зажигалки и другие мелкие предметы, оставляемые туристами.

Ольхон считается центром зарождения шаманизма.

По преданию, именно здесь поселился первый шаман Земли.

Рядом с поселком Хужир находится знаменитый мыс Бурхан (двухвершинная скала Шаманка из белого кристаллического известняка), являющийся одной из 9-ти главных святынь Азии.

В скале имеется сквозная труднодоступная священная пещера.

Очень красивое и особо почитаемое с древности (шаманистами и буддистами) культовое место.

Микроклимат острова, его флора и фауна уникальны.

Здесь найдено много следов пребывания древних людей (курукан).

Я видел остатки старинной каменной крепостной стены.

В юго-западной части Ольхона находятся каменистые степные холмы (типичный монгольский ландшафт).

А потом идут гористые сосновые леса, к которым постепенно примешиваются участки с лиственницами и березами.

Юго-восточный берег высок, скалист и неприступен. Северо-западный берег пологий, местами он представлен песчаными дюнами.

Я провел на острове 8 незабываемых суток (с 14 по 22 августа).

Вдоволь набродился с рюкзаком по степным и лесистым склонам, каменистым холмам, сухим падам, руслам высохших ручьев и сосновым буреломам. Лакомился брусникой. Ночевал на вершине горы, на скалистом и песчаном берегах, а также в лесу.

Парился в самодельной прибрежной бане.

Видел зайцев, лису, тетеревов и белок.

В степной части Ольхона много нор сусликов и, летающей как бабочки, саранчи.

Еще на острове живут большие любопытные муравьи (размером 12 мм).

По пастбищам и дорогам степенно ходят (без пастухов) лошади, коровы и овцы.

Первую ночь на Ольхоне я решил провести на вершине одного из самых высоких степных холмов. В сумерках забрался на него, неся с собой запас дров. И обнаружил на камнях вершины... стальную лошадиную подкову. Хороший знак!

Было тепло и звездно. Вдали слышались звуки музыки.

Спал без палатки, прикрыв спальник пленкой.

Но к утру похолодало. И я встретил рассвет, сидя у костра.

Ольхон только год назад приобщился к электричеству (проевели кабель по дну Байкала), которое здесь отсутствовало с советских времен, по причине хищения проводов в период перестройки.

На острове имеется сеть грунтовых дорог, по которым ту-

ристы катаются на автомобилях и велосипедах.

Много иностранцев, едущих сюда автобусами из Иркутска.

Очень впечатлили меня эффектный красно-белый скальный массив «Три брата» (мыс Саган-Хушун) и суровый мыс Хобой, имеющий вид большого клыка (священное место для медитаций и поклонения разных современных духовных школ).

У «Трех братьев» я оказался вечером. Тишина. Ни души.

Снял рюкзак и смело полез вверх по рискованно отвесному пути.

Забраться туда смог без проблем, а вот спуститься обратно...

Сижусь на плоской площадке и думаю, как теперь быть?

Скинул вниз обувь, босиком слезать удобнее. Но, если нога соскользнет с крутой наклонной плоскости, лететь вниз на острые камни метров пять... Очень не хочется.

Вот, если чем-нибудь расковырять известняк и сделать углубление, можно, ухватившись за него рукой, отпрыгнуть в сторону — на безопасное место...

И тут я вспомнил о маленьких ножницах, находившихся у меня в поясной сумке для денег и документов. Эти ножницы меня спасли!

Благополучно спустившись, решил больше так здоровьем не рисковать, выбирая в дальнейшем безопасные маршруты.

Кстати, на Ольхоне много красивых обрывистых склонов с глубокими пропастями, в которые очень хочется заглянуть и сфотографировать байкальский прибор внизу. Но, если быть нетрезвым и неуклюжим...

От «Трех братьев» пешком дошел до самой северной точки острова — мыса Хобой (в переводе с бурятского «Хобой» означает «Клык»).

По пути видел еще один добрый знак — крупную белую птицу, сидевшую на вершине скалы. А ведь символ острова — мистический белый орел, считающийся хозяином Ольхона.

Величественный мыс Хобой — потрясающее место.

Настоящая природная каменная святыня.

Я даже почтительно снял кепку и спрятал ее за пазуху.

Рядом на холме высится жертвенный столб сэргэ, густо обвязанный разноцветными лентами. Между лент торчат денежные купюры.

Вокруг вся земля густо усыпана пожертвованиями — монетами и разными мелкими вещами.

По узкому перешейку я с холма перебрался на сам клык, сосредоточенно размышляя о том, какой предмет мне пожертвовать у священного столба. «Можно оставить здесь мою книгу «Целебные стихи» — будет хорошая реклама», — горделиво думал я. И, возвращаясь назад, перепутал тропинки — стал спускаться по наклонному пути, ведущему... в глубокую пропасть.

Из состояния задумчивости меня вывело большое количество мелких камней, начавших сыпаться вниз из-под ног. Осторожно полез назад, и вскоре перебрался на правильную дорожку.

Увидел сбоку в скале прямоугольный сквозной проем, за которым был резкий обрыв. Почему-то захотелось высунуться из этого большого окна, цепко держась руками за каменные стены (низ проема имел сильный наклон наружу). Получилось!

Медленно вылез из таинственного проема.

И в этот момент тишину вечера внезапно нарушил шорох ветра.

Я огляделся и с удивлением заметил, что над островом сгустились мощные дождевые тучи. И вдали, над священной горой Жимой, уже вовсю бушует сильный ливень. А ведь совсем недавно ничего подобного вокруг не было.

«Неужели это я нашаманил своим лазанием?» — пронеслась в мозгу дерзкая мысль.

Для солнечного и сухого Ольхона такая ненастная летняя погода — большая редкость.

Надо было срочно искать безопасное укрытие.

Достал из-за пазухи кепку, надел ее и поспешил в глубь острова.

Но, когда я пробежал мимо жертвенного столба, мощный порыв ветра сорвал с меня головной убор и унес в пропасть.

Вот и пожертвование...

Потрясенный случившимся, я под мелким дождем не-

сколько километров шел на юг вдоль берега с непокрытой головой.

Стало быстро темнеть. Спрятаться от усиливающихся дождя и ветра было практически негде.

Заметил растущую у основания скалистой стены одинокую лиственницу, и поспешил укрыться под ней.

Накинул полиэтилен на торчавшую горизонтально ветку, и, с помощью камней и прищепок, устроил пленочный шалаш.

В нем и продремал всю ночь.

А утром над Ольхоном опять мирно сияло яркое солнышко.

В местечке Узуры я встретил земляка из города Суворов Тульской области.

В Узурах купил у местных жителей рыбы (копченой и свежей).

А то последние два дня я питался лишь гречкой, солью и чаем.

Хлеб мне удалось приобрести только в центральном поселке Хужир. А по дороге туда мои голодные глаза наблюдали трогательную сцену кормления туристами коров буханками свежего хлеба.

Я передвигался по острову пешком и автостопом.

Побывал на целебном мелководном озере Шара-Нур (помочил в нем ноги) и на прибрежном озере Ханхой.

Уехал с Ольхона также автостопом, вместе с дружной семьей 4-х иркутян, которые в пути угощали меня вкусной голубикой и дали при расставании пять копченых рыб (хариусов).

Кстати, автомобиль этой семьи я стопил в разных местах острова аж 2 раза, с разницей в двое суток!

Подарил этим доброжелательным людям на память свои книги.

ПЕШКОМ ПО СТАРОЙ КБЖД

В полдень 28 августа 2006 года я выехал автостопом из Иркутска в поселок Листвянка, намереваясь посетить старую Кругобайкальскую железную дорогу (СКБЖД).

Кстати, в одной из подвозивших меня машин оказался приветливый парень, недавно вернувшийся из Тулы со службы в десантной дивизии.

Проехав 68 км, добрался до пристани «Рогатка» в Листвянке, откуда на пароме «Байкальские воды» поплыл через исток Ангары в порт «Байкал».

Плотная тетка с сигаретой в зубах, ловко выполнявшая обязанности матроса и кондуктора, обеспечила меня билетом за 28 рублей.

СКБЖД — это участок Транссибирской магистрали, который после строительства плотины Иркутской ГЭС и затопления в 1956 году берегов Ангары (где шел прежний железнодорожный путь) утратил свое транспортное значение и стал тупиковым.

Основная железная дорога от Иркутска до Слюдянки теперь проходит западнее, по горному рельефу.

А модернизированная СКБЖД превратилась в действующий уникальный памятник инженерно-технического зодчества и популярный туристический объект.

Сейчас здесь от Слюдянки до порта «Байкал» и обратно (по однопутной железнодорожной ветке) изредка курсируют туристические экспрессы, рабочие тепловозы и местный пассажирский поезд «мотаня», состоящий из 4-х вагонов.

СКБЖД строилась в период 1902–1905 гг.

Здесь вручную пробито 40 горных тоннелей, сделано множество галерей, мостов, водоотводов и каменных подпорных стен. При этом использовался труд вольных рабочих и ссыльных поселенцев.

Я прошел всю СКБЖД (84 км) от порта «Байкал» до поселка Култук (что рядом со Слюдянкой) по шпалам за 3-е суток.

Дорога тянулась по живописному берегу Байкала, вдоль великолепных скал, кое-где «украшенных» памятными надписями туристов и брошенным ими мусором.

Ночевал в палатке. Погода до последнего походного дня была теплой, и я с удовольствием окунался в чистую ледяную воду озера.

Был штиль, и однажды мне посчастливилось увидеть с бе-

рега нерпу, мирно плывшую в 30-ти метрах от меня.

Фотографировал «мыльницей» чудесные байкальские пейзажи и входы в закопченные изнутри тоннели, самый большой из которых (возле станции Половинная) имеет длину 778 м.

Кстати, на Половинной стоит, в виде памятника, настоящий, хорошо сохранившийся, паровоз.

Изредка вдоль дороги встречались турбазы, маленькие железнодорожные станции и обитаемые сельские подворья.

В последний день путешествия (31 августа) резко похолодало, и на Байкале начался шторм. Так что, я шагал к «финишу» и варил на костре обед под моросящим дождем.

На станции «Старая Ангасолка» посетил неожиданно появившийся на моем одиноком пути Рериховский Центр с симпатичной выставкой картин-репродукций.

Узнал, что ровно 80 лет назад именно здесь проходила часть маршрута Центрально-Азиатской экспедиции Николая Рериха.

Со станции Култук началась современная цивилизация.

И там, на южном краю Байкала, мой пеший железнодорожный поход благополучно завершился.

«ДОМ КРОТОВА»

В славном транзитном городе Иркутске я жил в «Доме Кротова», который Антон Кротов снимал на улице Некрасова, что рядом со сквером им. Кирова — самым центральным местом города.

Дом был старый бревенчатый (типа «изба»), черный, покосившийся и двухэтажный.

На первом этаже жили дворники-пьяницы. А на втором — трезвенники-путешественники, во главе с Антоном Кротовым.

Кротовская часть дома имела широкую лестницу, небольшую прихожую (с ручкомойником), кухню (с электроплиткой), чулан, балкон и большой зал.

В зале находились шкафы с книгами и туристическими вещами.

Стены были украшены фотографиями, листами с разной

полезной информацией и картой мира, отображавшей маршруты путешествий Кротова и других членов АВП («Академии Вольных Путешествий»).

Туалет (в виде двух дощатых домиков) находился во дворе.

Там же была устроена летняя «баня» — отгороженный досками закуток для обливания себя водой.

Благодаря Антону, в доме мог бесплатно ночевать любой трезвый путник, соблюдающий порядок и чистоту.

Адрес дома Кротов давал заинтересованным людям по сотовому телефону. А номер телефона можно было узнать из многочисленных объявлений, развешанных на улицах города.

В этих листках была информация об АВП, кротовских книгах и самом Антоне Кротове, а также о том, что по средам в 19.00 проводятся интересные тусовки-чаепития.

На тусовки приходили как местные граждане, так и путешественники из разных городов и стран.

Антон увлекательно рассказывал о своих поездках, показывал многочисленные фотоальбомы, продавал желающим книги.

Я немного помогал Кротову в расклейке объявлений.

Делалось это при помощи пластиковой бутылки-брызгалки с клейстером, который Антон варил по собственной технологии.

В «Доме Кротова» я познакомился с двумя студентами МВТУ им. Баумана (братьями Щукиными), один из которых учится сейчас на той же самой кафедре, на которой когда-то учился я!

Встретил тут и двух друзей из братской Чехии, с которыми ранее тепло общался на Святом Носе.

Очень интересным было знакомство с двумя литовскими путешественниками — Мариусом и Юстасом.

Ночевали в доме также автостопщики из Белоруссии, Украины, из Питера, Москвы и других городов.

Народ приносил продукты, готовил еду, ходил за водой, следил за чистотой в доме. Можно было спокойно оставлять свои вещи — ничего не пропадало (по крайней мере, у меня).

Главным продуктом питания была гречневая каша.

Это полезная и очень удобная в приготовлении еда — она не подгорает, не требует перемешивания и разных кулинарных

процедур.

А чтобы гречка была аппетитнее и не приедалась, к ней добавляются по вкусу майонез и кетчуп.

Спали все на полу — на ковриках-пенках, в своих спальниках.

БАЙКАЛ — ЭТО ЧУДО СВЕТА

26 июля 2006 года, в поселке Листвянка, куда меня доставил из Иркутска рейсовый автобус, я впервые увидел самое глубокое и древнее пресноводное озеро мира — Байкал.

И в душе навсегда поселилась любовь к нему и чувство восхищения красотой и мощью этого славного творения Природы.

В Байкале есть особая первозданная чистота и огромная физическая и духовная сила. И не зря его, еще с древних времен, называют Морем. Да не простым, а Священным.

За месяц пребывания на Байкале, я посетил много живописных мест его южной части, побродил по прибрежным лесам и горам, по песчаным, галечным, скалистым и укрепленным дамбами берегам, побывал на заповедном полуострове Святой Нос и на сказочных островах Ольхон и Большой Ушканий.

И всюду — завораживающая краса неба, воды и земли.

Всюду — волшебная энергетика скал, камней, деревьев и трав.

Всюду — целебный байкальский воздух.

Есть научная гипотеза, что Байкал — это зарождающийся океан. Его берега очень медленно расходятся в стороны.

К тому же озеро расположено в зоне большой сейсмической активности. Так что, по сути — оно огромный живой, непрерывно меняющийся, организм.

Байкальская вода очень вкусна. Ее можно брать для питья и приготовления пищи прямо с берега, что и делают все туристы и местные жители.

В Байкале находится 80 % российских запасов экологически чистой пресной воды (это 20 % ее общемировых запасов).

В озеро впадает более 330 рек, а вытекает из него только одна Ангара (по легенде — это дочь Байкала).

Озеро богато рыбой. Только здесь водится знаменитый омуль.

Я попробовал эту рыбку в вяленом и в малосольном виде, после холодного и после горячего копчения.

Купался в летнем озере, как в зимней проруби.

Окунаешься с головой в обжигающе холодную воду — и пробкой выскакиваешь на берег.

Среднегодовая температура поверхности воды составляет примерно + 4 градуса.

Нрав у Батюшки-Байкала очень суров и переменчив.

Его долины, устья рек, горы и пади постоянно рождают ветры, которые имеют свои названия.

Среди них — самые сильные штормовые ветры Сарма и Култук, а также знаменитый (воспетый народом) ветер Баргузин.

Байкал со всех сторон окружен горами, и находится над уровнем моря на высоте 456 м.

Его длина составляет 636 км.

Наибольшая ширина — около 80 км, наименьшая — 27 км.

Тот, кто хоть раз в жизни побывал на Байкале, не забудет этого никогда.

Знакомство с байкальским краем дало мне повод для размышлений о будущем этого неповторимого региона.

Риску предположить, что вскоре именно здесь зародится грядущая земная цивилизация.

Есть гипотеза, что достаточно скоро (к 2015 г.) наша нынешняя техногенная цивилизация, переживающая сейчас глубочайший кризис, прекратит свое существование. И уступит место новой, молодой, более гармоничной (психогенной) цивилизации.

Как (в какой именно форме) это произойдет, я не знаю.

Возможно путем быстрых глобальных природных катаклизмов (процессов самоочищения Земли).

Однако физический облик планеты должен кардинально измениться, преобразиться.

Думаю, что человечество при этом полностью не погибнет. И определенная часть его поселится в Сибири вблизи Байкала.

Наверное, именно для этой цели Природа бережно сохраняет для нас такие огромные СТРАТЕГИЧЕСКИЕ запасы чистой питьевой воды, а также безлюдные обширные сибирские территории, до сих пор почти не загрязненные многочисленными отходами научно-технического прогресса.

АВТОСТОПОМ ИЗ ИРКУТСКА В ТУЛУ

В начале сентября, завершив путешествия по Байкалу, я собрался возвращаться из Иркутска в Тулу.

Финансов осталось мало (практически, только на еду), и было решено ехать автостопом.

Трехнедельный опыт таких поездок у меня уже имелся (проехал по Прибайкалью около 500 км).

К тому же уверенность в успехе внушало общение в Иркутске с опытными московскими, питерскими, украинскими, белорусскими и литовскими автостопщиками.

Купил на рынке яркую желтую куртку, отправил домой посылку с «лишними» вещами, хорошенько выспался — и вперед!

3 сентября, воскресенье

Солнечным утром, выйдя (на окраине Иркутска) на красноярскую трассу, быстро застопил японскую легковушку.

Но проехал на ней совсем немного (водитель свернул на Ангарск).

Дальше — еще одна японская легковая. И недолгий разговор с офицером Андреем о мировой политике.

Следующей машиной стала черная «Ауди» с двумя добродушными дядьками кавказской внешности. С ними ехал до райцентра Тулун.

По пути встречалось много продавцов меда (120 руб/кг) и крупной местной картошки (10-15 руб/кг).

Оказывается, здесь совсем нет колорадских жуков (их личинки не могут зимовать в местной почве).

Когда проезжали деревню Тулюшка, дядьки шутили: «Почти Тула!».

Из Тулуна долго не мог уехать. Несмотря на мою очень

удобную позицию, никто не останавливался.

Позднее я узнал от водителей, что у этого места дурная слава — раньше здесь случались нападения на транзитные машины.

Добрый дедушка на ржавом «Москвиче» довез до окраины городка. И там меня быстро взяла иномарка, в которой семья из Нижнеудинска (папа, мама и сын) ехала домой.

Дорога шла плохая — пыльная неровная грунтовка.

И это называется — федеральная трасса М53!

Как мне сказали, здесь из-за сейсмичности часто смещается грунт, так что нет смысла делать хорошую дорогу (все равно испортится).

С окраины Нижнеудинска (уже в сумерках) меня подобрал японский микроавтобус с транзитными номерами. Его перегонял из Приморья в Краснодар молодой водитель Толик.

Довез меня до большого мотеля, что у поворота на Алзай. Там он заночевал, а я пошел в ближайший лес — жечь костер, кушать лапшу «Ролтон» и пить чай.

Спал на траве, постелив пленку и коврик-пенку.

4 сентября, понедельник

Около 6 часов утра на выезде с автостоянки мотеля меня взял с собой еще один перегонщик «японок» — веселый красноярец Николай.

Непринужденно болтая, миновали Канск и Красноярск, а также проехали по трассе еще 40 км (Коля ехал в какой-то поселок).

Потом были «Камаз», «ЗИЛ», обшарпанный деревенский автобус и еще две машины.

И вот, к вечеру, я оказался в поселке Итатский Кемеровской области. Там познакомился с парнем Сашкой из Ленинска-Кузнецкого, который без вещей, документов и денег автостопом возвращался домой из гостей. Он имел на лице шрам и то и дело повторял свою любимую фразу: «Вот тебе и пожалуйста!».

Пытались уехать вместе, но, увы...

Ужинали у костра (моими продуктами), и ночевали в траве,

утеплившись моим туристическим снаряжением.

5 сентября, вторник

Долго стопили. И только к полудню нас забрал «Камаз».

Сошли под Мариинском.

В сам городок заезжать не стали, поскольку узнали, что он пользуется у транзитных водителей дурной (бандитской) славой.

Пообедали хлебом и чаем. И вскоре уехали на иномарке с мужчиной, везшим из тайги мешки с кедровыми шишками.

Кемеровская трасса очень хороша, но изобилует горками и поворотами. Лихо разогнавшись, наш водитель превысил скорость, и был за это оштрафован бдительным инспектором ДПС.

Затем до Кемерово нас вез на грузовичке общительный мужик Михалыч. Он же прокатил меня и Сашку по этому трудовому запыленному городу, высадив нас рядом с новосибирской трассой.

Там я простился с попутчиком, и вскоре уже сидел в комфортабельной кабине фуры «Вольво».

Разговорчивый (некурящий!) новосибирец Игорь вез в родной город пластиковые окна.

Игорь рассказывал мне о своей интересной жизни и работе в Монголии, а также откровенно делился подробностями личной жизни.

Кстати, во время поездки многие водители охотно говорили со мной о своих интимных делах. И вообще о женщинах.

Поздним вечером (вскоре после сытного ужина в придорожном кафе) я сошел у въезда в Новосибирск.

Светя фонариком, установил в лесочке палатку, и лег спать.

6 сентября, среда

Утром проснулся от сильного холода. Ночью был заморозок, и на траве вокруг лежал иней.

А накануне днем в Кемерово было очень жарко.

Пошел в город, купил продуктов. И стал добираться до омской трассы. Это оказалось делом очень трудным, поскольку поч-

ти все останавливавшиеся городские машины не хотели везти меня бесплатно. А многие ехали в другие места Новосибирска.

Все же, ко второй половине дня, достиг цели автостопом, используя легковушки и рейсовые автобусы.

На трассе остановил белую голландскую фуру «Даф» с омскими номерами.

Дальнобойщик Сергей (бывший школьный учитель) сначала показался мне угрюмым, но потом я от души смеялся над его остротами.

Ночью остановились на отдых, не доехав до Омска 80 км.

Я спал в кабине фуры на 2-й полке.

7 сентября, четверг

Вышел под Омском, и на «Камазе» добрался до трассы на Челябинск.

Сев в легковушку, узнал от водителя, что еду... в Казахстан!

Оказывается, я попал на старую челябинскую дорогу, что идет через казахский город Петропавловск.

Встреча с ближним зарубежьем не входила в мои планы, поэтому пришлось срочно возвращаться назад. И покидать Омск уже с тюменской трассы, по которой, в объезд Казахстана, шли все дальнбойные фуры.

Застопил новую грузопассажирскую «Газель» с медицинским оборудованием, которую перегонял в Питер флегматичный парень Саша.

У него была подробная компьютерная распечатка пути следования (с точным указанием населенных пунктов и расстояний), а карты маршрута не было.

Так что, мы внимательно изучали все дорожные указатели. И постепенно двигались вперед.

В пути я часто повторял про себя слегка измененную фразу Шуры Балаганова из «Золотого теленка»: «Мы здоровы, мы сыты, мы едем. И, может быть, впереди нас ждет счастье».

В Курганской области, дороги которой были гораздо хуже омских, мы встали на короткий ночлег.

В небе наблюдалось симпатичное лунное затмение.

8 сентября, пятница

Утром поехали дальше, но вскоре водитель захотел еще поспать.

Я же был весьма бодр, и пошел в ближайший лес, готовить на костре завтрак.

Выспавшись, Саша выпил чая (от еды он отказался, сказав, что в дороге худеет). И довез меня до Каменска-Уральского Свердловской области.

Дальнейший путь сашиной «Газели» к Питеру лежал через Пермь и Вологду.

Я же намеревался ехать в Тулу гораздо южнее (через Челябинск, Уфу, Самару, Пензу и Рязань).

Далее меня подвозили: каменско-уральский бескорыстный таксист и вежливые подростки на «Жигулях». Последние, чтобы я достиг нужного места на трассе, даже значительно удлиннили свой маршрут.

И вот, я уже знакомлюсь с Евгением из Татарии, интеллигентным водителем «КамАЗа».

С ним поехал через Башкирию на Казань. То есть, севернее, чем ранее предполагал.

В Челябинской области проезжали Карабаш — один из самых экологически грязных (по словам водителя) городов России (и мира).

Гигантские горы токсичных отходов, оранжевые ядовитые ручьи, затянутое дымом угрюмое низкое небо...

В 2 часа ночи, остановились немного поспать.

9 сентября, суббота

В Башкирии хорошие дороги и очень аккуратные села с разноцветными домами и заборами.

Много автоматических насосов-качалок, добывающих нефть.

Надписи на указателях на двух языках (в Татарии, кстати, тоже).

За Казанью (на трассе М7) простился с Евгением. И немного проехал на легковушке добродушного пенсионера из Ульяновска.

Далее, прицепив к рюкзаку желтый плакатик «71» (в надежде встретить земляков из тульского региона), остановил «Даф» с нижегородскими номерами.

А числовой номер фуры (бывают же такие совпадения) оказался 071!

Водитель Виктор выглядел очень бесшабашно, но вел машину по сложным чувашским дорогам, как настоящий профи.

По его словам, самые непредсказуемые водители — в Чувашии.

После городка Цивильска пошел мелкий противный дождик.

Ночевали на огромной стоянке, где я впервые увидел фуру с тульскими номерами (ее хозяин спал).

10 сентября, воскресенье

Виктор высадил меня у городка Лысково Нижегородской области (там у него были какие-то дела).

Я быстро застопил местную фуру «Ивеко», но вскоре ей надо было уходить с трассы.

Сошел на повороте, и зашагал по очень длинной эстакаде вперед — выбирать подходящее место для стопа.

Мимо проносятся десятки машин. И вдруг — тормозит знакомый нижегородский «Даф»!

Водитель Виктор узнал мой плакат на рюкзаке, и вновь гостеприимно распахнул дверцу своей кабины.

Под Владимиром, куда он вез груз, этот общительный дальнбойщик по радиации связался со своим молодым земляком Сергеем, и оперативно пересадил меня на фуру «Скания», шедшую в Москву.

Выйдя у Малой Дубны, я перебрался на 3-ю московскую кольцевую дорогу. И взял курс на Серпухов.

Ехал на легковушках, на огромной американской фуре «Фрэд», на фуре «Вольво» с калининградскими номерами, и даже на «Оке».

И вот, уже поздним вечером, я обреченно «голосую» под Серпуховом у выезда на скоростную тульскую трассу, во тьме освещая себя фонариком.

Никто не останавливается. А дом так близок!

Слава Богу, тормозит желтая тульская «Газель». Молчаливый водитель, под непрерывную музыку магнитофона, довозит меня до конечной остановки тульского троллейбуса.

На часах 23.30. ФИНИШ!

Очень утомился, но душа радуется.

Троллейбус идет в парк, и подвозит меня только к остановке «ул. Луначарского». С удовольствием плачу за проезд.

Выйдя, сажусь в маршрутку. И вскоре буквально доползаю до дома.

Ура! Путешествие завершилось. За 8 суток я проехал авто-стопом через 16 регионов России, преодолев более 5 100 км.

На питание в пути потратил около 800 рублей (привез с собой в Тулу 160 рублей).

Хочу сказать огромное СПАСИБО всем водителям, подвожившим меня.

Здоровья вам, ребята, хороших заработков и безопасной дороги!

Олег Пантюхин

Олег Викторович Пантюхин родился 12 августа 1978 года в г. Щекино Тульской обл. Кандидат технических наук, доцент Тульского государственного университета, директор издательства Тульского государственного университета. Свои первые стихи написал в 1998 г. С 2000 г. стихи публикуются в районной газете «Щекинский вестник». Стихи публиковались в литературных альманахах «Солова», «Поэтическое братство», «Отчий край», «У засечной полосы». Член редколлегии межрегионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». В 2007 году вышел его первый сборник стихов «Серебряный

дождь».

Живёт в г. Туле.

Стихи

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Всему свой срок, всему свой час,
Всему свое мгновенье.
Когда Любовь застигнет нас-
Всевышнего творенье?

Среди планет, среди миров
Она в тиши витает,
А как найдет нас - в тот же час
Наш дух преображает.

Она тебя застанет там,
Где ты не ожидаешь.
Ты спросишь: «Как же угадать?»,
Но сам Ее узнаешь.

Она придет как солнца луч,
Как первый день весенний,
Как озаренье, ведь она-
Вселенной дуновенье.

Но ты не думай, что тебе
Спокойно заживется.
Тебе теперь не есть, не спать,
Бороться и бороться.

Пройти в пути сто тысяч миль,
Ползти за метром метры,
Перенести обид ветра,
Разлуки километры.

И захотят свести с пути
Тебя все силы злые.
Одно запомни: ты иди-
Любовь прикроет спину.

И если будешь сердцем чист
И мыслями прозрачен,
Надейся, верь, люби и жди -
Придет к тебе удача.

А если в жизни ты придешь
К забвенью, неге, лени,
Разбей, разрушь и разорви
Такие перемены.

Зажги в себе огонь Любви,
Полет, горенье, рвенье,
Лучи тепла ты ощути
Под солнечным сплетеньем.

И в час закатный у черты,
Глубь жизни всю измерив,
Увидишь бездну высоты,
В бессмертие поверив.

Ты станешь светом своего
Лучистого сознания,
И в этот миг ты ощутишь
Единство с мирозданьем.

Ты будешь легкий и простой,
Свободный и небренный
И станешь частью одного-
Душой Любви нетленной!

24 мая 2000 года

БЕЛАЯ ПТИЦА

Я уеду к морю,
В край, где нет людей,
Чтоб душа на воле
Ожила скорей,

Чтобы насладиться
Свежестью ветров,
Чтоб освободиться
От земных оков.

Стану белой птицей,
Улечу на юг
От ненужных сердцу
Долгих зимних вьюг.

15 февраля 2001 года

БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАТЕРИ

С годами ты не старишься, поверь,
Все так же провожаешь у порога,
И прежде, чем закрыть за мною дверь,
Благословляешь в дальнюю дорогу.

И я с благословением твоим
В жизнь выхожу уверенно и смело.
Наверное, ничто, кроме него,
Так защитит меня бы не сумело.

А возвращаясь, я несу тебе
Своей души простор, любовь от сердца,

Как хорошо, что есть в моей судьбе
Глаза и руки матери, родные с детства.

Ты ничего не можешь мне сказать,
На миг ты от волнения застыла.
И для меня секунда счастья та слеза,
Что на глазах от радости за сына.

А за меня душой спокойна будь.
С твоим благословеньем я лечу, как птица,
И, завершая ежедневный путь,
Спешу к тебе, родная, возвратиться.

В храме тихо и просторно,
Свечи у икон горят.
И когда на сердце больно,
Люди вновь сюда спешат.

Постоять и помолиться,
И прощенье попросить,
Дать слезе своей пролиться,
Чтобы душу ей омыть.

Пусть у всех своя дорога,
Люди вправе выбирать.
Каждый сам приходит к Богу,
Чтоб себя не потерять...

18 декабря 2004 года

ВETERАНЫ ВОЙНЫ

Век сменился, и уже года

Заставляют чаще и упорней
Принимать лекарства иногда,
По ночам не спать в тиши безмолвной.

Много минуло с военной той поры
Мирных непростых десятилетий.
Вот уже и внуки подросли,
И немного постарели дети.

Всё же, сколько лет бы ни прошло,
Память их хранит, как кинолента
Кадр за кадром жизни на войне
С самого начала в сорок первом, летом.

Как совсем безусые юнцы
Против танков шли открытой грудью,
Как простые русские бойцы
За победу отдавали свои судьбы.

И победа все-таки пришла.
Не было в тот день известия прекраснее на свете.
И весной сирень для них цвела,
И смеялись жены их и дети.

Как безжалостны песочные часы,
Время мчит вперед неумолимо.
Как сверкают капли утренней росы
На рассвете вами заработанного мира.

Но на встречу праздника Победы
С каждым годом меньше их приходит.
Наши дорогие и прославленные деды,
Подождите, с вами ведь от нас история уходит!

А сегодня вновь они шагают по стране,
На мундирах ярко светят звезды.

Расспросите, люди, ветеранов о войне,
Расспросите, ведь еще не поздно...

Желтыми листьями октября
Двор застелен.
В то, что спасется наша Земля,
Свято верю.
Верю – очистится от беды
Вся планета,
Станет обителью доброты,
Любви и света.
Время придет, и наденем мы
Праздничные одежды.
Жив человек, и потому
Жива надежда!

16 октября 2004 года

Заметает февраль все дороги.
Душу ветром продуло насквозь.
Прибавляется день понемногу,
И слабеет февральский мороз.

Утро снова уводит из дома,
Где тепло моего очага.
Город. Лица людей незнакомых.
И привычная всем суета.

Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнём.

19 февраля 2005 года

НЕ СМЕЙТЕСЬ НАД ПОЭТОМ

Не смейтесь над поэтом.
Он порой наивен, как ребенок,
И видит мир, совсем не так, как вы.
Неправда – для души его осколок,
Что ранит сердце полное Любви.
Он чувствует все тоньше и острее,
И оттого ему больнее во сто крат.
Но сколько душ его стихи согреют,
Спасут и снова к жизни возвратят!
Он чужд страстей, насилья, лжи и смрада,
И потому он беден, одинок.
Но нет! Не беден – ведь Любовь его награда!
И не один – с ним пребывает Бог!
Он видит то, что недоступно взору.
Он слышит то, что не дано другим.
В миг вдохновения небесные просторы
Все тайны открывают перед ним.
Он говорит о том, что наболело,
О том, что в ваших душах и сердцах.
Он говорит открыто, дерзко, смело.
Ему неведом, незнаком, противен страх.
Пусть этот мир поранил его душу.
Он выбрал сам. Он сам хотел так жить.
Он ночью голоса Вселенной слушал,
Снискавши дар в сто раз сильней любить.
Не смейтесь над поэтом –
Вы его услышите.
Не смейтесь – пробудитесь ото сна!
Не смейтесь – каждая строка, что свыше
Через него к вам послана была!

21 февраля 2004 года

НЕБЕСНЫЙ СВЕТ

Под сводами церковных куполов
Небесный Свет пролился прямо в душу,
Когда я в храме песнопенья слушал,
Внимая смыслу древних мудрых слов.

Свет исходил от всех икон и алтаря,
Но был не виден он обычным взором,
Рождал в душе он райские просторы
Своей неповторимостью маня.

Душа, как птица, крылья распрямила
И силой света вся была напоена,
И стала в то мгновение она
Такой, как будто бы сама она – светило!

5 июля 2004 года

ПОЭТ

Его не пленило богатство,
Возможность выбиться в знать,
И женщин слепое коварство,
И славы холодной печать.

Таланта себе не присвоил
И помнил вторичность свою,
Поэтом был в счастье и в горе
В заброшенном русском краю.

Он мог жить спокойно и сыто
И сердце не ранить тоской,
Но только Любовь не забыта
Ранимой и тонкой душой.

7 января 2001 года

РУССКИЙ ЛЕС

Попробую писать я о природе,
Стараясь подобрать эпитет поострей.
Я в поле словно птица на свободе,
В лесу среди деревьев, как среди людей.

Устав порой от шума городского,
Домой лесной тропинкою пойду
И, опьянев от воздуха лесного,
Я здесь отдохновение найду.

Лес тих и молчалив, но это только с виду.
В нем жизнь живет, и этим он красив.
Почувствовать его лесную силу
Способен тот, кто этого достиг.

Дорос душой до зелени веселой,
До жизни птиц, до трели соловья,
До скромности грибов у ели под подолом,
До солнечных лучей и до ручья.

И больно мне, когда я вдруг услышу
Стук топора о тонкий ели стан.
Я сам подрублен в корне, когда вижу
Ствол дерева, смолою истекающий от ран.

Пока что ведь жива еще планета,

Ну а природа как ребенок ей,
Пока еще нам дарит лучик света,
На порчу нашу отвечая красотой своей.

Как хорошо, что есть еще леса в России,
И пока будет так, я за нее нисколько не боюсь,
Из леса почерпну душевной силы,
Энергией лесной я напоюсь !

17 июня 2000 года

ТРЕВОЖНЫЙ ВЕТЕР

Ветер. Сильный ветер на свете.
Солнце. Тонкий луч сквозь оконце.
Небо. Сколько белого снега!
Люди. Не поймут и осудят.
Память. Злую шутку сыграет.
Души. Наши души в удушье.
Дети. Это жизнь на планете.
Вера. Воскресила, согрела.
Счастье. У Любви ты во власти.

21 февраля 2004 года

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Я сегодня снова взбудоражен,
Мысли мне покоя не дают.
За окном весь мир весной украшен,
Только странно- птицы не поют.

Непонятна и чуть-чуть тревожна
Эта роковая тишина.

Истина проста и непреложна:
На Земле опять идет война.

Розданные нашим поколениям
Войны словно в очередь стоят.
Многих предадут они забвенью
Молодых, не поживших ребят.

Пронесем по жизни мы их бремя,
Их, живущих в памяти людей.
Не сотрет одно лишь только время-
Слезы поседевших матерей.

И еще жалею очень крепко,
Тяжело мне это сознавать-
Улыбаться стали очень редко
Старики бойцов- отец и мать.

А весна без них шумит листвою,
И щебечут птицы свою трель.
Грустно иногда, ведь нет со мною
Молодых, не поживших парней.

5 мая 2000 года

* * *

Я тебя никогда не забуду,
Хоть ты мне и не снишься почти.
Я писать тебе изредка буду
И молю – мои письма прочти.

По одной с тобой ходим планете,
Лишь дороги у нас разошлись.
Мой привет передаст тебе ветер

От души, улетающей ввысь...

10 октября 2003 года

Стихи июнь 2009

В звенящей ночной тишине
Ко мне ты приходишь во сне.
Твой образ, как легкий туман
Из дальних заоблачных стран.

Венчают столетия нас,
А мы каждый прожитый час
Стараемся в сердце сберечь
Для кратких, но сказочных встреч.

Глоток весны... Так хочется его!
Он где-то задержался по дороге.
И с холодом покончено давно,
Ведь у зимы закончились все сроки.

И дни длиннее стали, свет даря.
И душам не дано бродить в потемках.
Они не существуют, не любя,
А разбиваются на мелкие осколки.

Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...

ИИСУСУ ХРИСТУ

Страстям мы предаем себя,
А Ты нас любишь до последних вздохов.
В грехах своих, невежестве, пороках
Живем мы, позабыв Тебя.
Ты видишь каждый жизни нашей шаг.
Твой Ангел неотступно с нами.
От бед хранит он нас крылами,
Скорбит, когда нас побеждает враг.
О Боже! Дай же нам любви!
Твоей святой, божественной, незримой!
Ни сердцу, ни душе жить без нее нет силы.
Прости нас Боже и благослови!
И в час закатный грешная душа
Почувствует, как луч, Твое прощенье,
Оставив силам вражьи прегрешенья,
Воспрянет, божьей радостью дыша!
2 мая 2009 г.

Как порою не хватает нам весны,
Чтобы в комнату вновь солнце ворвалось,
Осветив собою уголки души,
Те, в которых недоверье улеглось.

Как порою не хватает нам друзей,
Что поддержат в самый трудный в жизни час,
Тех, что дружбой крепкой, верно своей
В миг последний из беды спасали нас.

Как порою не хватает нам любви,
Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь.
Без нее совсем другими стали мы,

А найдя, как будто снова родились.

О СТИХАХ

Стихи, как капельки росы,
Словами питают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты.

В них все: любовь, борьба и мука,
Переживанье и мечта,
И радость встречи, и разлука,
И глубина, и высота.

Пред ними ложь всегда бессильна,
Они спасают от обид,
И человеку дарят крылья,
Когда на грани он стоит.

И в мир наш, что не верит в чудо
Прольется луч из чистых слов,
Если стихи дарить мы будем
Всем тем, кто слышать нас готов.

И слову доброму внимая,
Остановись, замедли шаг,
И посмотри, как высекают
Стихи огонь в людских сердцах!
19 апреля 2007 года

Старый парк безмолвие хранит,
Осыпая листья мне под ноги,
И мои сомненья и тревоги

Тишиной своею усыпит.
Время замедляет стрелок бег,
И попав в другое измеренье,
Я услышу вдруг сердцебиенье
И порадуюсь, что выпал первый снег.
Я пройду аллеей неспеша
И открою тайну желтым кленам,
Что во мне, как в заново рожденном,
Говорит ожившая душа.
14 ноября 2006 г.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня – боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше.
Октябрь 2008 г.

Снег заметает прошлого следы
И дарит белоснежные одежды.
В огромном мире есть лишь я и ты,
И будет лучше все, чем было прежде.

И сердцу вновь захочется любви,
Оно устало биться в ожидании.
Ты просто меня тихо позови,
Спасая от тревоги и страданья.

Иосиф Гольд

Иосиф Михайлович Гольд, научный работник, кандидат технических наук, специалист в области технической кибернетики. Для него поэзия не профессия, а способ преодоления предельного эмоционального напряжения в борьбе с невзгодами, которые врезаются в его бытие, способ борьбы со стрессом, сдирание лезвием поэзии жизненной коросты, а также своеобразного отражения многомерности мира, его красок, звуков, запахов. Живёт в г. Киеве.

Стихи

В МИГ ПРЕДЕЛЬНЫЙ

В миг предельный,
когда мое сердце взорвется,
Извергая, как лаву,
все сметающий гнев, -
В ошалелом полете ...
нежность выше взовьется ...
И ... у жерла сорвется,
окаменев!

.....

Я возьму этот камень,
оплавленный страстью,

Приложу, еще теплый,
к онемевшим губам, -
И слепую тоску
по сгоревшему счастью
Как его, -
никому
никогда
не отдам!

МАМЕ

На исходе войны в светлый день сентября
Ты вошла в меня с первым глотком,
Когда к сердцу прижав напоила даря
Материнским святым молоком.

Как зерно, под шумящим весенним дождем,
Прорастая тянул к вышине,
Не всегда понимая ту, кем был рожден,
Прораставшую тихо во мне.

Это ты научила так больно любить,
О нелегких вершинах мечтать.
Одному не умела учить меня - бить,
Моя милая, добрая мать.

И поэтому били меня, а не я.
Мне так трудно удар нанести.
Ты тому ли учила, родная моя,
От ударов желая спасти?

Доброта ли спасает? Не с ней ли сложней,
Непосильней к вершине идти?
Разве ты не видала, как часто страшной
И обрывистой добрых пути?!

Я не сразу познал, что не все так чисты,
До сих пор это трудно понять.
Но никто не поможет мне в штурме, как ты,
Моя милая, добрая мать.

И целую я теплые жилки твои
И морщинки родного лица.
И спасибо за бремя, за счастье любви,
За спасение в ней до конца!

ЛАДОНИ МАТЕРИ

Поднимет, оживит, от бед заслонит.
Нет выше, нет прекрасней и сильней
Натруженной, в морщиночках, ладони,
Ладони, милой матери моей!

Когда меня настигнет злая мука
И не смогу удар я отвести,
Сквозь раны боль, сквозь горе и разлуку
Твоя ладонь спешит меня спасти.

В твоей ладони есть святая сила -
Целебное спокойствие любви.
Меня давно бы эта жизнь скосила,
Когда б не руки теплые твои.

Когда бы с детства у своей постели
Я не впитал тепло любимых глаз,
Когда б сквозь лед мне душу не согрели
Ладони мамы в мой недобрый час.

Приди ко мне, приблизься к изголовью,
На лоб мне тихо руки положи...

Любимая, спаси меня любовью,
Дай отболеть и встать, и снова жить!

ЗНАЮ Я, РОДНАЯ, ТЫ УСТАЛА

Знаю я, родная, ты устала
И морщинки врезались у глаз.
Жизнь свою ты щедро отдавала
Всю для нас, до капельки, для нас.

А теперь так хочется покоя
И уюта, счастья, наконец.
Только счастье часто не такое,
С ним не ходят люди под венец.

С ним бывает трудно обвенчаться,
Но зато так просто потерять,
А беда нагрянет – не расстаться,
А беда прилипнет – не прогнать.

Знаю я, бывает очень круто,
Неуютно даже у огня,
Только верь, за ночью встанет утро,
Милая, хорошая моя.

Не грусти, пройдет беда - за ночью
Должен наступить счастливый день.
Если б знала, как хочу помочь я,
Чтоб сошла с лица немая тень.

Как хочу, чтоб не было печали,
Никогда не трогала слеза,
Чтоб спокойной радостью сияли
Мамы беспокойные глаза.

ЧТО Ж ТАК СЕРДЦЕ БОЛИТ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Я родился в кончину невзгоды
И не помню о ней ничего.
Что ж так сердце болит через годы
После смерти отца моего.

И ласкали меня непогоды,
И не мало я вынес всего.
Что ж так сердце щемит через годы
После смерти отца моего.

Я узнал человеческих и подлых,
Не позорил я имя его.
Что ж так сердце горит через годы
После смерти отца моего.

БРАТУ

Сколько б я не терял,
самый близкий мой друг,
Только знай, - я безмерно богат,
Потому что всегда в годы бед и разлук
Ты со мною, бесценный мой брат.

Когда не было сил, ветер выл и косил
И жестокий изматывал бой,
Ты меня заслонял, когда я не просил,
Своим сердцем, не только спиной.

И поэтому раны твои и мои
Одинаково остро горят, -
Оба дети одной материнской любви
Мы с тобой, мой единственный брат!

Одна жизнь - одна кровь, все осилим мы вновь,
Единению нету преград,
Нас, по братски могучая, держит любовь,
Моя сила - любимый мой брат!

Были б годы твои и светлы и долги,
Твое счастье нам выше наград,
Серый день одолей и беды избеги,
Наша жизнь и опора, мой брат.

Ты художник, для мира себя сбереги,
Твоя жизнь - драгоценней стократ,
Пусть ликуют друзья и усрутся враги,
Наша гордость и счастье, мой брат.

Так живи, будь стожильным, люби и твори,
Впереди наш победный парад!
Помни, как тебя любят родные твои,
Сын и муж, и отец, и мой брат!

СЕГОДНЯ ТЫ СТАЛА ЛЮБИМОЙ ЖЕНОЙ

Сегодня ты стала любимой женой
И маме дочуркой, мне милой сестрой.
Твой муж, ты учти, человек не простой,
Недаром так долго он был холостой.

Пойми, что не просто художником быть,
Ему потруднее и жить, и любить.
Журналы, манежи, банкеты, цветы,
И это увидишь в супружестве ты.

Но это все праздники в жизни твоей,
А жизнь состоит и из будничных дней.

Дорога к искусству порой не проста,
К нам с кровью и потом идет красота.

И будет не только подъем, но и спуск,
Не только удач, но усталости вкус.
В те дни, когда трудно с самим собой,
В те дни ты должна называться женой.

И верим мы в вас и в тебя, и в него,
А счастье – вы сами добьетесь его.

ЧУДО ПОНИМАНЬЯ

Сашеньке

Рожденье чуда пониманья
До потрясения, до слез.
Твое бесценное вниманье
Сквозь годы я с собой пронес.

Ты гениальный мой читатель,
Схвативший с полуслова суть.
Я преклоненный почитатель,
Родной и светлой вечно будь.

Смотрю я на девичье фото
И понимаю, - не спроста,
Сводила ты с ума кого-то -
Юна и внятна красота.

Но через внешнее возможно ль
Проникнуть, что же там в глубини.
Будь с Божьим даром осторожна,
Но продолжай - людей люби.

Да мало ль юненьких пустышек,
И преклоняюсь я опять

Пред женщиной, что может слышать,
Сочувствовать и сострадать.

Когда открыты в душу двери
И слов не нужно подбирать,
И просто человеку верить,
И принимать, и понимать.

Когда душа родная плачет
Средь безразличья бытия,
То это очень много значит
И то, что что-то значу я.

Благодарю судьбу и Бога,
И тот давно прошедший час,
Когда ты мне дала так много
Слезой брызнувшей из глаз.

За высшее стихов признание,
Слезой за чужую боль,
За это чудо пониманья
Благодарить тебя позволь.

Был чуда свет, как миг рожденья
Средь бед и ран, и неудач.
Дарю тебе стихотворенье
За тот святой, высокий плач.

ИЗ ШКОЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ

А над флагштоком, вбитым на века,
Как пламя, знамя Родины горит,
И белый голубь в вешних облаках
Над нашим мирным городом парит.

О СЧАСТЬЕ

Как жалок тот,
кто счастья ждать устал,
И тот, кто счастье
глупо упускал,
Но мертв тот человек,
кто счастья не искал.

СИЛЬНЕЕ МУЗЫКА ЗВУЧИ

Лоб обнажи и помолчи.
Сильнее музыка звучи!

Когда один в тисках ночи,
Боль заглуши и залечи,
Когда беспомощны врачи.
Сильнее музыка звучи!

И усладдай нас, и горчи,
Буди, как по утрам грачи.
Пусть бьются звуки, горячи,
Как пламя трепетной свечи.
Сильнее музыка звучи!

Не за корысть и калачи,
Презрев дешевый блеск парчи,
Презрев дешевый блеск парчи,
Растрогай, оживи, умчи.
Сильнее музыка звучи!

Нас вдохновению учи,
Наполни, подними, вручи
К любви заветные ключи.

Сильнее музыка звучи!

Лишь, бога ради, не молчи,
Пусть брызнут светлые лучи.
Святая музыка звучи!

НУ ПОЧЕМУ ТАК МИР РАССЕЧЕН

Ну почему так мир рассечен:
Один доволен и беспечен,
Другой довольствием забыт,
Один живет, другой убит.

Скажи, где корни и значенье,
Неужто рок непобедим?
И вечно, как предназначенье, -
Вино одним и пот другим.

Те копят капитал в спокойствии,
Размерен быт их и уют
И получают удовольствия,
И мягко спят, и сладко пьют.

У нас же жизнь совсем иная,
Как очищение - работа
И наши радости бывают
Лишь после пота, после пота.

Лишь после пота, после пота.
И “наше” все смешно для них.
Не больше мошки их тревожит
Кровавый, выстраданный стих.

А может нету этой грани
И он мне брат, она сестра?

И если кто-то дальний ранен,
То рана, как моя, остра?

Но эта грань прочнее стен.
Скользят по ней, стеклянной, руки
И гибнут, попадая в плен,
И свет, и запахи, и звуки.

Я БЫЛ

Я вдохновенным был,
я равнодушным не был.
До боли я грустил,
обняв бездонность неба.
Я одиноким был,
я равнодушным не был.
В мечтательном дыму
качались океаны,
Я грезил наяву
вздохмаченный и странный,
Шатался как лунатик,
по дьявольски упрямый,
Безумства моего
не понимала мама.
Да, мне орать хотелось,
мечталось, жилось, пелось,
Но, подлю измордован
и горечью ужален,
Упрямство вздыбил снова,
но стал мой стих печален.
Вы тех стихов не знали,
вы этих слов не знали,
А если и попросите
я вам их дам едва ли.
Они как ржавость крови,

стихи моей печали.
Не нужно прикасаться -
им слишком больно станет.
И их порву я снова
и напишу другие
Живые и задорные,
простые и шальные.
Они еще послужат,
да будет радость в них.
Защита и оружие -
мой товарищ стих!

ДЫХАНИЕ ЗЕМЛИ

Над полем пар и как мираж,
В нем колыханье струек света.
Проснулся мир зеленый наш,
И дышит старая планета.

ЭТЮД

Торжественно, приглушенно, забыто
Поют леса в осенней тишине.
Они стоят, туманом чуть повиты
В печали, утопая, как во сне.

Уже не пышут красок разноцветьем,
Они устали, кончен шумный путь.
Прошло их лето, только ветер, ветер...
Он будоражит, не дает уснуть.

Он треплет их, он листья их тревожит,
Ласкает ветви, шелестит травой.
Напрасно все! Ничто им не поможет,

Они смирились. Близится покой.

Их долгий вздох как реквием печален.
Уже бессильны. Бури не для них.
Уставшие, поблекнувшие, дальние,
И ... даже ветер, кажется, затих...

ВСЕ-ТАКИ БЫЛО ЭТО

Все-таки было это!
Живая земля плыла,
В море плескалось лето,
Ты меня так ждала!

Все расплывалось в неге,
Губы шептали: "Мой...!"
Замедлились в вечном беге
Созвездья над головой.

И растворялось время,
Лишь двух дыханий тепло,
С сердца слетало бремя...
Правда ли, все утекло?

Бездонности той потери
Я в изумленьи внемлю:
"Неправда! Не верю! Не верю!
Я до сих пор люблю!"

Очарованье моря,
Разлуку останови!
Спаси от удушья горя,
Не дай утонуть любви!

Ведь отравить нам души -

Как океан отравить.
Глупенькая, послушай,
Будем вдвоем любить!

Будем вдвоем любить!
Губы, глаза, мечты,
Буду твоим я милым
И моей милой ты!

Все опасенья ложны,
Воздуху сердце открой.
Нас разделить невозможно,
Милая, будь со мной!

Вслушайся в сердце лучше -
Нежность тебя зовет.
И... , оживляя душу,
Море опять поет!

ЛЕГЕНДА ОБ АЮ-ДАГЕ

Ну почему тебе не понять,
Как я тебя ждал,
Как я короткое это письмо
Тысячу раз читал.

Как мне хотелось в нем обонять
Частичку бывшего тепла,
Как вместо этого вдруг опять
Едкая боль пришла.

Жжет и захлебывается в дыму
То, что не повторить,
То, что не высказать никому
И невозможно забыть.

Бьется, сражаясь, само с собой,
Сердце, но как воскресить,
Где бы водицы чистой, живой
Вымолить, упросить?

Не утолю я ни вкус твоих губ,
Ни запах волос твоих.
Слишком влюблен или слишком глуп,
Чтоб все переплавить в стих.

А Аю-Даг, наклонившись пить,
Море желает втянуть,
Хочет любимую остановить,
Рок побороть, вернуть.

Только ее не догнать никак,
Дыханием не согреть.
Каменно горбится Аю-Даг
Глупый, влюбленный медведь.

СЛЫШИШЬ ВОЗДУХ ЗАСТЫВШИЙ

Слышишь воздух застывший -
Он как будто поет.
Это реквием, тише,
Последний аккорд.

Он огромный повис
Посреди тишины.
Слышишь тонкий, как свист,
Звон последней струны.

Ты в глаза не заглядывай,
За рукав не трепли.

Эта музыка адова
Не слабеет вдали.

О, как давит она
И дышать не дает.
Слышишь эта струна
Все острее поет.

Извиняться не надо,
Что пути дальше нет.
Полон тихого яда
Твой спокойный ответ.

Это слово не просто
Пролетело звеня,
Оно страшно, как оспа,
Разъедает меня.

Не ищи оправдания,
Не загладить беду.
И прощай, моя дальняя,
Больше я не приду.

ОГРАНИЧЕНЬЯ

Я устаю почти до отречения
Средь равнодушья, подлости невежд.
Надгробьями встают ОГРАНИЧЕНЬЯ
Над кладбищем раздавленных надежд.

И бел холодный мрамор обелиска
И слишком мало пройдено дорог.
Надломлен я, ОГРАНИЧЕНЬЕ близко,
Немного успел и уберег.

Меня сызмальства не учили драться,
И добротой меня спасала мать.
О, неужели нужно расставаться
Мне с нежностью, чтоб душу не порвать.

Я в книги ухожу для отвлеченья,
Ищу в недобром - добрые черты.
Как мне мешают жить ОГРАНИЧЕНЬЯ
Высокой материнской доброты!

.....

Но так могуч, болезнен и неистов
Тот бунт неукрощенного добра,
Что трескается мрамор обелисков
И жжет от раскаленного пера!

ПУСТЬ УТРО ДЫШИТ

Пусть утро дышит мне в окно
Распахнуто, свежо, морозно,
И чисто, и светло оно
И по рабочему серьезно.

И снов отбросив густоту
В бодрящем холодке рассвета,
Я в утро новое вращу
От солнечного жмурысь света.

И, распрямившись в рост, тогда
Я вновь увижу, прозревая,
Как мизерна была беда,
О чем грустил я засыпая.

И вновь захочется смотреть
И слушать, мчаться, восхищаться,

Стремиться, мучаться, потеть,
Влюбляться, биться, расшибаться,
Над неудачами смеяться
И не грустить, а петь!
.....
Пусть будет утро!

ТЫ УШЛА БЕЗВОЗВРАТНО ВО ТЬМУ

Ты ушла безвозвратно во тьму,
Режет болью жестокое «поздно».
Я хотел в этом горьком дыму
Разглядеть голубые звезды.

Эту страшную ночь я не спал,
Вряд ли ты эту боль поймешь.
Я ужален тысячью жал,
И название яду – ложь.

Не тебе говорить о любви,
Хоть меня и не сможешь забыть.
Только больше меня не зови,
Вместе нам никогда не быть.

И запомни, то - не судьба
Диктовала свои законы.
Это ты, это ты сама
Не увидела глаз влюбленных.

СЕГОДНЯ НЕ ЗАСНУ Я ДО УТРА

Печально-беспокойная пора,
Уюта что-то в сердце просит.
Сегодня не засну я до утра

И мысли мне укутывает осень.

А мысли беспокойны, как ветра,
В щемящую бездонность их уносит.
Печально-беспокойная пора,
Закралась в мое сердце осень.

И снится мне, и снится, как вчера,
Как тронута улыбкой нежной просинь.
Сегодня не засну я до утра,
И мысли мне укутывает осень.

Шуршащие холодные дожди
Лениво в тишине моросят
И тихо-тихо шепчут: “Жди,
Пройдет пора печали - осень”.

КАК НЕ ХОЧЕТСЯ ЦВЕТА ОСЕНИ

Как не хочется цвета осени -
Жажду пить я бездонность просини,
Синей-синей звенящей просини.
Как не хочется цвета осени.

НЕ УВЯДАЙ

Не увядай же, подожди!
Пусть злобно пенятся дожди,
Неутолимость - утоли,
Чтоб светлое сбылось - моли.
Мне руку дай - не увядай.

Сирень - дурмань и пламеней,
Что может быть родней - моей,

Какая тишь висит в выси,
Прижмись, почувствуй, попроси
О том, что не могу - смогу,
Ты сбереги, я сберегу.

Беда любая - не беда с тобой,
Ведь ты сама - беда моя, постой,
Нет, не гаси глаза свои - свети,
Я не уйду - я не смогу уйти.
Куда? В ту бездну, в эту высь без дна.
Ведь ты замерзнешь на Земле одна.

ЦВЕТОК

Ты должен знать, что там, в морщинах скал,
Цветок на тонком стебле прорастал.
Он вдохновенно жизнь в себя вбирал,
Упрямым корнем внутрь и в глубь вращал
И скалы вековые разрывал.
.....
Среди потомков гордо умирал.
Там, где в морщинах скал
Альпийским буйством красок жизнь цвела.

МНЕ СЕГОДНЯ ПРИСНИШЬСЯ ТЫ

Я боюсь, я боюсь уснуть
На прозрачной щеке луны.
Мне сегодня приснятся сны,
Мне сегодня приснишься ты.

Из расплавленной темноты
Выплывают твои черты,
Утопают в ночи мечты,

Мне сегодня приснишься ты.

Будет душно от темноты,
Будет больно до немоты –
Мне сегодня приснишься ты,
Утопают в ночи мечты.

Лунный свет и души клубок.
Если б только забыть я мог,
Как меня обнимала ты...
Утопают в ночи мечты,
.....
А в глазах твоих стыннут льды.

МНЕ ХОТЕЛОСЬ НЕМНОГО

Мне хотелось немного -
Теплых губ твоих,
Что б ни черта, ни бога,
Только тишь на двоих.

Только ветер в листьях,
Тихий взгляд,
И в траву росистую
Звездопад.

Так хотелось светлости,
Чистоты,
Этой ночи свежести,
Высоты.

Но, наверно, этого
Не поймешь.
Тебе легче вымазать
Правду в ложь.

И уже не вижу я
Свет стыдливых глаз,
В горечи прозрения
Он погас.

ЭТО НЕ ИЗЛЕЧИТЬ, НЕ ВЫПЛАКАТЬ

Это не излечить, не выплакать,
Это высказать невозможно.
Так зачем же ты сердца исповедь
Прикрываешь ненужной ложью.

Ты сегодня пришла печальная,
Тебе больно сейчас со мной,
Роковое непонимание
Не осилить одной головой.

Даже в этих стихах горячечных
У тебя не прошу я нежности.
Может к лучшему, что не начато,
Пусть зима утопает в снежности.

Пусть в вихрящемся снежном кружеве
Растворятся слова ненужные,
Все заблудится в белой безбрежности
Пусть зима утопает в снежности!

.

Что ж, твоим теплом не напиться,
Не напрасно глаза печальны.
И другому ты будешь сниться –
Мне досталось одно молчанье.

Хватит, больше терпеть не в силах,

Сонный холод до боли душен!
Неужели не хочешь, милая,
Разорвать паутинное кружево?

РОЖДЕНИЕ ПОРТРЕТА

Брату

Ложились звуки сочными мазками
На грубый холст, как в землю семена.
Но вдруг сквозь свет и теплоту, и пламя
С холста взглянула в комнату ОНА.

ОНА вошла печально, молчаливо,
Осенний блик в чарующих глазах.
А я, полунемой, смотрел на диво,
И в душу шел благоговейный страх.

А он молчал, но трепетные звуки
Срывались с кисти, плыли в мастерской
И пели о забытом сне разлуки,
Сминая весь обыденный покой.

Он пел, но не словами – это краски
Симфоний бушевали перед ним,
И вспоминались ласковые сказки,
Где каждый счастлив, светел и любим.

Лились, переплетались, пели чувства,
Тревожа задремавшие мечты.
Я постигал рождение искусства,
Я наблюдал рожденье красоты!

СНЫ

Мне снятся сны, удушливые сны,

Когда мне вновь заламывают руки,
Когда так безнадежны мои муки
И нем мой рот, а призраки ясны.

Когда меня терзают или душат,
Когда один стою я на краю,
Когда в свою я погружаюсь душу
И глубину со страхом узнаю.

Когда кошмар меня гнетет и давит,
Когда я шут или когда храбрец,
Когда смертельна собственная память,
Я тороплю мучительный конец.

Я рву потемки первозданным рыком,
Освобождая душу и глаза.
О, наяву когда бы мог я криком,
Хотя бы криком, стены разверзать.

А В ОКНА БРЫЗЖЕТ, ЗАЛИВАЕТ СОЛНЦЕ

А в окна брызжет, заливает солнце
И плавит Землю, не жалея сил.
И в небе звонко, яростно смеется
Огромный жарко-желтый апельсин.

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Без иллюзий в наш век безболезненной –
Меньше стресс - экономия сил!
Но, когда бы был Бог, поэзии,
Пусть и с болью, я бы просил.

Я просил бы его оставить

И судьбою не сокрушить
Буйство юное прорастания
И мое “неумение жить”.

Я просил бы всевластного Бога
Не желания исполнять, -
Моих “глупых иллюзий” немного,
И неистойвой жажды желать!

Чтоб была не пустой дорога,
А она не скучна без того...

.....

Если мог бы просить у Бога –
Не просил бы я ничего!

И БУДЕТ ДНЕЙ ВИХРЯЩИЙСЯ ТУМАН

И будет дней вихрящийся туман,
Они пестряще, весело промчатся –
Подружки, вечериночный обман,
И будешь ты с другими целоваться.

Прощай - забыто. И не надо знать,
Что я хотел в глазах твоих увидеть.
Прошел наш вечер, больно вспоминать
И незачем любить и ненавидеть.

ОТРАЖЁННОЕ

Я не зеркало,
отражая,
я стираюсь
от отражения.
И от времени

не исчезают
отраженные
изображения.
Отражая мир,
почти трушу,
стирая до крови
душу,
Прожигая себя
до сажи,
я той сажей
и небо мажу.
И измаран
до скользкой жижи
голубого почти
не вижу.
Лишь в стремительности
полета,
в будоражащем ритме
движения,
Отмываю
налипшее что-то,
просветляя
изображение.
Хорошо
наполняться небом
и зеленой живой
планетой.
Если б только
в огне я не был,
не томился
в Варшавском гетто,
Если б мне
не снились ночами
полыхающие
отраженья,
Если б тише

они кричали,
эти пепельные
изображенья,
Если б не было
туго стянуто
мое сердце
колючей проволокой,
Если б не были
так затянуты
похоронные
черные провода.
Если б только
я зеркалом был,
я бы треснул давно
от жара
И давно бы
себя разбил,
а живого пока
кинжалят!

ДУРАКИ

Я знаю - вы не придуманные,
простые, а не заумные.
Лишь те, что подлы и липки,
Считающие себя умными,
Про вас говорят: “Дураки”.

А вы - в Заполярье искристый,
Рубаете лед киркой
Веселые и неистовые,
Забыв про уют и покой.

А вы - от пота терпкие,
С ладонями необъятными,

Стираете с Шара Земного
Снова белые пятна.

Вы - в лабораториях
Вгрызаетесь в недра мезонов,
Взрывая упрямый атом,
Захлебываясь озоном.

А в страшное время вы первые
Собой закрываете дзот,
Вы - раненные поднимаете
В атаку последнюю взвод.

И мир, замерев наивно,
За вами следит в смятении,
Когда среди звездных ливней
Рушите тяготенье.

Вы - от любви шальные
Руками шершаво-нежными
Дарите милым живые,
Дышащие подснежники.

Не тем, кто средь пошлой житейской трухи,
Присвоенное защищает,
А вам, непрактичные “дураки”,
Поэты стихи посвящают.

Анатолий Александров

Александров Анатолий Васильевич, по образованию – филолог, журналист, юрист. По трудовому опыту – педагог, репортёр, адвокат. По жизни – путешественник, бард, пушкинист.

Тульские дали, Ясная Поляна, Щёкино одарили его душу музыкой, стихами. Кавалер ордена А.С. Пушкина. Живёт в г. Тёплое, Тульской области.

Стихи

ДИАЛОГ С КЛАССИКОМ

Ясновидец предвиденных бедствий
И спасения в жизни простой,
Уличаемый обществом в бегстве,
На перроне смертельных последствий
Убегающий классик Толстой.

Он задумал куда-нибудь деться
От семьи, сожалений и жал.
– Убежать бы в заветное детство, –
И колёса на стыках, как сердце:
– Убежать! Убежать! Убежать!

Заодно убегаем и мы ним,
Отвергая нажим и дожим.
Всё надеясь догнать свои мысли
В бесконечные синие выси.
Всё бежим! Всё бежим! Всё бежим!

Уж давно оглянуться пора бы,
Но бежим, никому не грубя,
Не кляня ни дожди, ни ухабы,
Ослепляясь надеждой – хотя бы
Добежать! До себя! До себя!

Удалось бы великому деться
От семьи, сожалений и жал?
Убежал ли в заветное детство?
И колёса на стыках, как сердце:
– Убежал? Убежал? Убежал!

...Или снег застучался в окошко,
Или время, секунды – драже?
– Почему тишина?... И сторожка?
– Добегу ли? – Ещё бы немножко...
– Ну, вот-вот... И как будто уже!

НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ ОТЧИЗНЫ

Гимн города Щёкино
Вдоль старинных засек – города и веси,
Росы – на покосах, камни крепостей.
А на древнем шляхе – Щёкино – ровесник
И товарищ верный юности моей.

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Свет вечерних улиц юности моей.

Летние поляны пахнут земляникой.
Здесь Толстой, бывало, сеял и косил.
Свет Поляны Ясной, свет души великой
Как надежда мира землю осветил.

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Как надежда мира землю осветил.

Лесом затянулся след военной раны.
Новые печали одолеем в срок.
Цветик-семицветик – на краю поляны –
Ветхого Завета росный лепесток.

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Ветхого Завета росный лепесток.

Гляну на просторы – дорого и любо.
Радостно и грустно выпало нам жить,
Уходить в эпоху от дедовского сруба,
Чтоб звездой отчизны в космосе парить.

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Чтоб звездой отчизны в космосе парить.

Ясенки. Озёрки... На весенней зорьке
Каждый лучик солнца птицами воспет.
Гори-гори ясно, чтобы не погасло,
Тульские просторы –наказанный свет.

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Тульские просторы – наказанный свет.

БУКЕТЫ ОБЛАКОВ НАД РОССИЕЙ В ПЕТРОВ ДЕНЬ!

– Я вернусь! – Игорь Тальков

Цвели на день Петров
Букеты облаков –
В заре, как на огне,
Как розы на окне.

Легко дышала грудь,
Успевшая вдохнуть
Цветенье облаков
На светлый день Петров!

Припев:
Не покидай облачный зал!
Слышишь! Вернись, как обещал!
Ставни открой в будущий день,
Где облака – в окнах сирень!

Незримо иногда

Крадется к нам беда,
Грозит исподтишка –
Темнеют облака.

Был этот день таков –
На крылья облаков.
Упал стихов бутон –
Бедою обагрён.

Припев

Цвести на день Петров
Букетам облаков
Росою и огнем,
Как розы под окном!

Несем сквозь явь и сны
Знамена весны,
Знамен и песен шелк,
С которыми ты шел!

Припев

Ты знал, что дни придут
И снова зацветут
Букеты облаков
На светлый день Петров.

И ветер над рекой
Доносит голос твой –
Призыв горячих строк,
Свободен и высок!

Припев

БЛЮЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Грудью налегая на перила,
В звёзды загляделись отраженья.
Тонут, как друг в друге, зеркала,
Бесконечно погружаясь в вечность.
Тонут, как друг в друге, зеркала.

Вспомни на Воронке это место.
В ней вода бездонная небесна.
В ней туманом звёздным дышит бездна.
Что ещё увидеть хочешь ты,
Грудью налегая на перила?

Шепот тростников над тростниками –
Там сверкают молнии, срастаясь.
В чёрном зазеркалье с двойниками
Что ещё увидеть хочешь ты,
Грудью налегая на перила?

Каждого мгновения скольженье?
Собственное в звёздах отраженье?
Что ещё увидеть хочешь ты,
Грудью налегая на перила?
Что ещё увидеть хочешь ты?

ЩЁКИНСКИЙ БЛЮЗ

Время вырастает, как деревья.
Время пролетает, словно сон.
Но ещё есть щёкинское время,
Что поёт с надеждой в унисон.

Словно обещания – прощанья.
Всё, что было прожито – не зря.

И приливы грусти, как шуршанье,
Снегопада в ветках января.

Прикоснуться к звёздам, причаститься,
Как рука с рукой – наверняка.
Щёкинская звёздная частица –
Тёплые ладони земляка.

С кем своей удачей поделиться?
Словно торт, удачу разделю,
Где мерцают щёкинские лица –
В красном для души моей углу.

Пусть снега не перестанут падать
И вскипит цветение весной.
Подсластит дорогу щёкинская память,
Словно шоколадка за щекой!

ПОЛУНОЧНЫЙ МОРОЗНЫЙ ПУТЬ

Такая тишь... Сойти с ума,
Поверив Краю и Бессмертью?
Мерцает изморозью тьма,
Искрится... Движься опрометью!
Дорога – дивна и пряма!

Что в чистом поле, что в лесу –
Везде морозное молчанье...
Из глаза высекло слезу –
Оледенило... И дыханье
Перехватило – на весу.

Всё – не подобно, но едино –
Из снега, инея и льда.
Оставь надежду навсегда,

Как некогда – табак и вина!
А я не смог... Моя вина!

КУЧЕРСКАЯ – ХАТА С КРАЮ ЗА ДОМОМ ВОЛКОНСКОГО

Ясная Поляна. Беседа с В.И. Толстым в доме Волконского. Рассуждения в кучерской с замечательным человеком и экологом А. Заикиным о достоинствах и недостатках стихотворчества в очень высоком стиле и конечно, хотя на первый взгляд и не очевидно, торжестве Истины.

Половица заскрипела...
Дверь тихонечко запела.
...Вот и вышел граф уже.
Подчинилось все же тело
Взбунтовавшейся Душе.

Как от грустного итога –
Отшатнулся от порога,
Помолился за детей...
Вот и Звездная дорога!
Запрягли ли лошадей?

За порогом в тьме ночной
Листья падают с тоской.
Но Душа взялась за дело –
Взбунтовавшееся тело
Подтолкнула к кучерской.

Кучерская всем дорогам –
И начало и итог.
Кучер будто занемог...
Но едва услышал:
– С Богом!
Сел и тронул:
– Дай-го Бог!

И уже не слышал граф:
– Мы свой новый мир построим
Революцию с застоём!
И поборемся с запоем!
...Все же граф в итоге прав.

Встала вновь из беспорядка
Стен бревенчатая кладка.
И в бревенчатой глуши –
Кучерская бредит сладко,
И поётся – от души.

Ни к чему октябрь злится –
Листья падают с тоской...
Занебесная столица
Заглянула в наши лица
Из окошек Кучерской.

Кто куда бежит – не знаю?
Убегал куда-то сам.
Кучерская – хата с краю.
Кучерская – хата с краю!
С краю – ближе к Небесам!

14 .03.2003.

ФИОЛЕТОВЫЙ ЗАКАТ

До чего же ярки и величественны зимние закаты! По приметам одни обещают морозы, другие – оттепели. Но как они неприметно возвышают душу! Горожанину негде остановиться, чтобы, не вызывая удивленных взглядов, не мешая прохожим, проникнутся морозным закатным заревом.

Фиолетовый закат
С желтой полосой.

Тучи исподволь горят –
Душу успокою.

Переливчатая звень
Катится по скату.
Огневой морозный день
Клонится к закату.

Чистым розовым огнем
Светится равнина!
Полыхает под окном
Алая рябина –

Как ледышка – только тронь!
А мороз все крепче.
Фиолетовый огонь
От Оки – до Мечи!

Слышны звуки в небесах
Ясно – без остатка.
А рябина на губах
Таёт сладко-сладко!

Алой ленты торжество.
Дальний отзвук внятный.
Обещают Рождество –
Праздник незакатный.

Помню розовую стынь –
Слова не нарушу.
Жги лицо – но не покинь,
Обнимая душу!

Ах, как звуки далеки,
Словно ищут встречи.
Долетают до Оки

От Красивой Мечи!

Синий полог всё темней,
Всё синее дали.
Но как будто – всё светлей
Там – за далью дальней.

Все отзывчиво во мне –
Ничего не скрою.
В фиолетовом огне
С желтой полосой.

Гаснет день за пеленой.
Радость не погаснет.
От оврага – голубой
Свет Поляны Ясной.

Разноцветья торжество,
Дальний отзвук внятней –
Наступает Рождество –
Праздник незакатный!

ТРОПИНКА – В ДАЛЬ... ТРОПИНКА – В ВЫСЬ...

«Из родников набирают силу реки ...»

Из тропинок образуются ильи, тракты, дороги-пути...

Из наших жизней складывается Судьба России...», – есть такая мысль в книге уроженца Рязани, питерца, туляка, щекинца – россиянина Дориана Романова. Да продлится его тропинка к Пушкину, Лермонтову, Толстому, ко всем нам, к нашим сердцам...

Проторю тропинку синюю
В алом зареве снегов.
Свижусь с Мечей Красивою,
Встречу Волгу с берегов.

Охватить какую мерою

Даль морозную? – и высь!
Я в Россию эту верую.
Ты, моя тропинка, длись!

Выйду в дали сенокосные.
Стежку в росах проторю.
И дымы увижу звездные,
И заплачу на зарю....

Охватить какую мерою
Даль весеннюю и высь!?
Я в Россию эту верую.
Ты, моя тропинка, длись!

Знаю я тропинку ту свою,
Что уводит за стога.
Слышу я гармошку тульскую –
До чего ж ты дорога!

Что своей душою ведаю,
Мне сказали даль и высь.
Я в Россию эту верую!
Ты, моя тропинка, длись!

Светлый день ли, ночка темная,
И пути в другом краю
Приведут в родное Теплое
И к старинному Кремлю.

В непогоду даже серую
Вижу я и даль, и высь.
Я в Россию эту верую.
Ты, моя тропинка, длись.

Пусть уйду дождями в пажити.
Но вернусь в логу ключом.

Вы придёте – и расскажете,
Загадавши, кто о чем.

Что о будущем я ведаю –
Мне сказали даль и высь.
Я в Россию эту верую,
Ты, моя тропинка, длись.

В чистом поле – все небеснее
Сны синеют – в васильках.
Мы остались этой песнею
В сенокосах и снегах!

Земляничную и вербную,
Обнимаю даль и высь!
Я в Россию эту верую!
Ты, моя тропинка, длись!

Родники с любовью братскою
Встретят, жажду утоля.
Я люблю тебя Всехсвятская,
Поднебесная земля,

Земляничную и вербную
И святую Даль и Высь!
Я в тропинку эту верую.
Ты, моя Россия, длись!

В ДЕРЕВНЕ НА 4-м ЭТАЖЕ

Дочери Елене и внучке Вике
Этот угол мне дан без потуг.
Он мне даже казался некстати.
Вот и свет беспричинно потух.
Засыпал на полу – не в кровати.

Мне господь подарил вид на Юг.

Это я обнаружил с утра,
Подошедши к сияющей раме.
Всё не важно, что было вчера,
Что случится потом вечерами.
Мне Светило сказало: «Пора!

Отбывает последний вагон
Проходящего мимо состава.
Из-под ног уплывает перрон.
Возвращай-ка назад то, что справа.
Ты приехал. И это – не сон».

Вид на Юг из сомнений и дат.
Путь на Юг – полоса голубая.
Там у дочери – домик и сад.
И на Север окошки глядят,
Очевидно, тебя поджидая.

ТО, ЧТО НИКАК НЕ ПРОЙДЕТ

Всё пройдет! Надежда – лжива!
Всё пройдет! Что жило, – живо!
Всё пройдет – как миг зари.
Всё пройдет – хоть на пари.
В эту землю, в корень зри!

Всё прошло, что было прахом.
Всё прошло, что жило страхом.
Всё прошло – и те за теми.
Всё прошло – ни их, ни тени –
Марты, Май, Января...

Все прошло. И все проходит –

Что приходит, что восходит,
Что подходит, что заходит,
Что царит, что кругом ходит –
Солнце, Звезды и Цари...

Только, что себя не множит,
Что назвать себя не может,
Но порой тебя тревожит –
Превзойдет и превозможет, –
Не пройдет, хоть ты умри!

ПОРЫВ МАЙСКОГО ДОЖДЛИВОГО ВЕТРА МЕЖДУ ХОМУТОВОЙ И ТЕПЛЫМ

Нагнало туч на середину
Вдали светлеющих небес.
Порыв дождя уперся в спину,
Себя понес наперевес.

Все капли вытянулись в нитку.
А ветер, пьяному сродни,
Рванул и распахнул калитку,
Где сроду не было родни.

И вдруг – ни ветра, ни дождевки.
Но ярче свет издалека.
И тут же рифма оборвалась...
Чуть с такта не сошла строка.

ПОЛОСА БЕЛОГО ВЕЧЕРНЕГО ДЫМА ТЯНЕТСЯ ПО СВЕЖЕЙ ЧЕРНОЙ ПАШНЕ

В тихий тусклый вечер смуту успокою.
Не грущу, не праздную. Просто – невредим.

Вот по черной пашне белой полосой
Тянется остывший синеватый дым.

Всё молчит покойно – ни дождя, ни звука.
Люди утомились. Время дало течь.
Век на белом свете я – вечная разлука,
Несколько мгновений для желанных встреч.
Тишина густеет. Вечер, ниц упавший,
Мыслит: «Завтра будет снова день-деньской».
Темнота густеет. Поле черной пашни
Дым пересекает белой полосой.

Вот она какая, песенка простая.
Ни тебе – веселье, ни тебе – печаль.
В черной пашне ночи белый дым истаял.
Ничего не видно. Разве только Даль?!

ПОСЛЕ БАЛА В МИХАЙЛОВСКОМ ДВОРЦЕ В САНКТ- ПЕТЕРБУРГЕ

– На этом вот диване
Наш Пушкин отдыхал...
А здесь, в Каминном зале,
Его задел нахал.

Он был перекрахмален,
Богат и родовит
И потому нахален.
Отбрил его пиит.

И сам бывал нахалом.
Остер, но не нахал.
Китайским опахалом
Нахалу помахал.

И улыбнулся мило:
– До встречи тэт а тэт.
Но не стреляйте мимо,
Носитель эполет!

Гуляют сплетни липки.
Вот дама подошла...
В соседнем зале скрипки
Ревели: «Ла-ла-ла...».

Кавалергарда шпоры
Бренчали: «Звяк-звяк-звяк...».
Вышептывались скоры
Суждения зевак.

– На карту рифмы ставлю.
Семерка ... Дама... Туз...
Блестит улыбка сталью.
– Карету! Трость! Картуз!

Лихим и добрым малым
В Михайловском дворце
Простился мадригалом,
Таинственным в конце.

Давно пора бы, кстати,
Исчезнуть невзначай.
В китайчатом халате
Цедить китайский чай...

Зови дороги лепет!
В Китай! Душа горит!
Гляди – шлагбаум влепит
Спросонья, инвалид!

... Обескуражен драмой

Сегодня наш поэт.
Он был отвергнут дамой:
– О нет! О нет! О нет!

И чтоб не быть обузой,
Вернулся он сюда,
С порога встречен Музой:
– О да! О да! О да!...

ВСТРЕЧА С ПУШКИНСКИМ РОМАНОМ ВО ВРЕМЯ МЕТЕЛИ

Ни жил перенатянутых, ни пота.
Всего – перо да вечный непокой,
Как будто присоветовал мне кто-то,
Как будто мне поручена работа,
Которую не сделает другой.

Наверно, кто-то поступает мудро,
Что во время отводит от окон
И незаметно насылает сон...
Мелькнула ночь. Уже белеет утро.
Желтеет в дымке солнце – желтый ком.
И черновик предстал беловиком.

Метет метель? Метели не перечу.
Мелькают клочья снежной маеты.
Мелькают клочья – никого не встречу,
Мелькают клочья – быстры и чисты.
Я соберу их заново в листы.

Лыжню увидеть, обернувшись, чаю,
Но вижу только снежность и туман.
И снова путь куда-то пролагаю, –
По сути – непрочитанный читаю

Простой и тайный пушкинский роман.

ДЕРВИШ-ПОЭТ НА ПЫШНОМ ЗАСТОЛЬЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ МЕСЯЦА РАМАЗАН

Всем, кто идёт по дорогам – Салам!
Там, где струятся ручьи по садам,
Путника встретит Канд и Бадам.

Там, за садами, печаль и беда вам.
Между Ходжентом и Канд и Бадамом
Мертвый простор безводной земли.
Как ее имя? – Назвать не могли.
Память о ней беспросветно черна.
Сломит и ядом отравит она.
Ветром собьёт и иссушит огнём.
Путник пошел? – Помолитесь о нём.
Мёртвая даль каменистой земли.
Имя её умирает вдали.
Дервишей многих сгубила она.
– Как её имя? – Память черна.
Слово молитвы удержишь в губах?
Посох надежды удержишь в руках?
Не потемнеет ли Небо в глазах?

Путник ушел. Помолитесь о нём.
Может быть, встретимся в мире ином?

Славен в Ходженте райский сераль!
Знай: в Маргелане – лучший миндаль!
Сладок урюком Канд и Бадам,
Тот, где струятся ручьи по садам!
Посох здесь может опять зацвести!
Ласки и пляски гурий нежны
И со стихами поэтов дружны !

Что за садами? – Мёртвая даль.
Всех, кто ушел, жаль... жаль... жаль...
Жаль – жаль-жаль-жаль...
Сжался, богиня славянская Жаль!
Сжалилась Жаль и разжала Скрижаль.
– Чьи имена ты прочёл там, мулла?
– Жаль. Жаль. Жаль. Жаль. Жаль...

Всем в Рамазане ниспослан Коран.
Кончился месяц. Прошел Рамазан.
Пловом насытился дервиш и хан.
Мальчик проворный убрал дастархан.
Речи иссякли... Перевернут казан.
Дервиш ушел.
А зачем? – Не сказал.

«ОНЕГИНА ВОЗДУШНАЯ ГРОМАДА...»

Воздушный Хаос воздвигался сам.
В сияющей пустыне небосклона
Он плавал, повинуюсь парусам.
Он поднимался в солнечное лоно
Над безднами хранителя – Харона.
Он превращался в Нечто и во Что-то,
Преображаясь тут же, словно мим,
В дракона и Конфуция, в Мельмота
И в профили, что были им самим.
Свидетельство нетленного всего,
Скользил он по стеклу Фонтанным домом.
Непостижимой волею ведомым,
Лишь Анна вдруг заметила его
И что-то заключила из сего.
Он волочил за седоватым днищем
Огромную распластанную тень,

Напоминая, что напрасно ищем
Чего—то между баром и кладбищем...
Он влѣк меня в тот лучезарный день,
Где на большом цветке чертополоха
Застыл знакомый с детства мотылек...
Он полетел и от земли увлек.
И вот (хотя еще летаю плохо) —
Фрегат вселенной, светел и высок...

В реке Забвенья отражался он.
Явленьем Неболѣта поражѣн,
Отвлёкся от своих трудов Харон.

Оксана Алакшина

Оксана Алакшина родилась в Салавате, в семье интеллигенции. Училась в школе №6 (ныне гимназия №1). Затем поступила в Башкирский государственный университет по специальности английский язык и литература. По его окончании работала секретарем-референтом, преподавала английский в Москве и Хабаровске. Ныне проживает с мужем и сыном в Тульской области (недалеко от Ясной Поляны Л. Толстого). Первые поэтические пробы – попытка разобраться в себе. Биография поэта - это и биография его чувств. Без этого невозможен искренний диалог с читателем.

Стихи

ВЕЧЕР

Бордовые щеки заката,
Проженные ранней весной,
Висят над уставшей дорогой,
Притихшей под веток копной.

Я шаг сохраню свой неспешный,
Чтоб в этот влюбиться покой,
Который в дубах неподвижных
Хранит превращение в боль.

Я ею жива, чтоб пытаться
Почувствовать трепет иной,
Что небо сольет в поцелуе
С продрогшей и хмурой землей.

И тени слепых коридоров,
Где властвует пыль с тишиной
Последнюю мысль отнимают
И дарят мне свежую боль.

И только молчание выше,
Честнее всех мнимых оков,
И только оно понимает
Сомнение сказанных слов.

ВСЕ-ТАКИ ВЕСНА

Раз солнце неуклонно метит в нос,
А у kota один заплывший глаз,
То значит это все-таки весна
Пришла на полусогнутых для нас.

Стремится в лужу грязную войти
И встретить там мальчишку лет пяти.
И, палкой ковырнув поли(э)тилен,
В прохожих метит, говоря: «лети».

А с крыши карамели длинной ряд
Войдет в один крикливый, полный рот,

И счастье с упоением намекнут
Забыть про раньше так желанный мед.

ВЕСЕННИЕ СТАРАНИЯ

Неряшливая, наглая идет,
Уверенно пиная облака.
И как бы ни хотелось мне поспать,
Я буду всех любить издалека.

Я буду им при встрече улыба...,
Желать козе побольше молока,
И буду постепенно уважать
Я общество «защиты тарака...»

А вскоре буду тихо презирать,
Как только нас автобус пожир...,
Водителя, ухабы, сапоги и тех,
Кто мне на ногу наступа...

Теперь я про любовь уже молчу
И не могу от радости кричать.
Пытаюсь «да» и «нет» не говорить,
Но что тогда останется сказать?

НЕПОСТОЯНСТВО

Накатила, оглушила весна,
Затопила полозья она.
Уже хор бубенцов не звучит,
Даже песня под грудью молчит.

Только всплеск молодого ручья
И потухшая радость моя.

Ее, может, не стоит искать,
Чтобы было на что наплевать.

НАИСКОСОК

Снег наискосок, путь наперекор,
И ночная тьма целится в упор.
Мутный диск луны дышит в желтый снег,
По земле идет сонный человек.

И большая тень от него бежит,
Испугавшись глаз неприкрытых лжи.
Только новый день ей велит опять
Повернуть назад и за спину встать.

Где была она, не понять глазам,
И прилипнет тень к темным волосам.
И никто уже не торопит ночь,
А, увидев диск, убегает прочь.

ВОЗРАСТ

Я храню в себе все возрасты.
Это странно и немного по-музейному.
Притворяюсь, что верна последнему.

У кого-то даже лучше получается,
Когда только одна роль случается.
Лучше, если с пудрой и манерами.

Может, избегая подозрения,
Честно поместить себя в последнюю,
Чтоб не бегать по годам растерянно?

ЦВЕТЫ

Может быть, не так все было,
Но мне кажется, что хотели Вы меня обрадовать.
И поэтому, купив цветы,
Гордо шли и наполнялись трепетом.

Мне знакомы эти чувства. К сожалению,
Ваш сюрприз привел к слезе непрошенной.
Вы здесь ни при чем, цветы – тем более, -
Просто дело было вечером.

Просто надвигался день рождения,
Просто были мысли, вопрошавшие,
Почему так мало в жизни сделано.
И еще случился гнев с отчаяньем.

Ваши же цветы – не этому?
И не лени, не сомненью, не безволию.
Если просто оболочке – то бессмысленно –
Так считала я, а Вы не думали.

Безусловно, Ваши мысли – не мои,
Все обычно в те моменты счастливы.
Я давно не видела букет изысканней,
Просто больше не дарите мне цветы.

Если было «до» - непонимание
И потом бескрайнее бездействие,
Страхи перемен и прочее, чтоб
Был повод не сказать про главное,

Если все останется по-прежнему,
Под завесой неопределенности,
Не дарите мне цветы тем более,

И прошу меня не успокаивать.

ЯНВАРЬ

Голоса и огни под шалью
тишины бездыханно тлели.
Беспризорные прутья, ежась,
вязкий запах в снегах укрыли.
Разметавшись развязно, вьюга
белый пух катала уныло
и небрежно в слепом тумане
непокорную ветвь крошила.
И лишь ель одна глазом мутным
уходила куда-то немо...
И в досаде взметнувшись, вьюга
на нее волной покатила –
Лед дыханья хлестнул тело,
утопив в дрожании пыли,
и бессвязным воем по иглам
растревожено эхо ходило. –

Корни ели давно остыли –
тогда все ожидали чуда,
И не силой вьюги, а стали,
разлучили ее с землею.
А когда тосковать стали,
как, давясь, мишуру ели,
дети дерево отыскали
и поставили в стылом поле.
И тянули улыбки снова,
хороводы вокруг водили.
Они просто веселы были,
они просто как все шутили.

ФЕВРАЛЬ

Недоношенный сын из подола зимы
безмянно сползал в неуютность дорог
и сидел пеленой на спине городов,
и смущенно ласкал мозаичных людей.
А когда кисть руки бороздила пейзаж,
черно-белая боль трепетала в костях.
Штукатурка с небес забивалась в глаза,
торопя каблуки под железный навес.
Возмужав, он узнал о касаньи беды
и метался в бреду от видений воды,
Просочившись в дома, он неистово выл,
как подслушивал мысль предвкушенья весны.
И на выдохе жизнь – он растягивал ртуть
и метелью хрипел, свистом тело садня.
Оборвавшийся крик рассекали лучи,
и въедались снега в поры дряблой земли,
и лежали они ржавой ватой во сне,
а на утро их стон захлебнулся в реке.

Скупая сиротливая зима...
Кто скажет: «Онеменье ей к лицу»,
повержен будет хохотом смычка
проталин, разорвавших тишину
и устремивших свой неутомимый взор
на матовую бледность февраля.
От ярости такой оторопев,
исчезнут надоевшие снега,
откроется земли дородной стыд,
едва ли признающей дерзость дня.

МАРТ

Февраль страдает от комплекса незначительности,
видя, что им пренебрегают,
и силы положены на вызов ощущения марта
и коллективной беззаботности.
Многие даже пытаются обрадоваться.
Проснувшаяся муха с энтузиазмом бьется оземь –
то ли в солидарном приступе нетерпения
или заводясь на восторг.
Зима, не вынеся лишних подробностей,
отступает.
И дети облепляют ручьи, как-будто это с ними впервые.
Всеобщее благодушие уже настораживает,
но по канонам весны
надо принять
оцепенение радости.

Март водил меня играть со светом, так как дома было темновато.
И любила я себя от лени, беззаботность в безрассудности купая.
Я терялась в разности манящей, и домой совсем я не хотела.
Не заметила, как я себя забыла, где-то ненадолго потеряла.
Может, в недрах у апреля неустанность, а в пыли дорог одна безмолвность.
Я не чувствую в апреле силы, потому что за спиной безлюдность.
А движение природы осторожно: солнца свет и ветра вой с оглядкой.
Не от злости окружают тени, отшелушивая ветхость чувства.

Беззастенчивые краски марта могут обернуться пеплом.
Если встречу в доме безучастность, страшно будет, пусто,

стыло, серо.

А сам-то март путается, ныряя в прошлогодний хлам.
Короче говоря, он не готов.
Но так как помимо всего прочего
на земле расположены кошки, сено и солнце,
все по-прежнему упиваются радостью.

Снова я к сараю приближаюсь,
и из затхлости струится лень —
как идет сараю эта давность.
Рядом листья, мусор и истома,
вдавленные в землю прутья.
Я вдыхаю запах дыма, сена.
Я стою и лучше, чтоб молчала.
Просто буду рядом, я чужая.

МАЙ

Я не хочу идти копать —
задумаю я помечтать.
Я помещу себя в сад
и в листья жадно упаду,
где паутина будет спать
и нос с ушами щекотать.
На наш заброшенный сад
неоднократно падал взгляд
соседа — он был очень зол,
что одуванчик там расцвел,
что за травой не видно нас,
когда он пьет совсем не квас
и что мы плещемся в воде,
когда он в мыслях о труде,
что говорим мы не о том,

когда он строит лучший дом,
что наша жизнь скучна, праздна,
заборов новых лишена,
азарта нет совсем у нас,
соревнованья пыл угас. —
Так это, друг, чтоб нас коря,
ты понял, что прожил не зря.
А за забором там и тут
печальные глаза плывут.

Осмелюсь распахнуть окно, когда последний крик смолка-
ет,

я тайно выведать хочу, кто ночь холодную вдыхает:
(я отступаю — тень моя в костюмах городских играет).
Огни домов, резвясь, язвя, лукавой искоркой мелькая,
сбивают с толку, хохоча, и засыпают, умолкая.
В одном окне цветы грустят, дневную славу вспоминая,
сейчас с понурой головой пробелом красок угасая.
Ночь, не обманывай себя, ты жизнь ничью не отнимаешь.
И стены чувствуют тепло, когда по камням ты стекаешь.
И вот рассвет — закрыть окно — но это больше не спасает,
мне колкий воздух режет грудь, а сзади город сонный тает.

РАДОСТЬ

Радость — поток;
живет, трепещет,
бездонно летит —
показалось...
Затихло, угасло.

ГРУСТЬ

Вялая смена мгновений
в пелене проплывает.
Тускло... Затихаю и –
медленно слезы текут...
Сонно. Серо.

Из баллончика не мусс – облака
давит небожитель свысока.
Кувыркается в пене божок
и трубит в свой небесный рожок.
Он устройство подсмотрел у людей,
попугать он их решил – ах, злодей!
Вот летит самолет – эй, куда?
Улыбается, язвит борода.
В белый плен попал самолет,
и не видит ни черта пилот.
А божок такой прыткий, лихой,
рядом вертится, трясет бородой,
а потом вдруг опомнился, орет –
потерял он в бездне самолет.

Болела, стенами заткнулась,
а листья напрягали суетой,
и было мало у меня движенья
в отличие от листьев мельтешенья,
и чужд им был удел такой.
И балерины всколыхнули воздух,
а только что стояли в мастерской,
и страшно было им одно движенье,
но чудом изменивши положенье,
они бежали, предали покой.

Железно-каменная бездна их смущала,
но шли они, упрямые, на свет.
И сердце билось их пока несмело,
а тело гипсовое все кипело
и многих было старше на сто лет.

Я иногда ухожу, внешние звуки закрыв,
листья и голоса без сожаленья забыв.
Так лоскутом и лежу, в сырости тихо застыв.
Ну а с другой стороны, может быть, слезы текут.
«Вот бы тот рваный узор соединился опять», -
думает мелкий лоскут, к нитям неблизким стремясь.
Страшно и хочется вновь к линии прерванной встать,
так и приходится им разную жизнь представлять.
Чья-то иголка и нить вновь пришивают лоскут.
Кажется, сходится все, если тот шрам не считать.

Да, я знаю, это ненормально,
да, я знаю, в прошлом нету силы,
но ведут меня воспоминанья в город,
что давно покинул.
Он для тысяч неизвестен в мире
и поэтому не нужен вовсе,
но у них есть свой такой же
город, где когда-то их родили.
Не могу сказать, что грустно,
что прошла та жизнь и не вернется.
Я не знаю, как назвать то чувство.
Это, думаю, не сожаленье. Что же?
И поэтому я еду и не в настоящий город
и не в прошлый.
Просто к точке, из которой

жизнь пошла извилистой дорожкой.

Европа славит Бетанкур,
у нас в поселке ценят кур.
Как эти мысли примирить?
Да просто всем футбол любить.

Я и не закон и не судья –
если на ребенке чей-то груз,
почему допущено судьбой
мучимым до смерти быть?
Может быть, вину свою
сможет после детства осознать...
Просто тяжести такой
крохотному телу не понять.

БАБА НИЛА

Пригнали трактор. С ЖКХ – рабочих,
массивная начальница – всех прочих.
Кричали и ворчали, уходили –
начальницу все изводили.
Прийдя на место, снова исчезали,
и так все повторялось два часа ли.
А смысл был приходить и уходить,
и трактор оставался выть.
И выглядело все тоскливо,
и выброшена жизнь была брезгливо.
Небрежно брошено белье и одеяла,
когда-то этим жизнь ее стояла.
Но годы шли, а голова отстала,

и время бабушку лечить настало.
Родня наследство быстро ухватила
и вскоре бабушку она забыла.
И чтобы память никогда не приходила,
продать квартиру та родня спешила.
Торг состоялся. Все отдали,
а мысли грустные не покидали.
И дверь лежала, и часы не били,
по платьям чьи-то сапоги ходили.
В глазницах окон грусти мне не видно
и рядом нету тех, кому обидно.

Опасная свежесть утра.
Позволено только дышать.
И трепетный взмах паутины
меня приглашает молчать.

Я смирно стою и утро,
собрав сонных звуков суть,
натачивает их бесшумно,
чтоб в голову их воткнуть.

Серой, плотной шапкой нас накрыло.
Мы попались, словно тараканы.
Только что в траве сухой лежали,
а теперь в квартирный мрак упали.
В жизни стало меньше интереса,
все дороги в оспинах дождливых,
красок часть ушла и не вернулась,
мы сидим, в движеньях осторожны,
с вялыми от скуки головами,
с голосом, скорезенным зевотой,

с ноющей спиной временами,
белым светом сразу недовольны,
в принципе, всегда им недовольны.
Ну а тема очень популярна
давностью, своей величиною,
всхлипом об одном и том же.
Может быть, ее отменим –
что терзаться смыслами такими?
В результате нескольких движений
мы внесем туда энтузиазма.
Вот я вижу – туча отползает
в сторону, робея перед чем-то.
Это тишина с клыками
примеряет место незаметно.

Это рай из коз, петухов, дворов,
где сарая щель держит пауков.

Это вой стрекоз, караваны мух,
там в дубах лежит пожилой пастух.

Это пыль в ноздрях и навозный зной,
босоногий скрип и осиный бой.

Там сошли с ума от жары слова,
наводнением всем там грозит молва.

Я застряла здесь бездорожьем дней
и сию, смотрю на обломки пней.

Так много слов по книгам разбежалось,
так много их в веках распределилось.

Уверенно стоят ответы давшие,
сомнением в душе – их не нашедшие.
Их сотни тысяч давят полки книжные,
на ком-то они – вечными вопросами,
а в ком-то вызывают страх, что все уйдем,
кому-то жить мешают, не дают поесть.

ИЮЛЬ

Июль, ну будь же человеком,
пройди по телу ты жарой.
Ты в горло дуешь только ветром –
кому от этого легко?
Ну ладно, вышел помидором
или колючим огурцом,
обглоданным тотчас ежами,
оплаканным соседским ртом.
От сока яблок скулы к брови
приблизилась на сантиметр.
И вишни сок дает в стакане
недобрый, ядовитый всплеск.
А с юга в фирменном вагоне
везет интриги человек.
И с кожей черной гордо ходит,
купив у солнца вдалеке.
И взгляд презрительный бросает
на белых, что стоят в окне,
или застряли в грядке сада,
или запутались в белье.

ВЗГЛЯД

Шла по вспоротой дороге,
красно-серые пласты

прогибались под подошвой
и визжали как кроты.
Вдруг в лесу смотрю телега
выплывает без коня,
из нее глаза съедают
сверху до низу меня.
И стоит старуха-стебель
обороной пелены,
и живет она от века
нашим страхом тишины.
Тишина немого взгляда
победила города,
оправдательное слово
умервила навсегда.

ГРУЗИЯ – ОСЕТИЯ

Вот и рыкнуло войной –
Много тел без сердца власти.
И дохнуло тишиной
С зыбкой эйфорией счастья.
И распалась правда-ложь,
Разделившись на границах.
И трусливая любовь
Проявилась на лицах.
И особенно тепло
Оттого, что ты – хороший,
Выбирая невпазд,
Кто тебе всего дороже.

КРАШУ

А красить – даже не копать.
В саду в мозгах гуляя, ветер,

их очищает от забот,
и солнце в кость приятно метит.
А в доме тело в кабалу
дверей и косяков попало,
и вдохновение его
страну теней уже узнало.
Мозги, попавши в ацетон,
провисли тяжестью и злостью,
и кашель, вырываясь вон,
опять ко мне приходит в гости.
Во глубине моих мозгов
рычащий гнев уснул, наверно,
и все подробности дверей
мне суждено любить безмерно.

Сквозь дождь, наложенный на день
я в дом, завязанный словами,
вползла, а там и вкривь, и вкось
еще и люди залегали.

В квартирной нише комья слов
сидели, звуками безвкусны
и вялою рукой людей
не приводимы были в чувства.

А рядом краски глаз в ведре
застыл упрямо и лениво,
а в старом мусорном мешке
засохла клякса в целом криво.

Упавшей буквы след прошел,
проделав бреши в слое пыли.
Паук, сковав ее тотчас,
оставил в липкой паутине.

Но что-то дернулось внутри,
хотя из горла прямо в пятку,
из пятки в голову летя,
меня толкнуло по-порядку:

Сначала звуки в соль макнуть,
в себя втянуть их через глотку.
И букву искупать в ведре,
глаз положив на сковородку.

Тогда и счастье зальет.
И будут звуки с пирогами
сидеть в раскрашенном ведре
и чавкать сочными слогами.

Технические и этические правила публикации в альманахе

Принимаются тексты в электронном виде. Рукописи присылаются одним файлом (стихи друг за другом) в формате .doc Microsoft Word (шрифт Times New Roman, размер шрифта 12, пробел – полуторный) на электронный адрес info@genmir.ru. В теме письма указать «Альманах «Тула литературная». Красная строка не отбивается интервалами, достаточно однократного нажатия клавиши Enter при переходе со строки на строку.

Автор предоставляет:
библиографическую справку;
своё цветное фото;
свои материалы.

Не допускается публикация материалов:

порнографического и сексуального характера;
экстремистского характера;
порочащих честь и достоинство конкретных людей;
наносящих травмирующее действие детям;
националистического или иного подобного характера;
антирелигиозного и экстремистского характера;
жизнеугнетающего характера.

Редакция заранее выражает сожаление по поводу отказов в публикации и приносит свои извинения в связи с этим.

Адрес редакции: info@genmir.ru

Издание альманаха в бумажном варианте может отличаться от электронного варианта как в сторону снижения объёма, так и в сторону его расширения.

Оглавление

От издателя и составителя Альманаха "Тула литературная" _____	3
Татьяна Леонова (Абинякина) _____	4
МОЛЬБА _____	4
Давно такой от счастья пьяной _____	5
Из несвободы – на простор, _____	6
Когда проснувшись ранним утром _____	6
ФЕВРАЛЬ _____	7
В период тягостных невзгод _____	7
На фоне увядающего сада, _____	8
Спрятан в облаках тумана _____	9
Мы все когда-нибудь уйдем, _____	9
А Вас я ни в чем не хочу обвинять, _____	10
Рано, рано над Россией _____	10
О, Русь моя, святая и всепетая, _____	11
Как быстро лето пролетело – _____	12
КОНЦЕРТ СЛОБОДАНА ТОДОРОВИЧА _____	12
В ДОМЕ Л.Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ 26	

СЕНТЯБРЯ 2006 г.	12
Здесь всюду Божья благодать –	13
Высоко, торжественно, щемящее	14
ВСТРЕЧАЕТ ОПТИНА МЕНЯ	14
В ОПТИНОЙ	15
Примири, о, Боже, всех враждующих:	16
Стран изменяются названия	16
ЛЕСНЫЕ СВИРЕЛИ	17
В холсты лугов из изумруда,	17

Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир) _____ 18

РОССИЯ	19
РУССКИЙ ДУХ	20
ВОЗДВИГНИ ХРАМ	21
Воздвигни храм и сам войди в него.	21
УЖЕ, МОЙ ДРУГ	22
СИМФОНИЯ ДОЖДЯ	23
ПОЛЕНОВО	24
КРЕСТ	24
Я существую номинально,	25
Нарисуй мне ветер в красках,	26
МЫ ВСЁ ЕЩЁ ЖИВЫ	27
ЗАЧЕМ	27
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	30
ДЕТСКОЕ	30
СЛОВО «ЛЮБЛЮ»	31
Приснилось мне:	32
Я люблю тебя, люблю...	33
МАЛЕНЬКИЙ ПЁС	33
Я приеду к тебе, поживу, как в раю.	34
ДУШИ ПРОХОЖИХ	35
Я, КОНЕЧНО...	36
КАРДИОЛОГИЯ	36
НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕ ЖЕНЩИНУ К СЕБЕ	38
ВОСЕМЬ ЗИМ	40
ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ ДОЖДЕ	42
РЕКВИЕМ ЛЮБВИ	43
МОКРЫЙ ДЕНЬ	45
ЗЕРКАЛО	46
В «СТОЛЫПИНЕ»	47

ОДНА МИНУТА ХРИСТИАНСТВА	47
СУДЬБА	48
СВЕТ НЕБЕСНЫЙ	49
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ	50
Я иду по Иерусалиму,	50
ЭТИПАФИЯ	51
ЛОЖЬ И ИСТИНА	52
Наверно, я родился зря –	52
Нельзя сердиться на любимых,	53
Что мне надо для себя? -	54
СУДЬБЕ	54
ДУША МОЯ	55
ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК	55
Палачи демократии	56

Таисия Медведева (Пашкова) _____ 59

ПРОЩАНИЕ С СЕНТЯБРЕМ	59
РОЖДЕНИЕ СТИХА	60
Ах, эти домики резные,	60
О Родина! Какая ты, скажи,	61
МЕНЯ НЕ ОТПУСКАЕТ СТАЛИНГРАД!	62
ИМЯ	62
СТИХИ РОЖДАЮТСЯ ИЗ СЛОВ	63
А я писать иначе не могу,	64
ОДА КАРТОШКЕ	65
ПЕРЕДЕЛЫ	66
«ВЫБИРАЮ ДЕРЕВНЮ НА ЖИТЕЛЬСТВО...»	67
ДНИ ЛИСТОПАДА	68
Опять дожди гуляют по Руси,	68
Осень снова бредет за околицей.	69
Будто в осени я заблудилась,	69
Снег мой белый –	70
ЗИМОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ	71
ПЕРВЫЙ СНЕГ	71
НА ЛЫЖНЕ	72
КОСТЕР	72
Затуманилась ночь	73
КОЛЬ ЗАБУДЕШЬ...	73
НЕ ОТРЕКАЮСЬ ОТ СЕБЯ	74
Сама отмеряю свой век	75

Я много раз с тобой прощалась _____	75
Бессонница _____	76
БОГОРОДИЦА _____	77
На все про все мне жизни не хватает, _____	77
Рассказы _____	78
«Я встретил Вас...» _____	78
Юдоль _____	84
Дружок _____	89
Вячеслав Тютчев _____	93
БАРХАТНЫЙ СЕНТЯБРЬ _____	93
МЕСТА _____	94
ЛЮДИ-ФИЛЬТРЫ _____	94
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ _____	94
ОЛИМП _____	95
ПЧЕЛЫ И ЛИЛИИ _____	96
ТЕЛА _____	97
ПРИЛЕТЕЛИ ПУЛИ _____	97
НАЦЕПИ, УДЕРЖИ, ПРИКАЖИ _____	98
НОВОЕ ОРУЖИЕ _____	98
ТЕНЬ МАРСА _____	99
ДЕРЖАВА _____	100
КНЯЗЬ _____	101
ЗАПЕКАНКА _____	102
ОКТЯБРЬ _____	102
ОТТЕПЕЛЬ _____	103
ЭКСТИНКЦИЯ _____	103
СЛУЧАЙ _____	104
ГОЛЫШИ _____	104
МОДЕЛЬ И КОРОТЫШКА _____	105
ЛИЦА УЛИЦ _____	106
ОДНА _____	106
ЛЕКСЫ _____	106
МЕЧТА РЕФОРМАТОРА _____	107
ОРИЕНТИРЫ _____	107
ОСНОВНОЙ ВОПРОС _____	109
ГАРАНТИИ _____	110
ВЫВЕРНУТАЯ НОЧЬ _____	111
ПРОГУЛКА _____	113
РОССИЯ _____	114

Сергей Щеглов _____	115
Повивальную бабку – за штат! _____	116
Слово к читателям _____	116
Заветы Христа – Толстого и реалии жизни _____	117
Александр Харчиков. _____	141
Новые стихи _____	142
ПОСЛЕДНИЙ УЖИН _____	142
СТИХИ ПОЭТУ _____	143
ВЫХОД _____	144
СУДЬБА _____	145
ОСЕНЬ _____	146
ТЫ ПОСМОТРЕЛА НА МЕНЯ... _____	147
ВНУЧКА У БАБУШКИ _____	147
ПАМЯТЬ _____	149
МОНОЛОГ ПЕНСИОНЕРА _____	150
ОСЫПАЮТСЯ ЛИСТЬЯ _____	150
У ПОРОГА _____	151
В ПУТИ _____	152
СМЕРТЬ ГАРМОНИСТА _____	153
ОЖИДАНИЕ _____	154
ПРОЩАНИЕ _____	155
РЕИНКАРНАЦИЯ _____	156
МИЛАЯ _____	156
ПРОРОК И ЛЮДИ _____	157
ЛЮДИ _____	158
ПРИМЕТЫ _____	158
О ПЕСНЕ _____	158
ИУДСТВО _____	159
БЫТИЕ _____	160
ПОИСК _____	160
ЖЕЛТЫЕ РОЗЫ _____	161
ТЫ УХОДИШЬ _____	162
ОСЕНЬ _____	162
НА ВЕРШИНЕ _____	163
Старый чеченский пес. Рассказ _____	163
Замр в ожидании... Террор и борьба с ним. Точка зрения. _____	171
Анвар Усманов _____	178
Ничто не ранит нас настолько, _____	179

Хочу я жить, чтоб не единым словом	180
Я ЛЮБЛЮ	180
Я не поэт, Вам причудилось.	181
КОКЕТНИЧАТЬ МНЕ НАДОЕЛО	181
ПРОЩАЙ	182
ПЕСЕНКА БОМЖА	182
ХОЧУ Я ЖИТЬ	184
ИДУ СКВОЗЬ ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ	185
ПРОВЕРЯЛ Я НА ПРОЧНОСТЬ ГРАНИЦЫ	
ДОЗВОЛЕННОГО	186
НЕ ОДИН	186
Я ВЫШЕЛ ИЗ ЮДОЛИ СЛЕЗ	187
МНЕ ТЕСНО	187
Я ПЛЫЛ ПО ВОЛЕ ВОЛН БЛАЖЕНСТВА	188
ГРЕХ	188
"Надоело небу плакать над несчастьями людей",	189
Надежды тонкий голосок	189
"Пора, мой друг, пора".	189

Игорь Тютюкин 189

«ДАР ЖИЗНИ» (версия от 24.05.2008 г.) Космические стихи

	190
АЗ	190
ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ	190
НАЧАЛО СВЕТА	192
НАША ВСЕЛЕННАЯ	193
МОНАДЫ	194
МЫ	194
СУЩЕСТВА	195
ПУТИ РАЗВИТИЯ	195
КОСМОС	196
СИСТЕМЫ	197
ИНСТРУМЕНТ	197
ТВОРЧЕСТВО	198
К СОВЕРШЕНСТВУ	198
ЕДИНСТВО	199
ЛЮБОВЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ	199
МАЛЬЦЫ	199
КОЛЫБЕЛИ	200
ПРИНЦИПЫ	200

СОЛНЦЕ	201
МЕРКУРИЙ	201
ВЕНЕРА	201
МАРС	202
ЮПИТЕР	202
САТУРН	202
УРАН	203
НЕПТУН	203
ПЛУТОН	203
ДАР ЖИЗНИ	204

«ПУТЬ К СЕРДЦУ БАЙКАЛА» (версия от 24.05.2008 г.)

	204
ЛЕТНИЕ ПЛАНЫ	204
ВПЕРЕД, НА «ГРУШИНКУ»!	205
24 июня, суббота	207
25 июня, воскресенье	208
26 июня, понедельник	209
27 июня, вторник	212
28 июня, среда	212
29 июня, четверг	213
30 июня, пятница	214
1 июля, суббота	215
2 июля, воскресенье	215
3 июля, понедельник	216
ЗДРАВСТВУЙ, ПЕРМЬ!	216
Фестиваль «Молебка-2006»	217
САМЫЙ ЗНАТНЫЙ ИЗ УЗБЕКОВ — АКАДЕМИК М. НОРБЕКОВ	219
ПОСЫЛКА-ЧЕЛНОК	220
К БАЙКАЛУ!	221
Фестиваль «Ангара-2006»	221
Фестиваль «Байкал-шаман-2006»	222
«Слет трезвых сил Сибири-2006»	224
КАК Я СТАЛ АВТОСТОПЩИКОМ	225
НА СВЯТОМ НОСЕ	228
ГИДРОСТОПОМ ПО БАЙКАЛУ	231
ОЛЬХОН — СЕРДЦЕ БАЙКАЛА	233
ПЕШКОМ ПО СТАРОЙ КБЖД	238
«ДОМ КРОТОВА»	240
БАЙКАЛ — ЭТО ЧУДО СВЕТА	242

АВТОСТОПОМ ИЗ ИРКУТСКА В ТУЛУ _____	244
3 сентября, воскресенье _____	244
4 сентября, понедельник _____	245
5 сентября, вторник _____	246
6 сентября, среда _____	246
7 сентября, четверг _____	247
8 сентября, пятница _____	248
9 сентября, суббота _____	248
10 сентября, воскресенье _____	249
Олег Пантюхин _____	250
БАЛЛАДА О ЛЮБВИ _____	251
БЕЛАЯ ПТИЦА _____	253
БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАТЕРИ _____	253
В храме тихо и просторно, _____	254
ВЕТЕРАНЫ ВОЙНЫ _____	254
Желтыми листьями октября _____	256
Заметает февраль все дороги. _____	256
НЕ СМЕЙТЕСЬ НАД ПОЭТОМ _____	257
НЕБЕСНЫЙ СВЕТ _____	258
ПОЭТ _____	258
РУССКИЙ ЛЕС _____	259
ТРЕВОЖНЫЙ ВЕТЕР _____	260
ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА _____	260
Я тебя никогда не забуду, _____	261
Стихи июнь 2009 _____	262
В звенящей ночной тишине _____	262
Глоток весны... Так хочется его! _____	262
ИИСУСУ ХРИСТУ _____	263
Как порою не хватает нам весны, _____	263
Старый парк безмолвие хранит, _____	264
РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ _____	265
Снег заметает прошлого следы _____	265
Иосиф Гольд _____	266
В МИГ ПРЕДЕЛЬНЫЙ _____	266
МАМЕ _____	267
ЛАДОНИ МАТЕРИ _____	268
ЗНАЮ Я, РОДНАЯ, ТЫ УСТАЛА _____	269
ЧТО Ж ТАК СЕРДЦЕ БОЛИТ ЧЕРЕЗ ГОДЫ _____	270
БРАТУ _____	270

СЕГОДНЯ ТЫ СТАЛА ЛЮБИМОЙ ЖЕНОЙ _____	271
ЧУДО ПОНИМАНИЯ _____	272
ИЗ ШКОЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ _____	273
О СЧАСТЬЕ _____	274
СИЛЬНЕЕ МУЗЫКА ЗВУЧИ _____	274
НУ ПОЧЕМУ ТАК МИР РАССЕЧЕН _____	275
Я БЫЛ _____	276
ДЫХАНИЕ ЗЕМЛИ _____	277
ЭТИОД _____	277
ВСЕ-ТАКИ БЫЛО ЭТО _____	278
ЛЕГЕНДА ОБ АЮ-ДАГЕ _____	279
СЛЫШИШЬ ВОЗДУХ ЗАСТЫВШИЙ _____	280
ОГРАНИЧЕНЬЯ _____	281
ПУСТЬ УТРО ДЫШИТ _____	282
ТЫ УШЛА БЕЗВОЗВРАТНО ВО ТЬМУ _____	283
СЕГОДНЯ НЕ ЗАСНУ Я ДО УТРА _____	283
КАК НЕ ХОЧЕТСЯ ЦВЕТА ОСЕНИ _____	284
НЕ УВЯДАЙ _____	284
ЦВЕТОК _____	285
МНЕ СЕГОДНЯ ПРИСНИШЬСЯ ТЫ _____	285
МНЕ ХОТЕЛОСЬ НЕМНОГО _____	286
ЭТО НЕ ИЗЛЕЧИТЬ, НЕ ВЫПЛАКАТЬ _____	287
РОЖДЕНИЕ ПОРТРЕТА _____	288
СНЫ _____	288
А В ОКНА БРЫЗЖЕТ, ЗАЛИВАЕТ СОЛНЦЕ _____	289
БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ _____	289
И БУДЕТ ДНЕЙ ВИХРЯЩИЙСЯ ТУМАН _____	290
ОТРАЖЁННОЕ _____	290
ДУРАКИ _____	292

Анатолий Александров _____	293
ДИАЛОГ С КЛАССИКОМ _____	294
НЕСКАЗАННЫЙ СВЕТ ОТЧИЗНЫ _____	295
БУКЕТЫ ОБЛАКОВ НАД РОССИЕЙ В ПЕТРОВ ДЕНЬ! _____	296
БЛЮЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ _____	298
ЩЁКИНСКИЙ БЛЮЗ _____	298
ПОЛУНОЧНЫЙ МОРОЗНЫЙ ПУТЬ _____	299
КУЧЕРСКАЯ – ХАТА С КРАЮ ЗА ДОМОМ _____	300
ВОЛКОНСКОГО _____	300

ФИОЛЕТОВЫЙ ЗАКАТ	301
ТРОПИНКА – В ДАЛЬ... ТРОПИНКА – В ВЫСЬ...	303
В ДЕРЕВНЕ НА 4-м ЭТАЖЕ	305
ТО, ЧТО НИКАК НЕ ПРОЙДЕТ	306
ПОРЫВ МАЙСКОГО ДОЖДЛИВОГО ВЕТРА МЕЖДУ ХОМУТОВОЙ И ТЕПЛЫМ	307
ПОЛОСА БЕЛОГО ВЕЧЕРНЕГО ДЫМА ТЯНЕТСЯ ПО СВЕЖЕЙ ЧЕРНОЙ ПАШНЕ	307
ПОСЛЕ БАЛА В МИХАЙЛОВСКОМ ДВОРЦЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	308
ВСТРЕЧА С ПУШКИНСКИМ РОМАНОМ ВО ВРЕМЯ МЕТЕЛИ	310
ДЕРВИШ-ПОЭТ НА ПЫШНОМ ЗАСТОЛЬЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ МЕСЯЦА РАМАЗАН	311
«ОНЕГИНА ВОЗДУШНАЯ ГРОМАДА...»	312

Оксана Алакшина **313**

ВЕЧЕР	313
ВСЕ-ТАКИ ВЕСНА	314
ВЕСЕННИЕ СТАРАНИЯ	315
НЕПОСТОЯНСТВО	315
НАЙСКОСОК	316
ВОЗРАСТ	316
ЦВЕТЫ	317
ЯНВАРЬ	318
ФЕВРАЛЬ	319
Скупая сиротливая зима...	319
МАРТ	319
Март водил меня играть со светом, так как дома было темновато.	320
Снова я к сараю приближаюсь,	321
МАЙ	321
Осмелюсь распахнуть окно, когда последний крик смолкает,	322
РАДОСТЬ	322
ГРУСТЬ	322
Из баллончика не мусс – облака	323
Болела, стенами заткнулась,	323
Я иногда ухожу, внешние звуки закрыв,	324
Да, я знаю, это ненормально,	324

Европа славит Бетанкур,	325
Я и не закон и не судья –	325
БАБА НИЛА	325
Опасная свежесть утра.	326
Серой, плотной шапкой нас накрыло.	326
Это рай из коз, петухов, дворов,	327
Так много слов по книгам разбежалось,	327
ИЮЛЬ	328
ВЗГЛЯД	328
ГРУЗИЯ – ОСЕТИЯ	329
КРАШУ	329
Сквозь дождь, наложенный на день	330

Правила публикации в альманахе **331**

Оглавление **332**